

Рутен Колленс

СВЕТОРОЖДЕННЫЕ

ПОЛЫМЯ

Рутен Колленс

Светорожденные. Полымя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32829705

ISBN 9785449076717

Аннотация

Эйлис воспламенился, Эйлис перевернулся, легионы мертвых бороздят его континенты. Маленькая Оленфиада, волею судьбы оказавшаяся на границе миров, вынуждена бежать из объятых войной материка на восток. За востоком лежит дорога домой, на Землю, но до тех пор, покуда за девчонкой цербером движется бездна зла, ни о каком возвращении на Землю и речи быть не может. Остается только бежать, бежать без оглядки и надеяться...

Содержание

Предисловие	5
Глава первая. Ваттерские тайны	7
Глава вторая. Гиблые болота	66
Глава третья. Вековой град	164
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Светорожденные Полюмя

Рутен Колленс

Иллюстратор Елена Сергеевна Крутенко

© Рутен Колленс, 2018

© Елена Сергеевна Крутенко, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7671-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*Ты присядь, мой пророк, на пригоршине лун
Приготовься услышать предание,
О Грядущей войне сроком в тысячи тун
Между светом и тьмой и Создателем
В дремах зорьки моей полуночной
Погребенный пороками древними
Видел я, как мой мидгард рассыплется,
Ставши частью великого времени
За владычество над угнетенными
Вступит в бой гость нежданный, негаданный
Подмастерье слепого родителя,
Добродетелям морока надобный
Вслед за гуртом гнедых искалеченных
Грянет хлад – первый снег неминуемый
Обезумевший страхом истления,
Покорит смертью жизнь сын слепых
необученный
В час, когда мир погрязнет в сомнениях,
Когда брат ополчится на брата,
Я начну свой рассказ, свой рассказ вечно
скорбный,
Судьбы мира пророчащий свято
Ты присядь, мой пророк, на пригоршине лун
Приготовься услышать предание,
О Грядущей войне сроком в тысячи тун*

*Между светом и тьмой и Создателем
Ригост Флаг,
«Предсказание шестерым»*

Глава первая. Ваттерские тайны

*Настанет день, когда сие свершится,
Уж мне поверь, его не нужно ждать.*

Ребенок повзрослеет.

Вспорхнет крылом маленькая птица,

И в небо взмлет, вновь переродится

И пуще прежнего начнет она сиять.

Линда Закс,

«Сборник прозы Норгрота», I ЭТВ

Им завладела она – одна, так глубоко поросшая корнями в его мозгу, идея. Сколько времени прошло с тех пор? Много, очень много. Канули в лету тысячи вир из тех же невозвратных тун, кованных самой Судьбой, самой Видхи – так здесь ее звали, на Эйлисе.

Десять с лишним лет назад он впервые узнал о том, что существует НЕЧТО, способное обратить его – всемогущего владыку империи Руны в кого-то более всемогущего. В Бога. Когда-то давным-давно он забросил зерно этой непоколебимой мысли о всевластии в почву своего правления и начал ждать, когда оно взрастет и даст плоды, однако лета пролетали бесследно, а высаженное им зерно, хоть и проросло и пустило корни, мало-помалу увядало, а затем и вовсе сгнило.

Отыскать НЕЧТО? Разве такое возможно?

Сия давняя затея оказалась невыполнимой, а посему была

заброшена и вынуждена была ждать своего часа. Дни и ночи, недели, месяца, годы – они утекали сквозь пальцы, как красный песок чуждых ему Красных выжженных земель, как серая пыль, в которую превратились его враги, инакомыслящие, суеверы и набожные. Сколько же времени прошло! Но следовало ли считать его здесь, на Эйлисе?

Пробил час, когда давняя затея дала о себе знать. Она пробудилась. Не зря на нее было потрачено столько душ!

Пробил час, когда зерно сбросило подгнившую кожуцу и снова взошло! Не зря владыка излил на него столько человеческой крови и столько костей на него возложил!

Флаги с оком Дэзимы затрепетали и белые цветы вспыхнули вместе с ярким илиусом на востоке. В Дарке воцарился хаос. Если бы Хедрик открыл глаза и прислушался, он бы увидел и услышал, что происходит нечто ужасное, что потусторонние силы проникли в его владения, укрыли своими брешами каждый этаж и каждый лестничный пролет; что в замке не осталось тех мест, где бы не трубили в рог, где бы не ждали лекарей и целителей-магов, но сейчас он не хотел не видеть и не слышать. Каждая живая душа ныне знала, что Вторая уничтожила любимый сад владыки и обратила в пепел его лучших бойцов. Каждая душа знала, кроме души Хедрика. В его душе были лишь Светорожденные.

Мимо пробежали хранители, вооруженные до зубов, –

Хедрик не обратил никакого внимания. Возможно, даже если бы он и заметил их, то никогда в жизни и не подумал бы, что в его цитадель проникли, что его цитадель громят!

– Мой алакс! – лепетал Боттерт Кнат, дрожа в три погибели. Он бежал, спотыкаясь и падая, всеми силами пытаясь донести до алакса истинную суть вещей. Хедрик не слышал его. Не хотел слышать.

– Мой алакс! В замке творится ужасное! Вы слышали рог? Кто-то проник в Дарк без ведома вашего сиятельства. Что нам делать?

– Решай сии проблемы сам! – отмахнулся волшебник, не вникая в слова, резко повернулся на каблуках и исчез в дверном проеме.

Илиус знойно палил из окон. Бешено пролетели коридоры, комнаты, залы. Сейчас алакс был жутко зол на необъятные просторы своих владений! Казалось, сюда уместили весь сатаилов Септим с сатаиловым Кеплером в придачу! Сколько реальностей здесь создали проклятушие маги-предшественники?! За долгие годы своего правления Хедрик не запомнил даже половины путей, открывающихся червоточинами, и часто плутал в пустых коридорах, пытаясь отыскать нужную ему дверь. В такие моменты он ненавидел магию и всем сердцем желал, чтобы в один прекрасный день Дарк стал обычным замком без запутанных провалов и зачарованных тайных проходов.

Так быстро он никогда прежде не ходил. Хедрик вытер пот

со лба. Фрак прилип к его мокрому вспотевшему телу, в тяжелых алаковых одеяниях стало невыносимо жарко! В конце концов Хедрик решил, что будет лучше, если он остановится, переоденется и возьмет себя в руки.

«День истины! – торжествовало внутри. – День, когда мои желания СТАНУТ явью!».

Волшебник сбросил черный фрак. Срывая золотые пуговицы, скинул мокрую рубашку. Подошел к открытому окну и отдышался.

«День истины! День, когда я СТАНУ свободным ото всех оков!»

Медленно его жар утих. Алакс призвал чистую одежду, накинул ее и открыл дверь, ведущую к круглой башни. Дневной жар полился в отворившийся проход, и невидимые прежде пылинки взлетели в воздух, снежным бураном закручиваясь на свету.

Башня неслась спиралью. Ступени уходили куда-то ввысь, им не было ни конца, ни края. В крохотных окошках, кои служили здесь единственным источником света, ютились совы и голуби-разносчики писем. Завидев алакса, они вздрогнули и улетели прочь с протяжным криком. Этот крик еще долго стоял у него в ушах.

«Что ж, вот и наступил день моего триумфа» – подумал Хедрик, взглядом провожая пылинки, соскальзывающие с темной поверхности окон. В груди резко закололо. Он прикоснулся влажной ладонью к своему сердцу и почувствовал

его нервное трепыхание. Трепыхание маленькой птицы.

«Бреши? – спросил он себя, читая невидимые волны энергии. – Нет, наверное, показалось. Я попросту перенервничал».

Раздалось хлопанье крыльев. Алакс вздрогнул от неожиданности. Черный ворон, взъерошенный черный ворон с выколотым левым глазом, на отблеске отбрасывающим жемчужно-перламутровый перелив, появился в окне, схватился ажурными лапками за твердую поверхность и приземлился. На фоне неба, укутываемом смутными серыми тучами, птица казалась темнее, чем она есть, и... свирепей. Она вселяла страх. Зачем было только делать этих птиц главными посыльными? Ах, да, ответ ведь прост: ворон доставил бы послание наверняка, чего от голубя ждать не приходилось. Голубей часто перехватывали хищники побольше, а вороны и сами по себе были хищниками побольше. За долгие годы войны их тут развелось несметное полчище.

«Сатаиловы падальщики! Предвестник дурных новостей» – пробежала искрометная мысль в голове и тут же угасла – Хедрик не верил во все эти суеверия.

– А ну вон отсюда! – прикрикнул он, слегка взмахнув пальцем. Птицу ударила невидимая сила, оборвав несколько черных перьев. Недовольно каркнув, ворон умчался прочь.

С вершины донеслась песня. Владыка не смог разобрать слов и лишь уловил слухом знакомый ему мотив. Ему песнь была знакома. Он горел желанием снова ее услышать. Нет,

она не нравилась ему ни исполнением, ни содержанием, однако всегда, когда он слышал ее, в нем зарождалась надежда, надежда на то, что он сможет достичь своих целей, связанных с удивительными детьми Гомена Трокториума.

– Мой алакс, – мокрый с ушей до пят завыл Боттер Кнат, вбегая в башню с отвращенным видом, – дошли новости о нападающих! Хранители отбивают...

– Тсс! – цыкнул Хедрик. – Не время портить момент, – и пошагал вверх по ступеням. Увидев их, уставший и измотанный Боттер Кнат чуть не зарыдал, но собрав остаток сил, побежал за хозяином.

Бесконечные узкие ступени без опор и перил уходили в небеса. Один неверный шаг, одна маленькая оплошность на пути к небесной тверди и вечность поглотила бы его восходящего. Он редко бывал здесь и будь его возможность, вообще бы сторонился этой башни, однако тот, кто жил на ее вершине, был единственным человеком, нет, не человеком и даже не гардвином... существом во всем замке, способным помочь волшебнику в его непростом деле. Алакс был бы рад найти тому замену, да только жадные до сердец ветницы убили последнего живого мудреца тысячелетия еще пять лет назад.

В заброшенной астрономической башне, теперь служившей пристанищем птиц-почтальонов, жил дух Илуса Краджуса – летописца и историка эры Златоцветного Заполнения. Илус, как и все мудрецы того времени, всю свою разум-

ную жизнь занимался исследованиями магии гоменских зеркал. После своего четырехсотлетия он, по каким-то неясным никому причинам, резко изменил свои взгляды и с головой ушел в изучение семьи первого верховного мага Семимирья. Все его последующие многочисленные труды были связаны с Гоменом Трокториумом, его детьми и Нэденом. Именно от него Хедрик узнал истину, коя заразила его и поглотила с ног до головы.

Как и многие нынче, Илус Краджус стал слугой нового света, нового владыки, но в отличие от тех же многих, он мог позволить себе не быть частью империи. Частью империи становились живые гардвики, реальные гардвики. Мудрец же был пережитком прошлого, по глупости своей, несвойственной ему, привязавший себя забытой всеми магией к сей башне, превратившейся в его вечную темницу, кою он не мог покинуть даже после своей смерти.

Повелевать духом было так же опрометчиво, как повелевать вольным ветром степей: как бы алакс не хотел призвать его к себе на ковер, как бы не хотел заставить беспрекословно повиноваться, Илус Краджус был в не его власти, и все, что оставалось у владыки, это шантаж, угрозы и запугивания.

Чем выше Хедрик подымался, тем ярче разливалась песнь. Илус Краджус пообещал себе петь ее каждый день до тех пор, пока темный владыка будет править в Дарке или до тех пор, покуда его томящаяся душа не будет освобожден-

на:

*Великие маги – великие духи
Легко оставляли на сердце моем
Душевные раны, когда умирая,*

*Мне говорили: «Спаси весь наш мир!»
Но я только плакал, следы оставляя
На старых ботинках, протертых до дыр.*

*Теперь я стал стар, бороться не смею.
Я жду перемен, как грешник в тени,
Но в сердце своем надежду:
Свободного мира зажгутся огни*

«Вот же смутьян! Поди заговоры против меня плетет!» – подумал алакс и тут же, как назло, оступился и потерял равновесие. Перед глазами завертелась далекая земля, ноги подкосились, но он вовремя опрокинулся назад и впился пальцами в стену. От его грубого касания круглые камешки соскользнули с дряхлых кирпичных кладок и помчались вниз по лестнице, через две туны громом отозвавшись из далекой глубины.

Шорох был услышан. Песнь смолкла. «Ох, рано ты закончил ее» – процедил алакс и сделал последние два шага навстречу лгущей тишине. Путь на вершину был осилен. Хедрик посмотрел вниз и ужаснулся той высоты, которую он

только что осилил. Голова закружилась. Не было больше ни малейшего желания оставаться здесь. Волшебник магией открыл дверь и заскочил вовнутрь.

Легкие наполнились тяжелым воздухом затхлости. Перед ним открылась круглая комнатка, переполняемая хламом, скопившимся в ней за многие века. Время здесь будто бы остановилось. Черные пауки занавесили потолок паутиными коврами, ветхие полки сломились под тяжестью пыли, деревянные балки на крыше прогнили так, что можно было увидеть сквозь них небо и тучи. Тут и там с шумом пролетали сильфы, обгрызая многотомные книги, не брезгуя даже редкими и единственными в своем роде экземплярами. Пыль покрывала все, начиная от изумрудной люстры с давно погасшими свечами и заканчивая проеденным до дыр красным ковром на полу. Пыль тут была вместо верного сторожевого пса. Нерасторопные шаги алакса привели его в бешенство: пес залаял, встал на дыбы и голосом породил пылевую бурю.

– Утихни, – следовало ему сказать одно только слово – буря пала песком. Хедрик отмахнулся рукой от налетевших на него сильф, взглядом сжег паутину над головой и убил тучных пауков. Их пухлые трупы с грохотом упали на пол, подымая в воздух очередную стаю пылинок.

– Зачем моих друзей обижаешь? – прозвучал гневный старческий выкрик. Хедрику потребовалось две виры, чтобы отыскать хозяина голоса: тот сидел за столом в углу, об-

лаченный в белый дублет, поросший плесенью. Только приглядевшись, волшебник разглядел в темноте его просевшее лицо и два огромных пустых глаза. Мертвых глаза.

Летописец уже не был человеком. От Илуса прежнего остался смутный образ его самого в тысячелетнем возрасте, но остался не на долго. Он медленно исчезал, обращаясь в эссенцию души, в унтвика без желаний и чувств.

Длинные седые волосы скрывали половину его полупрозрачной головы, на кончике носовой кости, едва прикрытой грибным наростом, перекошенные на одну сторону неуклюже сидели очки. Кожа с трудом закрывала собой череп, позвоночник с ребрами и другие кости. Неживой, но еще и не до конца мертвый. Илус был лишь призраком, не человеком.

Мудрец сверлил Хедрика глазами и ему, великому волшебнику Руны, стало не по себе.

– Илус Краджус! – воскликнул алакс и распростер руки, тем самым скрыв свою внезапную неловкость. – Давно не виделись, мой друг!

В первую туну Хедрик хотел подойти и обнять летописца, но потом вспомнил о его естестве и замер с глупой ухмылкой на лице.

– Ты мне не друг, – злобно отсек Краджус. – Говори, зачем пришел и убирайся.

Хедрик в одно мгновение оказался у стола. От неожиданности летописец чуть было не упал со стула. Алакс впился

в его круглые пустые глазницы.

– Не испытывай мое терпение, старик, – сквозь зубы процедил волшебник. – Однажды оно может кончиться, и тогда я разнесу твою треклятую башню на кирпичи.

– И тогда ты освободишь меня...

– О, да, ты получишь свою желанную свободу, но не вздумай этому радоваться. Твоя душа пополнит список тех душ, что отправятся ко мне с ближайшим перераспределением.

– Зеркало...

– Да, Илус, зеркало отныне мое, и я буду решать, кто через него переродится, а кто – нет. Так что пока я не соизволил превратить твою обитель в груды камней, будь добр, обращай ко мне с уважением и полагающимся мне почетом, как и все остальные, понял?

– Да, – неохотно призрак кивнул головой.

– Не слышу, – прошипел Хедрик.

– Да, мой алакс, – ответил Илус и отвел взгляд.

– Вот и ладно, – волшебник всплеснул руками и отошел от старика как ни в чем не бывало. Он оглядел пыльную комнату и постучал по столу. – Чем ты занимаешься целыми днями, Илус?

Летописец было открыл рот, чтобы ответить, но Хедрик не дал ему сказать ни слова:

– Точно уж не уборкой. Здесь бардак, пора бы навести порядок, – и он взмахнул рукой. Каждый его палец встрепенулся, словно играючи на невидимом музыкальном инструмен-

те. Пыль и тела мертвых пауков поднялись в воздух, закружились в смерче и пропали; фолианты, свитки и книги заняли свои места на полках. Комната засияла чистотой, но Хедрик на этом не закончил.

– Ненавижу проклятуших фей, они отвратительны, – с издевкой заявил он, глянув на сильф. Сильфы попадали со страху. – Особенно отвратительны те, что умеют летать.

Ему не нравилась ни одна элементарь стихий, кроме, быть может, элементаря огня. Под молящие взгляды Илуса, Хедрик похватал трепещущих сильф и, сжав кулак, раздавил их, обращая каждую в бушующей вихрь.

Старец любил их. Илус закрыл глаза. Капли слез стекли по его седой бородке и исчезли. Он не мог по-настоящему плакать, будучи уходящим в вечность духом.

Последнюю элементарь алакс поймал и зажал в своих цепких пальцах. Она закричала, но крик ее был лишь шумом ветра, незначительным и не осязаемым. Хедрик его даже не заметил.

– Так-то лучше, – радостно воскликнул он, небрежно вытащил стул из завалов пергамента, уселся напротив старика и положил ноги на стол. Астрономическая башня перешла в его полное распоряжение. Туны две владыка блаженно отдыхал и наслаждался проделанной работой, потом заметил пылинки на очках Илуса, взмахом руки стянул их с его носа и протер стеклышки несчастной вырывающейся сильфой.

– Зачем вы пожаловали, мой алакс? – дрожащим голосом

спросил Илус, пытаясь забыть о смерти драгоценных ему сильф. – Что вас привело ко мне сегодня? В прошлый раз вы приходили за Эйдэном. Неужели он погиб? Это был мой лучший жук, иного у меня нет.

Хедрик вернул очки, а элементаль, все еще сопротивляющаяся, запустил в окно. Нечисть пролетела через комнату, ветром ударилась о стекло и скатилась вниз, полуживая.

– Нет, что ты! Твой жук великолепен! Он и по сей день работает. Меня интересует не он.

– Вы пришли за ваттерами...

– Верно, мой друг, совершенно верно. Речь пойдет все о тех же ваттерах.

– Вы хотите вновь услышать их историю? Вы пришли за этим?

– Ну-с, во-первых, я пришел сюда, чтобы похвалить тебя. Ты оказался прав.

– Врата?!

– Они самые! Я долго сомневался в этом: груда золотоцветного металла поможет мне поймать могущественных и несокрушимых тварей – звучит, как бред, согласиесь!? Но, как не странно, золотоцветные врата сработали. Сатаил побери, они сработали! Ни Эйдэн, ни зеркала не принесли результатов. Врата принесли!

Хедрик не смог усидеть на месте. Он вскочил и начал ходить кругами.

– Поверить не могу, сколько людей я проверял на бестол-

ковом жуке впустую! Сколько времени потратил зря! Оказалось, ваттер был у меня под носом все это время!

– На Эйлисе?

– Да, Илус, да! Зараза, я все еще не могу понять, почему я раньше этого не замечал...

Позади послышалось утомленное дыхание. Хедрик и Краджус одновременно обернулись. В дверях показался Боттер Кнат весь в поту. Бурля и задыхаясь, пунцовый, как перебродившее вино, первый помощник алакса рухнул по пол, и принялся вытирать мокрое лицо первым попавшимся имперским документом. Ступеньки вымотали его. Полноватый коротконогий мужичок сегодня совершил для себя подвиг, забравшись следом за алаксом на такую высоту!

Подняв глаза, Боттер увидел обращенные к нему взгляды и тут же перестал дышать, выпрямился и опустил руки по швам.

– Что ж, – изрек Илус, опережая Хедрика и его язвительное замечание в адрес первого помощника, – я рад, что смог вам помочь. Что-то еще?

– Ты смеешься надо мной? – воскликнул алакс. На мгновение Боттер и Илус подумали, что он кинется на кого-то из них, в порыве гнева начнет метать молнии и разносить комнату в щепки, однако Хедрик ничего этого не сделал, а лишь продолжил ходить из стороны в сторону, держа руки за спиной. – Я бы не стал тащиться сюда, в такую даль, ради того, чтобы подмести полы и отвесить тебе, гниющая раз-

валина, два поклона. Я хочу, чтобы ты начал готовить жертвенный алтарь.

– Вы уверены в этом, мой алакс?

– Разумеется я уверен! Не пройдет и видхи, как кровь Гомена прольется в этих стенах. Она ведь должна будет куда-то стечь, верно?!

Хедрик хохотнул. И Боттер и Илус вжали головы.

– Вы будете сами проводить обряд?

– Я выучил его наизусть, Илус. Сатаилов ваттер скоро будет у меня. Я организую нашу с ним встречу в лучших традициях Дарка и пролью древнюю Нэденовскую кровь. И поверь мне, это случится в течение ближайшей видхи, так что давай, старик, доставай свою сатаилову книгу и начинай готовить.

Илус немного приподнялся, выпрямил сгорбленную спину, отчего все его позвонки в позвоночнике посыпались трухой, и без особого энтузиазма полез под стол, чтобы вытащить оттуда огромный фолиант. С грохотом фолиант опустился на стол. Невооруженным взглядом было видно, что он, хоть особо и не тронут временем, очень стар. Из каждой его страницы источался жгучий аромат гниющей древесины, обложка кое-где вздулась и проросла плесенью.

– *«Илус Краджус. Светорожденные»*, – прочитал алакс, жадно глотая каждую букву.

– Мой алакс, – вдруг потянул Боттер, – не сочтите ли за дерзость...

– Да, да, спрашивай, Боттер.

– Не для себя, лишь во имя безопасности великого алакса хочется узнать, о каком обряде идет речь.

– Какой же ты бестолковый, Боттер, – рявкнул Хедрик. – Как я могу доверить дела империи такому идиоту, как ты!

– Прост... простите, мой... ала... мой алакс, но... но... я взаправду... я не...

– Расскажи ему, – приказал алакс Илусу, не в силах больше слушать проклятущего заику. – Расскажи все, начиная с зарождения Семимирья.

– Вы уверены, мой алакс? Он ведь...

– Заткнись, Илус. Делай, что я говорю. Хочу, чтобы мои приближенные больше не бесили меня своей тупостью.

Илус кивнул головой, угрюмо вздохнул, открыл самую первую страницу. Ни Боттер, ни Хедрик не увидели букв на белом листе. Для них и всех иных жителей Эйлиса фолиант был пуст. Невидимые символы мог читать лишь Илус Краджус. Как же так получалось? Заклятие? Колдовство? Была ли история Светорожденных написана на самом деле или существовали лишь в его голове? Кто знает... В любом случае эти сокровенные знания спасли его. Илусу было ведомо то, что другим недоступно, и только поэтому он все еще был жив, только поэтому Хедрик не убил его при первой же возможности и не освободил гнетущуюся в заточении душу.

Летописец прочистил горло и начал читать:

– *«Так молвил мой пророк: то были темные времена.*

Жизнь только начинала зарождаться, обличие свое меняя. Наш мир во главе с вездесущим Илиусом стал первым и последним в конце миров. Безграничной властью упиваясь, поднял он купол над временем, Мессией жизни себя провозглашая, – так молвит учение илапианцев и так Создатель объявил начало рода своего.

Агни – первый мидгард, так близко подходил к Илиусу, что нетленный сгорал, но не погибал и возрождался из пепла. Он стал миром навеки для нас запретным, миром убитых и проклятых.

Чуть дальше него – Астро. В начале сия земля была пуста и не было на ней ничего, что могло отделить ее от небытия. Ее огненные и бесконечные равнины тянулись с запада на восток и с юга на север пустынными цепями. Недремлющие пески с почившим небом без духа и света, и тьмы. Сей мир был пуст очень и очень долго, пока однажды не соприкоснулся с Создателем. Увидев его безжизненный лик и кровавый свод небес, молвил Создатель: да станет сия земля завесой в мой дом и затвором, да станет стеною изгнанникам. И стал Астро краем для грешных неправедных, стал домом для сатаилов и изуверов.

Инка – третья от Илиуса земля. Еще до времен Доэгра на ней была жизнь – брошенное семя Создателя. Никто не ведает, зачем она явилась на сии земли, да была ли Создателем предначертана. Может явилась в свет, пришедшая из тьмы? В ней светлые альвы, желающие правления

мира и созидания, стояли во главе. Единственные во всей разумной для них вселенной.

Феюрия была четвертой. Она стала пристанищем духов, и духи стали ее частью. В те времена Феюрия была столь враждебна, что выжить на ней только они могли – седые духи, бестелесные и безмятежные.

Дебесис – пятый мидгард. Забыл в него вложить твердыню мой Создатель. И по сей день не вспомнил, отвернулся. Один лишь дым и огненное око в центре. То может новый свет, что готов вспыхнуть? Пророки без устали твердили, что и на сей, забытой Создателем земле, будет жизнь, и правыми оказались они. Дебесис заселился небесными альвами.

Последняя земля – Лира – такая незапятнанная сущим, такая далекая и непостижимая. Она для нас загадка. Ее никто не ведал, никто не познавал, но оттого она еще прекраснее.

То были все миры, стоящие первыми и последними среди иных – шесть живых мидгардов в одной цепи, живущие за счет огненного светила – света Создателя. Но было между ними то, что оказалось могущественнее света – черные червоточины, неустанно открывающиеся для миров в конце их пути. Для мидгардов Илиуса они отворялись намного чаще, ибо были сии мидгарды на краю вселенной. Через червоточины считалось время на другой конец безграничности, который открывал мирам проход к Терре, а Терра та

не частью была Создателя творения, и даже Илиус ей был чужим. Когда настал день вездесущего хаоса, Терра стала последней точкой в Слиянии, стала последней из миров Междумирья. Так начала зарождаться земля обетованная.

Семь миров – семь мидгардов выстроились в ряд и соприкоснулись. Слились воедино земли Терры, Феюрии и Инки, да так слились, что не найти было сил, что смогли бы их разорвать. Ушло в века безграничное время. Когда же хаос утих, слияние начало распадаться, образуя частицы альвиона – частицы всевышнего Хаоса.

Первой из слияния ушла Инка, отдав одну треть себя. Ушла она далеко, еще дальше покидая Илиус, чтоб больше не соприкоснуться с червоточинной. Второй ушла Феюрия, отдав половину себя, а последней покинула сии земли Терра, возвратившись обратно в свое измерение, и создавая из полученных осколков новый мир – Эйлис, вместе с которым все шесть миров, без подсчета ушедшей от Илиуса Терры, зародили наше Семимирье.

Казалось, Эйлис не мог существовать, ведь был лишь отголоском всех уже существующих миров. Тот первый Эйлис был суров, дышал огнем и пламенем. Да не было надежды, что сил его хватит удержаться на карте звезд, но ему хватило. Не без помощи света мир выжил, стал расти и крепчать, но все еще оставался пуст. Был воздух, была почва, было небо, но жизни не было на нем.

Шла Эра Великого Переселения. Второй раз миры вы-

строились в ряд, и Эйлис был среди выстроившихся, стоял с ними наравне. И открылась червоточина, что с тех самых пор стала называться провалом меж Семимирьем и Террой, и хлынула жизнь на Эйлис из всех концов Междумирья, заполняя его. Слияние даровало миру магию – всемогущую и непобедимую, а те гардвики, что сумели собрать ее сгустки в своей крови, обращая в альвион, стали марунами – знающими истинную силу.

Однако темные времена не отступили, ведь новый мир, получивший свою жизнь благодаря хаосу, не давал покоя ни свету, ни мраку. И мрак всякими путями пытался проникнуть на Эйлис и уничтожить его, вернуть пустоту. И свет искал лазейки в червоточинах, чтобы прорваться и разрушить беспокойный мидгард, вернуть гармонию шести вечным мирам. Темные провалы стали открываться без причины, забирая жизни, по кусочкам раздирая Эйлис и отправляя его в пустоту непостижимого Хаоса. Нежить и нечисть хлынула из Астро на Эйлис. Новый мир был обречен на гибель.

Тогда силой Создателя был создан Нэден – окраинная земля, что обитель высшего разума, запретный в понимании и неопиcуемый всеми доступными знаниями и мыслями мир. И были избраны роды с кровью альвийскою и человеческою, как начало высшего рода. Первенец, что родился в Нэдене, был отправлен на Эйлис, дабы защитить его. И тогда миру явился он – первый человек, получивший часть силы

Создателя – Гомен Трокториум. Все знания сплелись в нем воедино и жизнь бессмертную он получил. Он создал зеркала из квинтэсенции света, и зеркала смогли закрыть опустошающие провалы. Так начал зарождаться Эйлис, как сердце Междумирья.

Междумирье получило осязаемость, расстояния перестали быть измерениями. Зеркала обратились ямвхи в виры, сплели мидгарды воедино и изгнали большую часть червоточин. Наступила новая эра – Эра Зеркальных Переходов. Наступил долгожданный покой.

Гомен Трокториум стал символом освобождения. Гомен Трокториум стал сыном Создателя. Как тот, в чьих жилах бежит альвийская кровь, он сотни лет занимался наукой, открывая неизведанные тайны и непоколебимые законы бытия. Лишь благодаря ему гардвики смогли укротить силу магии, научились пользоваться ей в чистых побуждениях. Миллионы свитков и учений были написаны, Эйлис возродился, стал сердцем чародейства и волшебства.

Десять лучших из лучших встали рядом с первым и последним. Вместе они построили великие грады, возвели крепости и бастионы, зародили род, объединяясь под единым началом. Такая сила и такое могущество начинало пугать иные народы: сатаилы и темная нечисть не желали видеть, как Астро теряет свою мощь. Они терпели и ждали своего часа.

Как тот, в чьих жилах бежит человеческая кровь, Гомен

познал то, что было недоступно инкавскому народу. Он познал то, что было намного сильнее магии. Он вкусил любовь.

Гомен встретил ее на Терре. Лира стала его судьбой и жизнью. Он прожил с ней семь лет, но более не мог оставаться на чужой ему земле. Лира согласилась покинуть Терру и отправиться на Эйлис вместе с ним навстречу бессмертию. Он хотел продолжения рода, но она не могла ему его даровать. Тогда они продолжили жить для себя. Впереди их ждали счастливые и беззаботные лета без потерь, утрат и старости. Века они прожили на Эйлисе, позабыв обо всем на свете, а после Гомен раскрыл путь к Нэдену, к колыбели Жизни.

Гомен искал пути исцеления. В один из дней под вечным Мороном Лира и Гомен покинули Эйлис, прошли сквозь зеркала и исчезли на долгие декады лет. Они отправились в земли, каких не было ни на одной звездной карте. Они отправились туда, где был и есть сам Создатель. В Нэден. И там Лира исцелилась и даровала Гомену двоих сыновей: Лорина и Эрина. Будучи рожденными в Нэдене, Лорин и Эрин стали великими людьми, ибо было в них то, чем не владел даже Гомен Трокториум:

И плели они золотоцветные древа и те стали им подвластны, а потеряв человеческое детство, им стали подвластны и темные провалы. И передвигались они сквозь пространство и время в самые дальние концы вселенной, и червоточины стали их частью. Два сына Нэдена – великих

и незабвенных, неподвластных ни времени, ни правилам, ни смерти стали будущим Эйлиса. Мир цвел в богатстве, что приносили ему они. Эйлис стал всемогущим мидгардом.

Итак, сыновья Гомена, зачатые в мирах чистой и истинной магии, стали ее частью, стали квинтэссенцией света. И перевоплотились они в Светорожденных, или, как их прозвали в народе альвийском по имени светил небесных, – в ваттеров.

Тьма постигла знания Хаоса и поняла, что время затишья прошло. И мидгард Астро призвал на помощь Двудликого Волка, и он искусил светлых альвов, и те стали его союзниками и слепыми пошли следом за мраком. Зеркала, что были защитниками Эйлиса, взяли мощь всех доступных проводников черных войск и напустили чуму на беззащитные земли. Так началась война на Эйлисе, первая война.

– Все и так знают, чем она закончилась, – перебил Хедрик мудреца. – Боттеру сейчас совсем не интересно слушать, как избавлялись от жалких гардвиков. Переходи к Лоддину, хватит этого пустого баснословия.

Илус Краджус кивнул. Пропустив несколько страниц, летописец пальцем провел по строчкам и нашел нужный абзац. Здесь фолиант прекращал вещать о ужасах войны и начинал рассказывать историю ушедшего на Землю изгнанника:

– Война сгубила самых сильных. Погибли сыны света, погиб сын Создателя. Но выжил его третий сын – Лоддин, который рожден был на Эйлисе задолго до битвы с Хаосом.

Создатель не был к нему благосклонен, оставил его одного бороться с миром и тенью. Кровные родители любили его не меньше, чем других детей, однако он видел в их глазах вечную жалость к себе. Его братья стали восхищением Эйлиса, а он, бессильный, – отторжением.

Он вырос копией своей матери – обыкновенный ничем непримечательный ануран. Но как бы то не было, Лира – мать всесильных, была излечена в Нэдене, а значит, в ее крови продолжал оставаться эликсир, кой излился в Лорине и Эрине, а в Лоддине лишь задремал.

Еще за долго до своего совершеннолетия Лоддин покинул Эйлис, пообещав себе никогда не возвращаться на чуждые ему земли. Терра была близка ему по сердцу. Там, без единой мысли об альвионе, он мог начать новую жизнь подальше от всего, что ему было ненавистно.

И он позабыл о чудном мире из его далекого детства. И род его стал смертен, как и любой другой человеческий род. Его дочери и сыновья, внуки и правнуки – все они носители того величайшего эликсира, поспешили забыть о своем происхождении, однако сам Создатель ничего не забыл.

Из поколения в поколение тех десятерых избранных, кои были близки к великому Гомену Трокториуму, передавалось сказание о том, что если род величайшего волишебника Гомена Трокториума не оборвется, если на Терре останется хоть один представитель Светорожденных, то рано или поздно Создатель возвратит его домой и его сила вернет-

ся к нему. Альвион прольется в его крови сильнее, чем в любом другом маруне. Всесильная магия снова обретет хозяйина. Светорожденный станет частью Эйлуса, а после отправится в Нэден, где воссоединится со своей семьей и Создателем. Так молвит мой пророк.

Илус замолчал и закрыл фолиант. В комнате повисла нарастающая тишина.

Боттер Кнат уже слышал эту историю, но перебивать Илуса, и уж тем более – перечить своему господину побоялся.

Он хорошо знал Илуса Краджуса. Еще пять лет назад, бедный Боттер Кнат, заменив своего предшественника Ргтохра Рвиврота (алакс случайно убил того, выйдя из себя после безуспешной попытки вымолвить его замысловатое имя) и вступив в должность первого помощника великого алакса, часами прибывал в астрономической башне и выслушивал мудреца, чтобы быть знающим в тайных делах своего нового господина. Илус Краджус уже рассказывал ему и о ваттерах, и о их способностях, и об их даре; распевал песнь о былых днях свободной Руны, которая, как ни странно, Боттеру была по душе; бранил Хедрика и предрекал тому тысячу ненастий. Изредка, особенно в те моменты, когда Боттеру хорошенько доставалось от своего господина, он был полностью солидарен с инакомыслием и мятежным настроением старого призра-

ка, хоть и никогда не говорил об этом вслух, и бранил себя за такие мысли.

Он все прекрасно понимал. Боттер не был дурачком, хоть таковым и казался. В конце своего обучения, Кнат, который прежде никогда не отличался превзойденным умом, стал лучшим из выживших мудрецов десятилетия. К счастью или несчастью Хедрик об этом не знал. Боттер по приказу призрака из башни, играл роль наивного и слегка глуповатого трусишки.

Как бы не были красивы речи о Светорожденных, Боттер в них не верил и всегда считал неких продолжателей рода Гомена – выдумкой, а безуспешные попытки его владыки найти их – глупыми и нерассудительными. Он не мог точно сказать, зачем Хедрику те сдались. До сегодняшнего дня слуга предполагал, что они нужны владыки для того, чтобы укрепить свою власть и убрать с дороги тех, кто мог бы его свергнуть с престола. Если сказания верны, то Светорожденные, вернувшись на Эйлис, подчинили бы себе всю магию и объединили рунских мятежников под единым началом, что в свою очередь привело бы к уничтожению империи, как таковой. Однако сейчас, когда алакс заговорил о каком-то обряде, предположения Боттера слегка пошатнулись и потеряли половину своей силы.

– Позвольте узнать, мой алакс, – мышью пропищал Боттер, – зачем вам нужны дети Гомена?

В рассказе о ваттерах эта глава была его самой любимой.

Алаксив кивнул летописцу. Илус снял очки, закрыл глаза.

– Никто не может точно истолковать древние знания, – начал он, слегка пошатываясь из стороны в сторону. – Я смог расшифровать лишь часть изложенного в них текста. В дополнениях к летописям Эры Зеркальных Переходов сказано, что в душе детей Гомена Трокториума заложена некая карта, что ведет к бессмертным землям Нэдена. Возвратившись на Эйлис, ваттер получит никем неизведенное послание, оставленное Гоменом Трокториумом одному из десяти его приближенных, кое вернет ему воспоминания его предков и откроет путь в Нэден, а это в свою очередь может означать, что Светорожденный станет правой рукой Создателя.

– И самое главное, Боттер! – восхищенно перебил Хедрик. – Давай, Илус, друг мой, расскажи ему!

– Если это правда, – тихо пробормотал старик, – если Светорожденные на самом деле существуют, то тот, кто заполучит их душу, вместе с ней заполучит и карту в Нэден, откроет путь...

– Путь к землям Создателя, – охнул Боттер. – А как же обряд?

– Как известно, все живые, даже дети Гомена, подвластны черной магии. Если провести нужный обряд, то из крови Светорожденного можно изъять весь альвион, тем самым создав эликсир, который бы передал магию неизведанных земель тому, кто бы выпил его. Сия магия не будет ограничена только Эйлисом, она будет сопровождать нового хозяина

даже там, где магии не было и в помине, и создавать новую из небытия.

– В летописях о них нет и не было упоминаний уж больше семи тысяч лет! Что, если труды древних врут и ваттеров никогда и не существовало, а мы... вы... зря теряете время, пытаюсь найти их? – наконец, решился спросить Боттер. Хедрик в ответ улыбнулся.

– Ваттеры существуют. Это не выдумки. Почему я уверен в этом? Потому что я нашел этому неопровержимое доказательство, – Хедрик глянул за пороги реальности. Его глаза блеснули и мысли переместились на десятилетие назад. – До того, как достопочтенный Илус, мой друг, поведал мне о драгоценной ваттерской крови, я понятия не имел, кто, по сути, эти сатаиловы «ваттеры». Впервые я услышал о них от той, что была потомком одного из десяти приближенных Гомена Трокториума. Она поведала мне все. Тогда я решил проверить ее слова и найти оставшихся девятерых, кои могли знать о сказании больше. Не скажу, что в этом деле у вашего алакса все вышло идеально. Гомен, холера, хорошо научил своих слуг делать две вещи: прятаться и хранить тайны. Я месяцы потратил, чтобы найти хоть какие-то зацепки! В конце концов агасфенам удалось сесть на хвост двоим. Как сейчас помню: Знарк Огненосец – альв, что прикидывался землепашцем из Кельтона, и Нейри Хрон – одичалый фавн из Мутной чаши, что все время смеялся, покуда я пытал его. Немного темной магии полностью развязало им обоим язы-

ки, и они рассказали вашему алаксу такое, отчего невозможно было не поверить в существование гоменских отпрысков.

– А они не м..ммогли сс..соврать, мой алакс?

Хедрик посмотрел на испуганного слугу и покачал головой.

– Я им верю, и, если я говорю, что история Светорожденных – не вымысел, значит так оно и есть. Златоцветные врата были открыты.

– Как это связано?

– Мерзкие деревья пресмыкаются перед ними! Златоцветы послушны своим хозяевам, Боттер, сатаил бы тебя побрал! Их невозможно взломать, но кто-то взломал их и ушел из Аладеф по червоточинам. Единственный ключ от врат у меня, а значит, произошло что-то из вон выходящее: *Заврад Контуум* открылся отпрыску Гомена. Время пришло. Светорожденный вернулся домой, и, заметьте, не ваш Создатель привел его сюда, а я.

На мгновение мудрец побелел, его пустые глазницы расширились. Всю свою жизнь он писал о гоменских детях и подумать не смел, что доживет до того дня, когда они вернутся домой.

– Это кто-то из пленников! – восхищенно воскликнул Боттер. – Кто-то, кто сбежал из Аладеф!

– Да, – хором закричали Хедрик и Илус, оба – с разной интонацией. Для алаксы это был шанс стать неуязвимым и всемогущим. Он желал этого больше, чем победы над Эйлисом,

больше чем чего-либо еще. Илус же был рад тому, что дети Гомена Трокториума, наконец, вернулись. Он, как никто другой, знал о пророчестве, что было написано во все тех же дополнениях к летописям Эры Зеркальных Переходов и говорило о том, что мир будет спасен от Хаоса первым ребенком Нэдена, пришедшим с дальних межзвездных путей.

– Боттер! – рявкнул Хедрик, от чего стоящий за его спиной слуга чуть было не упал вниз по лестнице.

– Да, мой алакс? – заикаясь, откликнулся он, хватаясь руками за стену.

– Расскажи в подробностях все, что тебе доложили про сбежавших.

– В темнице было две пленницы, мой алакс, – начал Кнат, шатаясь из стороны в сторону. – Одну привезли за день до побега, вторую еще за месяц до этого. Волшебница и приведенная, мой алакс, – Элин Джейн и Оленфиада Торбиум. В их комнате были найдены руны и открытый люк, ведущий к золотоцветным вратам. Как пленницы смогли получить нужные ингредиенты для знаков – для всех загадка. Кажется, это дело рук Второй. *Делис* был в ее сердце – я сам за этим проследил, но, похоже, сыворотка не сработала или оказалась подделкой. Думаю, волшебница была в сговоре со знахарем. Я первым же делом отправил за ним, но его и след простыл.

– Его ищут? – безразлично спросил Хедрик.

– Если мой алакс посчитает нужным, – ответил Боттер. – Он клейменный, так что рано или поздно вернется в Дарк.

Хедрик перебил Ботта восторженным возгласом:

– Понимаешь, Илус? Все указывает на нее!

– Но делис...

– Делис тут абсолютно не причем! Он был снят ею самой!

Обычный марун никогда бы такое не сделал, а ваттер – с легкостью.

– Но что, если не она носитель эликсира? – усомнился Илус. – В те времена, когда вы...

– Я не проверял ее на Эйдэне, – отсек Хедрик. – Я тогда только начинал свой путь. Ничего об этом не знал. Элин всегда была для меня темной лошадкой. О ее семье мне было ничего неизвестно. К тому времени, когда я занялся Светорожденными основательно, ее уже не было в живых... по крайней мере, я так считал.

– А что насчет приведенной? Оленфиады Торбиум? – недоверчиво спросил старик, вытирая оправу очков рукавом.

– Она лишь заложница удачно сложившихся обстоятельств. Я лично проверял ее Эйдэном как только мы переступили зеркала. Ничего. В ней даже намек на маруна, в крови не оказалось даже сотой доли альвиона. Она – мой худший экземпляр приведенного с Земли анурана.

– Почему же вы ее не уби... освободили?

– Не знаю. Решил, что будет лучше посмаковать ее душой, нежели выпить залпом... Да это и неважно. Девочка мне безразлична. Даже хорошо, что я не прикончил ее сразу.

– Она ваш маяк, верно?

– В каком-то смысле. Элин сильно поменялась с нашей последней встречи. Я видел в ее глазах сожаление. Люди, которых она считает родными, погибли. Она будет искать им замену и найдет ее в лице ребенка. Не привыкшая к новому миру, глупая девчонка, что боится даже собственной тени, будет все время останавливать Вторую от необдуманных поступков. Девочка станет якорем, медленно тянущем мою дорогу Элин на самое дно. Там то я ее и поймаю.

Хедрик выпустил в воздух полупрозрачное зеркало в котором тут же появилось лицо бессознательной волшебницы. Она лежала на мраморе, и струйка алой крови бежала по ее виску.

«Такая невинная и такая прекрасная».

– Это может быть только она, Илус, – прошептал волшебник, касаясь ее лица. – Я не хочу сидеть сложа руки. Ваттеры мне не ровня, но лучше не рисковать. Если за пару лет в ней родились такие силы, то каковы они будут потом? Нужно спешить. Не будем ждать, пока она станет полновластной владычицей магии, ведь тогда я не смогу обходиться душами тысяч, умрут миллиарды.

Хедрик встал и подошел к окну. В его голове закружился образ, так гордо стоящей перед ним целительницы Дакоты под желтым светом илиуса – Мессии Создателя. Он никогда не забудет, как она вонзила в него кинжал, как яростно горели ее глаза, когда она делала это. Снова. Такая Элин ему

правилась больше, чем хнычущая за жизнь гардвиков рохля.

– Когда мы были с ней наедине, – начал вспоминать Хедрик, – у меня даже в голову не приходило, что она может быть Светорожденной. Да я и не думал об этом. Я думал, что она умерла. Все так думали. Когда она явилась в замок, я был настолько удивлен, что у меня с трудом хватало сил на то, чтобы сдерживать себя. Теперь я знаю: она жива, потому что в ее крови великий дар Нэдена. Она создавала бреши с самого утра, ее приближение чувствовалось во всем замке. Это чувство до сих пор меня не покидает.

«Мне еще повезло, что Люцира уехала и не знала о ее приходе. Если бы она тогда увидела Вторую, то наверняка убила бы. Уж тогда я бы навсегда потерял пути к всевластию» – подумал Хедрик. Он знал, что ему все еще везет.

– Ты не видел ее глаз, Илус, – сказал владыка и провел тыльной стороной руки по своему подбородку, прикасаясь к колючей щетине и чувствуя ее огненные руки. – Они светились магией. Она вся была магией. Я уверен: она – ваттер.

– Тогда ищите ее, мой алакс, – прошептал мудрец убитым голосом.

– О, не волнуйся, Илус, я буду.

– Где предлагает начать поиски, мой алакс? Аэнд?

– Элин умная девочка, она не станет сидеть у Тисовых берегов и ждать, пока отряды хранителей придут вылавливать ее. Однако, убегая, она могла оставить какие-то следы, – Хедрик обернулся к Боттеру. – Прикажи двум отрядам ала-

дефского гарнизона отправиться на поиски. Пусть заглянут под каждый камень, под каждый ручей и деревцо, но найдут...

– Пойдите, мой алакс, – перебил его Боттер. Его бросило в жар. Он никогда не осмелился бы вмешаться в речь владыки, но иначе все стало бы совсем худо. – Не нужно искать Вторую на Тисовых берегах, мой алакс.

– Это еще почему?

– Только что доложили. Элин Джейн в Дарке... б... была здесь... д... двадцать тун назад.

– День полон открытий! – сквозь зубы процедил Хедрик. Он шел вниз, спускаясь по крутой лестнице прочь от Илуса Краджуса. Как только Боттер сообщил ему о том, что Элин Джейн была под самым носом волшебника, а он даже этого не заметил, Хедрик вышел из себя, выскочил из круглой комнатки мудреца и бросился вниз. Илус ждал, пока его господин скроется из виду, а затем снял маску серьезности и надел ничем не скрываемую улыбку. Призрак был несметно рад тому, что Светорожденные, кем бы они не были, начали действовать.

Зачем она здесь? Почему именно сегодня? – алакс не знал ответов на эти вопросы, однако многое отдал бы, чтобы узнать. По словам первого помощника, Вторая покинула замок со своими приспешниками еще двадцать тун назад, од-

нако владыка все еще надеялся настигнуть ее, хотя прекрасно понимал, что это невозможно.

«Элин Джейн будет уходить быстро. Ее не догнать, – твердил он, продолжая верить в обратное. – Бреши прекращают существовать. Она уже далеко».

– Сатаил! – выругался владыка, осознавая свое поражение. В глубине души Хедрик понимал, что виноват был сам – опьяненный новостью о золотоцветных вратах и о побеге из Аладеф, он разрешил ей скрыться и дал время, чтобы уйти... **ОДНАКО ЭТОГО МОГЛО И НЕ ПРОИЗОЙТИ, РАССКАЖИ БОТТЕР КНАТ О НАПАДЕНИИ НА ДАРК В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ.**

– Боттер, тебе жить надоело? – рявкнул Хедрик, чувствуя гнетущую пустоту. – Какого фандера, я – алакс вся земля и владыка империи, узнаю самые важные новости последним!? А?

Боттер сглотнул и судорожно забегал глазами, не зная, что и ответить. Сейчас он был готов прыгнуть вниз с отвесных ступеней, разбиться и умереть, только бы не слышать угрожающий голос своего господина. Никогда прежде Кнат так сильно не грешил перед владыкой, а потому чувствовал себя ужасно виноватым и подавленным.

За годы служения алаксу, Боттер не так часто оступался, и, наверное, именно поэтому послужил первым помощником дольше всех остальных. Предыдущий слуга – Ргтохр Рвиврот на этой должности прожил три месяца, его пред-

шественник Алав Бурый, будучи весьма любознательным, однажды узнал то, чего не следовало, и закончил служение алаксу через две видхи после вступления в должность. Был еще Моргрин Лавьер, что прославился на всю Руну своими навыками чародейства. Через шесть видх после принятия его, алаксу донесли, что его первый помощник каждый вечер покидает замок в неизвестном направлении. Тогда Хедрик приказал агасфену Септима проследить за ним и выяснить, куда он уходит. Хранитель вернулся с вестью о том, что Моргрин Лавьер – предатель, каждый день он относил важные имперские документы своим сообщникам и членам «Освобождения». В тот же день чародея казнили прекраснейшей казнью из всех возможных: подняв к облакам, разорвали на части двумя балеонами.

Проблем с доверенными можно было избежать, служи алаксу не живые гардвики, со своими желаниями и чувствами, а беспрекословно выполняющие любые приказы хранители или клейменные, да вот только последние, будучи частью магии алакса, а соответственно и его самого, не могли знать ни больше и не меньше его, не имели собственного мнения и посоветовать владыке путное не могли.

– Простите, мой алак. Случившееся – всецело моя вина, – глухо бросил Боттер за спиной. Он боялся сказать Хедрику правду о том, что тот сам виновник всего случившегося. Он уповал на то, что его господин будет милосердным сегодня и, к его счастью, Хедрик таковым и был.

– Твоя, – процедил он, – и ты понесешь наказание. Сегодня вечером. Десять сечений, – Хедрик вступил на твердый пол, подождал, пока Боттер Кнат спустится, а затем прижал его к стене, схватив за воротник. – Если ты думаешь, Боттер, что пять лет твоей безупречной работы спасут тебя от наказания – ты сильно ошибаешься. Еще одна ошибка, и будешь служить мне с клеймом на руке.

– Я пп... понимаю, мой алакс. Я виноват... я ппп... понесу наказание.

Алакс отпустил его дрожащее тельце, и Боттер плюхнулся на пол ничком. Вся жизнь пролетела перед его глазами. Как только Хедрик скрылся из виду, Кнат начал плакать. Ему было все равно, что он мужчина, что он прожил долгую жизнь. Он устал бояться. Он боялся все эти годы. Он не хотел умирать. Кнат видел, как умирают другие день за днем, год за годом и не хотел так же закончить свою жизнь.

– Боттер! – послышался крик за стеной. Хедрик был ленив, чтобы делать все самому. Слуга наспех вытер слезы с глаз и кинулся к владыке.

– Мой алакс?!

– Вызови начальника стражи, – приказал волшебник, – немедленно.

Хедрик желал одного: понять, почему в его замок так легко проникли чужаки и так легко ушли. Радость все еще оставалась в нем, но потихоньку угасала, сменяясь непробудной злобой.

Он посмотрел в окно за высокие колонны звонницы и увидел черный, еле заметный туман, поднимающийся из сада у тронной. Тем временем Боттер щелкнул пальцами и тут же, повинувшись зову первого помощника, из портала в дверях показался высокий мужчина – светлый альв со светлой, почти прозрачной кожей, одетый в черное и белое. Глаза широкие, лоб в морщинах. На вид ему было не больше сорока, его длинные седые волосы были собраны в пучок, на руке красовалась свежая печать Дэзимы. Клеймо он получил недавно, так что все еще оставался собой и сохранял в себе большую часть своей души.

– Виктор Бершин – глава вашей бессмертной армии при Дарке, – представил Боттер пришедшего.

– Я знаю кто он, Боттер, – рявкнул алакс, отодвигая слугу на задний план. – Не делай из меня идиота.

Виктора владыка клеймил и посветил в должность сам. До него место начальника стражи занимал кинардан, но Хедрику он быстро наскучил. Нежить, не имеющая собственной истории, не способная сказать «нет», не приносила алаксу никакого удовольствия.

– Мне нужны все сведения о сегодняшнем нападении на Дарк, – грубо сказал волшебник, не отрывая глаз от пленны. Мимо промчались хранители и скрылись в коридорах.

«В замке царит настоящий переполох, как только я не заметил это раньше? – спросил себя Хедрик и удивился. – Сколько их было? Что искали? Зачем пришли? И самое глав-

ное: почему хранители, оберегающие меня, не смогли задержать пришедших? Какого сатаила эта нежить ничего не сделала, чтобы защитить своего алакса?!».

– Пройдемте, мой алакс, я вам все покажу, – сказал Виктор и направился в сторону садов. Хедрик и Боттер проследовали за ним. – Их было трое, мы установили личности первых двух: Элин Джейн и Оленфиада Торбиум. Как нам стало известно, они сбежали из Аладеф, и, скорее всего, добрались до Септима по воде – иначе никак, без балеонов за столь короткий срок невозможно достигнуть града. Я отправил во все трактиры и постоянные дворы воронов с посланием.

– Пришел ответ?

– Да. Обоих видели в трактире «*Хвостатый Мурк*». Трактирщика, опознавшего ребенка, доставили в Дарк. Алакс может сам допросить его, если пожелает.

– В этом нет нужды, – отмахнулся Хедрик. – Узнайте все, что можно, и отрежьте ему язык, чтобы больше не болтал лишнего.

– Он успел что рассказать? – поинтересовался Боттер.

– Беглецы прибыли в град поздно вечером, сняли комнату на два дня. Женщина (он не видел ее, описал по голосу) – старуха выходила из трактира в Септим в поисках колдовской. Мы допросим всех колдунов града, кто-нибудь должен был встретиться с ней. Потом она еще несколько раз покидали трактир, сегодня утром окончательно ушла в компании

хранителя. Не думаю, что это был кто-то из наших, скорее всего их сообщник, переодетый в стражника.

Троица обошла изваяние Кастиеля Трока, который угромо проводил их взглядом и вернулся к письменам.

– Кто был третий – неизвестно, – продолжал рассказывать Виктор. – Хранители смогли описать его внешность, сказали, что он носит при себе зачарованный посох, так что скорее всего он маг. Наши летописцы тут же принялись искать его в списках. Пока никаких результатов. Его нет ни в одном списке клейменных, списке рожденных марунов с девяти тысячного года, он даже не числится жителем Септима! Скорее всего, какой-то дакотский бродячий маг.

Кто-то из стражников поднес Бершину пергамент. Начальник стражи прочел и подписал его.

– В Дарк они проникли на рассвете. Под видом хранителя, мужчина провел обеих беглянок в замок, обойдя магию Чтеца. Как? У меня пока нет на это ответа, как и нет ответа на вопрос: зачем они приходили в Дарк. Уверен, цель у них была весьма и весьма значимая. Чтобы сказать точно, придется обыскать весь замок. К несчастью, сейчас мы этого сделать не можем. Наши сыщики и маги, не занятые изучением свитков, тушат пожар в западном крыле.

– Пожар? – переспросил Хедрик, удивленно.

– Да, мой алак, – кивнул глава стражи. – Кто-то из проникших марунов устроил его в опочивальнях. Пока не известно, как много от него пострадало.

Запах гари и сажи заполнил легкие. Хедрик увидел впереди черный снег на поверхности увядших кустов на подходе к его любимому саду, а подойдя поближе, понял, что это вовсе не снег, а смугло-белый пепел обгоревших листьев.

– Но как они смогли покинуть замок? – захлебываясь от любопытства, спросил Боттер. Троица остановилась, давая проход еще одному отряду.

– Дарк – древняя цитадель, здесь полно тайных ходов и провалов. После опустошения коллегии магов, все известные нам ходы были запечатаны, но остались и такие, каковые найти не могут даже по сей день. Думаю, сбежавшие знали об одном из таких. По какому именно они ушли – неизвестно. Все свидетели, что были рядом с ними в те туны – мертвы, а других мы не имеем.

Но одно я могу сказать точно: ход где-то рядом. У них было мало времени, чтобы скрыться – новый отряд мори был на подходе, а значит ушли они недалеко. Я так же уверен, что в Септимае они не задержатся. Защитное поле ничего не сообщало, а значит, ход, по которому они скрылись, ведет за пределы града и проходит под Линистасом, совмещаясь с разного рода порталами и не контактируя с магией Ра'атхов.

Хедрик было открыл рот, чтобы спросить еще что-то, но не успел, замер в оцепенении. Его прекрасный сад, его зеленый оазис за витражными окнами тронного зала превратился в руины из пепла. Черный снег лежал повсюду. Фонтан

с хрустальной водой был разрушен, болотная вода жуткого цвета и запаха растеклась по земле черной кровью.

Здесь же лежали его слуги. Каждый из них когда-то зародился с помощью магии алакса. Каждый из них погиб. Среди погибших были и перерожденные, кои после укусов фандеров обратились в камень, и те, кто возник из небытия, призванный могущественной магией. Агасфены, кинарданы, мори, гардвики с клеймом на руке... Теперь не имело значение откуда они произошли. Каменные хранители больше не существовали. От них осталась горка черного пепла.

Боттер и Виктор испуганно покосились в сторону алакса. Лицо владыки стало багровым, мышцы напряглись. Он все еще пытался сохранять самообладание, но было видно, что ему с трудом дается сдерживать себя в руках.

– Марун, мой алакс. Она владела черной магией. Их бы всех схватили, – безнадежно вымолвил Виктор, подымая с земли горстку пепла, оставшуюся от верного мори. – Ни ребенок, ни мужчина, чьего имени мы не знаем, не смогли бы покинуть Дарк без ее помощи.

Удивительно, но Хедрику после его слов полегчало. «Вот она, та самая Элин, которую я так долго ждал» – сказал он себе под нос и вдруг вспомнил о витражах в тронном зале.

– В зеркалах кто-то оставил свое отражение?

– Мы еще не проверяли, мой алакс. Я сию же туну прикажу...

– Не нужно. Я сам, – отсек Хедрик и ринулся в трон-

ный зал.

Он шел быстро, рассекая собой все целостное пространство. Он был уверен: витражи – вестники должны были кого-то запечатлеть. Они были его глазами и ушами в тысячах лим от Дарка и не могли подвести его здесь, в такой близости.

Войдя в залы, алакс выдавил глубокий стон. От прекрасной тронной, от прекрасного зала Жатвы, остались только воспоминания. Когда-то он поглощал здесь души и в каждой частице воздуха чувствовалась чужая смерть, пропитанная запахом крови и пота, а сейчас сам зал умер и кровь стала не чьей-то, а его. Тронная превратилась в руины. Розы горели синим пламенем, пожираемые саламандрами, колонны обрушились, рассыпавшись на огромные осколки блистающего камня. Непонятно как, но своды все еще продолжали держаться, не осыпаясь без опор.

Трон был перевернут, щупальца распались на сотню маленьких кусочков. Его ковер светло-голубого цвета, который он успел полюбить и облюбовать, был изорван на тысячи кусочков и теперь свисал вниз за место Дэзимы с флагштоков. Однако и это не было самым ужасным.

Темно-красная кровь покрывала все, начиная от пола и заканчивая потолком. Хедрик подчерпнул каплю пальцем и приложил к языку. То была кровь бука – злобного существа, нападающего по ночам на невинных детей.

«Это ее послание».

Громкий удар отвлек его. Хедрик обернулся и увидел по-

лыхающий за спиной рояль. Он горел, разрываясь на куски. Его клавиши все еще пытались что-то наигрывать, но люповская кровь пропитала их насквозь, не давая сыграть ни одной лестной мелодии. Ни одна магия его уже не починила бы его.

«Она возненавидит меня за это. Это был ее любимый рояль, такого больше не сыскать ни в одном краю. Сначала она покончит со мной, потом натравит всех своих ветниц на мою Светорожденную».

– Одна волшебница против тысячи хранителей, – произнес алакс вслух. – Зачем мне стража, которая не может защитить своего алакса от несовершеннолетней девчонки?!

Злость нахлынула на него с новой силой. Он приподнял голову, оглядывая витражи. От тех цветных стеклышек, что так радостно встречали владыку день за днем, ничего не осталось. Все было выбито и уничтожено. Лучи илиуса свободно вошли во владения темного владыки и захватили его. Тьма ушла, гонимая светом. Казалось, разрушенный Дарк начинал оживать, и в этом вновь ожившем замке больше не было места Дэзиме.

Хедрик опустился на колени и подобрал одно из цветных стеклышек, что усеивали пол. Витражи-вестники были разбиты, но это не уничтожило в них магию, они все еще могли показывать то, что увидели через свои зеркала. Перед глазами алакса проскользнули полыхающие огнем глаза Второй.

– Следующая наша встреча будет предзнаменованием вашей смерти, владыка. Вам некуда будет бежать, некуда будет

идти. Я не пощажу ни вас, ни ваших слуг, ни всех остальных, кто встанет на вашу защиту. Оглянитесь вокруг. В этом пламени моего гнева увидите свое будущее. Я уйду и оставлю вас с ним наедине, но перед тем, как я сделаю это, задам вам единственный вопрос, – Элин выхватила кинжал и посмотрела на острие, покрытое сажей и копотью. Он знал этот кинжал. – Признаешь ли ты свою вину, Хедрик из Дарка?

Ее голос звучал синхронно из каждого осколка и эхом отдавался от стен. Алакс почувствовал, что начинает сходить с ума от неистового голоса, от безостановочной игры рояля, от разговоров хранителей за окном, от хруста стеблей пожираемыми саламандрами роз. В гневе он бросил стекло, разбив его на еще меньшие осколки. К несчастью, это не приглушило голоса, а только усилило его в несколько раз. Вторая, словно заевшая пластинка, продолжала повторять одно и то же. «Признаешь ли ты свою вину, Хедрик из Дарка? Признаешь ли ты свою вину, Хедрик из Дарка?» – спрашивали осколки и Хедрик не выдержал. Магией алакс подхватил все цветные стеклышки, собрал их воедино в огромный шар и спалил белым пламенем. Голос Второй угас. Закрыв глаза, волшебник собрал руками черный уголь, сжал его и обратил в алмазы. От его ног зародилась волна невидимой силы и снесла весь пепел, горящие паленья и останки убитых слуг. Белый мрамор смугло обнажился.

Перед глазами пробежала искра. Хедрик посмотрел вниз и увидел следы тени. То были буквы, что ярко виднелись

под лучами илиуса. Туну Хедрик не мог понять, что все это значит, пока не догадался запрокинуть голову и посмотреть на потолок. Черной кровью хранителя на нем были высечены слова:

«Тогда восполнись смелостью и прими боль, как друга своего»

Алак почувствовал подступающую к горлу боль. Он засмеялся, и смех полился из него агонией. Владыка неожиданно для себя вспомнил одного из десятерых гоменских приближенных – того странного одичалого фавна, что смеялся, когда он избивал его до полусмерти, когда истязал его сердце темной магией и вырывал ногти один за другим. Сейчас Хедрик был так на него похож! Элин Джейн делала все тоже самое, только не с его телом, а с его разумом и остатками души. Она всецело захватила его.

– Ты не понимаешь, во что ввязалась, моя дорогая Элин, – процедил он, вытирая лицо от пота. Его руки тут же оставили следы пепла на гладкой коже. – Даже если бы ты не была ваттером, такого я бы тебе не простил. Я бы нашел тебя и сделал из твоей души чудесный напиток. Ох, Элин Джейн, что ты делаешь со мной! Ты всегда была такой нетерпеливой, никогда не думала перед тем, как перейти дорогу противнику, силы которого намного больше твоих. Ты, сатаил подери, бестия. Уж извини, что испорчу твои планы. Следующая наша встреча будет предзнаменовать не мою смерть, а мою окончательную победу. Я припомню тебе каждое на-

писанное здесь и сказанное тобой слово, дорогая, когда ты будешь стоять, распятая на кресте, а я буду испивать по капле твою душу.

– БАХ! – что-то взорвалось по ту сторону замка. Волшебник вскочил и подбежал к западным окнам. Дарк горел. Огонь языками пламени разрушал хрустальные стены и те обрушивались в море, исчезая в зеленой пучине.

– Что там происходит? – через зубы процедил он.

– Сбежавшие, мой алакс, – ответил Боттер, только что появившийся в зале вместе с Виктором, – они сожгли опочивальни. Маги все еще пытаются потушить проклятый огонь. Вот-вот и они сделают это, потом дружно починят замок. Моему алаксу не о чем беспокоиться.

– Не о чем беспокоиться?! – выкрикнул волшебник, размахивая руками и выстреливая молниями. – Моя цитадель была атакована тремя людьми, Боттер, двое из которых еще дети, а моя армия не смогла сделать ничего, чтобы остановить их! Посмотри, Боттер, что может сделать только один Светорожденный, который даже не знает, какие силы в нем хранятся! Что будет, если она получит еще?!

– П...п... простите, мой алакс, – завыл первый помощник, судорожно отступая назад. – Я не хотел раз... разозлить моего алакса!

Извинения были сказаны слишком поздно. Хедрик взбесился.

– О, нет, Боттер. Теперь я зол. Я очень зол. Оказалось, что

моя крепость, мой милый Дарк не может защитить своего владыку. Оказалось, что моя стража не способна схватить даже ребенка, а я посылаю ее на край света захватывать мир и еще рассчитываю заполучить с ней все континенты!

– Все наши маги на востоке, мой алак, – начал оправдываться Виктор, – все обученные войны, первоклассные хранители на войне. Замок почти никто не охранял. Никто не думал, что такое может произойти. Для каждого хранителя сегодняшнее нападение стало настоящим шоком. Мы сделали все, что было в наших силах.

Алак быстрыми шагами осилил то расстояние, что отделяло главу армии Дарка от него. Все последующее произошло слишком быстро. Одним взмахом руки Хедрик прошел сквозь одежду слуги, разрывая грудную клетку. Его пальцы вцепились в грохочущее сердце. Виктор Бершин стоял, теряя связь с реальностью. Глаза покрылись пеленой, губы разжались, высвобождая удушающий вопль.

– Вы сделали недостаточно, мой друг, – улыбнулся Хедрик и вытащил руку, разрывая артерии и кости. Кровь хлынула фонтаном, Боттер Кнат, стоящий слишком близко, оказался под ней. На Хедрика не попало ни капли. Он сжал кулак – сердце перестало биться. Начальник стражи Дарка упал навзничь. – Твоя душа – свободна, – съязвил волшебник, наклоняясь к мертвому телу. – Лети к Галадеф. Ты можешь спокойно переродиться, если, конечно, найдешь ключ от башни.

И тут его словно осенило. Хедрик засмеялся и растрепал волосы на голове.

– Конечно! С какой еще целью сюда можно прийти?! Разрушить мой замок? Сжечь его дотла? Убить меня? Нет. Цель была менее масштабна. Такая маленькая, неприметная цель! Она даже влезть в карман спокойно может, не так ли?

Кнат, вытирающий лицо, посмотрел на владыку глазами безумца. Все это время он чудом держал себя в руках!

– За мной, Боттер – коротко сказал волшебник и бросил сдавленное сердце на пол, обернулся вокруг своей оси и черной мглой переместился на несколько лим на запад, оказался в маленькой комнатке, полной ключей и замков. Его глаза пробежали по полкам, стульям и столам. Теряя спокойствие, он кинулся все крушить. Ключи всех размеров и цветов полетели в воздух. Хедрик был уверен, что пришедшие были здесь и забрали кое-что ему принадлежащее. Он оказался прав.

– Мои наивные гости решили сбежать от меня, – улыбнулся алакс и вернул все ключи на свои места. – Украли ключик от башни с зеркалами и думают, что это сойдет им с рук?!

– Мой алакс?! – жалобно пискнул Кнат. Хедрик перевел взгляд на него.

– Я еще больше разочаровался в тебе, Боттер. Ты не только позволил им спокойно уйти, но и дал выкрасть мое сокровище – мой ключ от башни с зеркалами Гомена Трокториума! – Хедрик сорвался на крик. Он хотел успокоиться, он

пытался успокоиться. Все тщетно. Рука сама поднялась и накинута на бедного, жалкого слугу, прижавшегося к стене. Пощечина была столь сильна, что Боттер Кнат ударился головой о каменную кладку и разбил себе нос. В глазах все потемнело, он на мгновение потерял сознание.

– Я заслужил ваш гнев, мой алакс, – прошептал слуга, запрокидывая голову и прикрывая ноздри рукой.

– Конечно, – Хедрик погладил Боттера по голове. – Ты заслужил, Виктор заслужил, все вы заслужили. Когда я разберусь с пожаром, когда я решу, что делать с ваттером, я займусь всеми вами. Каждый, кто был в замке, пока его крушили и раздирали на части, получит свое. Вам нужно было остановить их любыми средствами, но никто этого не сделал, а посему каждый будет наказан, а как только Светорожденный будет у меня, я уничтожу всех вас. В мире больше не останется глупых ануранов.

– Ваше желание – закон, мой алакс, – прошептал слуга, глотая горькую кровь. – Мы виноваты. Мы виноваты.

Хедрик уже не слушал. Глаза его горели. Теперь он знал, что задумала Вторая. Он слишком хорошо ее знал. Элин, конечно, изменилась, но не настолько, чтобы он перестал ее понимать и предсказывать ее дальнейшие действия.

«Я был прав, говоря, что она привяжется к первому же человеку, повстречавшемуся ей на пути после бойни в Тинк-Кросс. Оленфиада Торбиум, так ведь? Теперь Вторая беспрекословно будет следовать за ней и отправится на Землю,

а потом даже и не заметит, как окажется в ловушке благодаря своей вновь обретенной любви».

– Ладно, Боттер, – фыркнул алакс. – Хватит тебе здесь рассиживаться. Иди за мной!

Усталость накатила грозной бочкой, но Хедрик оставил ее на потом, сделал шаг и оказался в сгоревшем коридоре. Маги, заливающие остатки огня водой из волшебных посохов, замерли, завидев владыку, и поклонились. Хедрик не обратил на них никакого внимания. Он кинулся в свою спальню.

От прежних его покоев не осталось ничего. Все сгорело. Что за магию Элин применила он не знал, но она уничтожила все его редкие экземпляры мечей, луков и стрел. В целости остались только рога оленя, слегка покрытые сажей.

Владыка почувствовал жуткое жжение в висках. Вот-вот и он снова был готов сорваться. Хедрик не мог больше смотреть на все это! Ему был нужен свежий воздух! Сейчас же!

Он кинулся на балкон, но того на прежнем месте не оказалось. Вся западная сторона замка обрушилась.

Алакс вновь засмеялся. Закрыв глаза, понемногу успокоил себя и пошел прочь из сгоревших коридоров. Он по привычке хотел перепрыгнуть по провалам, но что-то заставило его задержаться. Глаза уловили свежую, несвернувшуюся кровь на мраморном полу. Никому из его темных слуг она точно не принадлежала. Кровь была человеческая. Хедрик наклонился и зачерпнул ее пальцем, попробовал на вкус. По-

следнее время он так часто пил марунскую кровь, что отличил бы ее от крови ануранов даже по запаху.

«Может Вторая задела кого-то из клейменных?» – подумал он и тут же отсек свое предположение. Он узнал этот привкус.

Хедрик призвал заклятием колбу и магией собрал остатки.

– Отнеси это нашему колдуну, – приказал алакс Боттеру, отдавая кровь. – Пусть он сделает сыворотку-прилипалу. Мне нужно знать, куда отправилась ее хозяйка. Сколько времени уйдет на приготовления?

– Если эта кровь принадлежит маруну, то три дня, – ответил помощник и испуганно покосился за покрывающимся яростью лицом господина. – Быстрее нельзя, мой алакс. Будь это балеон или обычный человек, то и двух часов хватило бы, но марунская кровь слишком сложна.

– Хорошо, – выдохнул он, понимая, что не в силах повлиять на время. – Пусть начнет варить сегодня же. Кровь не совсем свежая, прилипала будет действовать несколько часов, но мы сразу же узнаем, где прячутся наши гости. На четвертый день она должна быть на моем столе.

– Что-то еще, мой алакс? – спросил Боттер, закрывая колбу пробкой и пряча ее за пазуху.

– Да. Призови агасфенов наших восточных земель. Сейчас же! Я буду зале Советов.

Хедрик сделал два шага и оказался в просторном помеще-

ние, выстроенном в форме амфитеатра. Все было выкрашено в бардовый цвет и только зеленые ветви сосен за окнами выделялись на кровавом оттенке контрастом.

Перед алаксом появился огромный круглый стол из мрамора. По его краям ютились отверстия с загадочными рунами-порталами. Стульев не было – каменным людям не зачем было сидеть, для волшебника же был приготовлен трон из рубина.

Алакс присел и усталость снежным комом накрыла его с головой. Он не чувствовал своих ног. Голова немного кружилась, жутко хотелось есть, губы пересохли. Хедрик пожалел, что не отведал души прорицательницы перед тем, как бежать в астрономическую башню.

Агасфены призывались с окраин Руны, для этого нужно было время. Владыка не желал ждать, но другого выхода не было. Задумался.

Галадеф ждала Светорожденную на востоке. Путь был не близкий, ей пришлось бы останавливаться, чтобы передохнуть и пополнить запасы. Она прекрасно знает, что он будет ее искать. Она будет избегать трактов, городов, поселков, и, скорее всего, отправится в Галадеф по реке.

«Я перекрою Разгурн, – решил алакс. – Каждый корабль, каждая лодочка будет досмотрена. Ни одно живая душа не проскочит воды без моего ведома».

Однако Элин Джейн могла пойти и другим путем.

«Что, если она решит добраться до Галадеф по Шерге через Агнию? У меня нет столько нежити, чтобы проверять каждую судно!» – вспыхнул он и тут же отбросил все варианты с реками.

«Элин Джейн не пойдет на такой риск. Она двинется на Дакоту, где в ближайшем граде найдет зеркало, которое переместит ее напрямик к порогу Галадеф! Сатаил! Дакота еще богата вольными городами! Рендаригон, Пелагиат, Найстан... Если она доберется до одного из них, то поймать ее получится только на подходе к башне! Остается только одно: захватить все грады Дакоты, близ лежащие к септимским землям. Тогда-то Вторая и окажется в ловушке».

– Но что, если я не успею? – вдруг спохватился он. – Что, если Элин сможет обойти меня, проникнет в башню и сбежит?!

Туны три Хедрик судорожно бил костяшками пальцев по ручкам трона, а затем усмирил свой страх.

«Это невозможно, – успокоил себя алакс. – Я строил Галадеф и я прекрасно знаю, что эта башня не так проста, как кажется. Да, Элин взяла у меня ключ в надежде проникнуть в башню с его помощью, но ее надежда не оправдается. Башню защищает купол и мертвые души. Даже если наивная девочка додумается поднять Зогдар на пьедестал, она все равно не сможет пройти все ступени. Галадеф сделает все, чтобы заставить ее оступиться и вернуться обратно. Элин Джейн поспешит к заветной двери, ведущей к спасению, и там то

ее я поймаю».

Хедрик знал, о чем говорил. Когда башня была возведена, на ее хрупкие ступени его приближенные чародеи наложили сильные чары, затуманивающие разум любого гардвика, ненароком решившего забраться на вершину к зеркалам. Алак поднимался по ним всего один раз, но этого ему хватило, чтобы запомнить сию неудачную вылазку на десятилетия. Каждая ступень наводила на него сомнения, с каждым новым шагом он начинал бояться всего на свете. На двадцатом шаге его вдруг охватил ужасный голод, на пятидесятом вспыхнули воспоминания о его ночных кошмарах, на сотом он ясно и четко увидел перед глазами, как падает вниз и разбивается, оставляя на каменном полу кровавые разводы и трещины. Ко всему прочему добавлялась холодная аура Зогадара, коя заставляла сердце в груди трепетать.

С трудом добравшись до вершины, алак поклялся больше никогда не подыматься вверх по этой сатаиловой лестнице, и зарекся использовать для этой цели балеонов. Вернувшись в Дарк, он бросил ключ от Галадеф куда-то в урну, где вскоре его нашли служанки и отнесли в комнату с другими ключами.

– Какой бы сильной Элин не была, она не доберется до зеркал, – уверено заявил владыка. – Страх не позволит ей. Она слишком труслива, хоть и кажется храброй в глазах слепых.

Шум, смешанный со странным жужжанием, заставил его забыть о размышлениях. Хедрик посмотрел прямо перед собой. Один за одним в порталах стали появляться черные силуэты. Зал начал заполняться десятками хранителей, каждый из которых носил свою отличительную маску на лице. Немые, безголосые. Красные плащи развивались за их спинами. Все, как один, приклонились перед алаксом, опустившись на одно колено.

– У вас новая цель, – сказал Хедрик, взмахнул рукой и за ним возникло зеркало, внутри которого стояла девушка с бурыми волосами. Такой Хедрик ее запомнил в тот злополучный день. Юная ведьма с ледяными глазами стояла и не двигалась, читая каждого взглядом. – Элин Джейн. Ее здесь знают, как целительницу из Дакоты. Мне не нужны ее останки. Вы должны привести ее ко мне в полном здравии. Я не говорю вам, не трогайте ее. Если она будет сопротивляться, крушить все и вся вокруг себя, то обезвредьте ее любыми доступными вам способами: мечи, ножи, стрелы, яды... Я не буду против, если кто-то из вас доведет ее до полусмерти, главное, чтобы ко мне она явилась здоровой и без единой царапины, это ясно? Возьмите у знахарей делиса столько, сколько потребуется каждому мори в ваших отрядах. Ее магию лучше сковать, но не надейтесь, что делис будет сдерживать ее силы вечно. Элин Джейн обладает неким «даром», который может с легкостью разрушить чары сыворотки, поэтому будьте осторожны. Я не хочу, чтобы мои воины пали

впустую. Делайте то, что посчитаете нужным. Иных, кто будет ее защищать, схватите. Я бы хотел видеть их живыми, но это и не обязательно. Теперь самое главное, – Хедрик провел ладонью по волшебному зеркалу и изображение Элин Джейн сменилось на маленькую девочку. Это была та Оленфиада, которую алакс запомнил в первый день их встречи. Крошечная, худая девочка с впавшими щеками и светлыми волосами, заплетенными в косу. Она была одета в белое платье с розовыми цветами, правая рука ее была забинтована, держала металлический костыль. Левая нога в гипсе. Хедрик помнил, как лично снимал его, боясь повредить еще несросшиеся кости. Тогда она была ему дорога. Тогда он не знал, кто она по крови. Но Эйдэн все показал, и девочка стала ему безразлична.

– Если Элин схватить не удастся, то берите ее. Они будут вместе, я не сомневаюсь. Когда эта девочка окажется у вас, поиски Элин Джейн будут не обязательными. Она сама придет к вам навстречу, – Хедрик взмахом руки убрал зеркало. Встал, искоса повернул голову, всматриваясь в бескрайние дали неба.

– Все это – дело первой важности. Отправьте вестников в другие города. Я издаю новый указ, – и алакс глазами провел по воздуху, создавая на нем листы пергамента. В следующую туну на их желтоватой поверхности стали проявляться черные пятна от чернил, еще через туну – слова. Глаза агасфенов начали бегать по строчкам, читая:

УКАЗ №664

– Во всех селениях и градах под властью Великого алакса провести обыски в постоянных домах, трактирах и тавернах.

– Запретить ввоз провизии в ночное время суток.

– Ввести комендантский час. Нарушителей наказывать. Мера наказания предусматривается агасфеном.

– В грады, размеры каковых превышают восьми лим с севера на юг и шести лим с запада на восток, ввести обязательные ночные патрули на границах.

– Ввести запрет на любые передвижения по рекам восточнее Агни.

– Ввести в Тинк-Кросс две сотни фандеров для ночного, и две сотни мори для дневного патрулирования.

Хедрик свернул магией пергамент и раздал его своим хранителям.

– И еще, – окликнул волшебник, – готовьте мори. Мне нужны лучшие из лучших. Готовьте пехотные отряды. Я сам поведу войско на восток. Можете идти.

Агасфены поклонились владыке, обернулись вокруг своей оси и исчезли, оставляя за собой зеленую дымку. Хедрик устало сел на трон, вцепившись в корни своих черных волос.

Слишком много всего свалилось на его плечи за одно только утро! Столько проблем нужно было решить! Алак прекрасно понимал, что если троица беглецов уйдет на во-

сточные земли, кие еще не в полной мере были подвластны ему, то поймать их будет весьма и весьма сложно. Единственным спасительным маяком в этом деле была башня Галадеф. Хедрик был уверен: рано или поздно Элин окажется рядом с ней. Тогда-то он ее и поймает. Тогда-то вся сила ваттерской души будет его.

– Мой алакс, – раздался тонкий голосок Боттера за дверью. – Еще кое-что. Могу ли...

– Да, говори, – кивнул волшебник. Он хотел побыть наедине с собой, но больше не решался уклоняться от новостей.

– Ваша личная прорицательница, ваша Святомира, мой алакс... Они забрали и ее.

На мгновение алакс замер. Его бросило в жар, потом в холод. Он со всей силы ударил по столу кулаком и обнажил свои острые зубы.

– А день так хорошо начинался, – простонал он.

Глава вторая. Гиблые болота

*Последние часы для нас с тобой уходят.
Я кричу, пытаюсь освободиться от пут,
И умоляю тебя освободить меня,
Но ты отворачиваешься.
Злоба, ненависть, жажда убивать —
Все, что у меня осталось.*

*Кастиль Трок,
«Заметки о Земле», ЭП*

Озябшие гнилые стены, низкий потолок в грибах да в бахроме из сталактитов, гудящий сырой воздух, гнилой пол. По влажным каменным ступеням, поросшим светящимися ярко-желтыми грибами – эдакими падшими звездами, затаенными под гнетущей толщей тяжелых верхних слоев земли, ход вел через неизведанную гавань к округлой прогалине, заболоченной желчной отравой: то ли кислотой, то ли городскими стоками; потом сворачивал направо и уходил в те дальние неприступные глубины, от каковых веяло жаром и пеклом. Ход вел под Линистасом, и сложно было поверить, что лишь тонкая граница из крепкого металла и кирпича отделяет его от тяжелой водяной толщи.

Здесь дорожка разделялась. Левый скользкий лаз пропал, скрываясь в узкую расщелину, другой, затопленный глиной и городским мусором, продолжал мчаться вперед.

«Я не пойду туда!» – прошептала она.

«Еще как пойдешь, пойдешь, да в припрыжку!» – прикрикнул голосок.

«Сколько микробов! Сколько бактерий! Сколько потенциальных убийц в этой размякшей почве! Мы ранены. Мы можем подцепить холеру!».

«Можете, но это ведь всего лишь холера! Поверь мне, хуже Язвенной она уж точно не будет, так что собери свою волю в кулак и продолжай идти».

Ольна сделала еще один шаг и упала. Ноги утонули по самое колено.

– Иди ко мне, – позвала волшебница, и девчужка вздохнула с облегчением. Элин посадила ее к себе на плечи и за двоих пошла по смрадной земле. Мыслитель – ее удивительно спокойный проводник, сгорбленным шел впереди, держа на руках бездыханный комочек огнива. Ему было тяжело. Больно. Плечо его после полученных на поверхности ран, хоть и было слегка залечено магией, продолжало кровоточить. Капли крови скатывались вниз и огнецветами вспыхивали на черной поверхности.

Тупик. Привал. Очередной завал. Виток, изгиб, поворот. Привал... Лабиринт. Пещера не имела краев. Сколько бы они не шли, куда-бы они не шли, она всегда возвращала их к первоначальной тропке, окруженной желтыми грибами.

Они блуждали уже третий час. Ольна не отпускала глазами огненную птицу перед собой и молилась.

– Мне немного страшно, Элин, – призналась она. Волшебница, опираясь на посох Мыслителя, брела полная негодования. Она вымоталась. Она никогда прежде не таскала на себе такие тяжести! Да, Ольна сама по себе была легка, однако, утонув в глине, набрала лишних пол пуда! К тому же Элин приходилось еще и следить за тем, чтобы иллюзия птицы не погасла, не утонула и не сгнула, оставив их одних в темной пещере, смугло освещаемой золотым светом грибов.

– Ничего, Ольна, – через зубы процедила она, задыхаясь от тяжести и кривясь, как навьюченный мул. – Скоро мы выберемся, а если не выберемся, я проломлю этот проклятый фундамент над головой и...

– Прислушайтесь! – вдруг перебила ее малютка. Они остановились. Гул, все это время преследовавший их по пятам, начал умолкать.

– Мы вышли за пределы Линистаса, – послышался голос Мыслителя впереди. – Мы под Задворками. Скоро Септим останется лишь в наших снах.

– Я бы не хотела видеть его даже там, – отсекла Ольна и продолжила наблюдать за огненной птицей.

Снова повороты, завалы... Мыслитель оттолкнул лежащей перед ним довольно крупный валун, и земляной гниющий запах заполнил легкие. Дышать стало тяжело от болотного газа.

– Смерть, – сказал он, закрывая нос рукавом. Голос его

звонкой трелью разнесся по пещере. – Это запах смерти. Гиблые болота Полудима. Мы почти добрались.

– Болота?! Неужели! Какая радость! Я ждала увидеть их всю мою жизнь! – возмутилась волшебница, преисполненная гневом, всплеснула руками, и Ольна чуть было не упала. Эльна молниеносно поддалась вперед и подхватила ее за маленькие ножки.

– Мне трудно понять твой настрой, Элин, – отозвался Мыслитель издали. – Вот сейчас ты выразила подлинную радость или негодование?

– А ты влезь мне в голову и узнаешь!

Волшебница надула щеки, и, раздраженная, сожгла корни деревьев, к превеликому несчастью оказавшиеся подле ее лица.

– Знаешь, я предполагаю, что в Дарке был не один тайный проход. Отчего ты предпочел именно тот, который ведет к непроходимым топям?!

Обессиленный, Мыслитель удивился и искоса поглядел на девушку.

– Не было времени выбирать.

– Хватит использовать сию глупую отговорку!

– Ну-с, можно было бы отправиться в подземелье и сыскать там иной путь, сразить еще тысячу хранителей, и, наконец, попасться в руки алаксу, однако, как мне показалось, лучше уж застрять здесь, в трясине, нежели быть растерзанным темными слугами.

– Лучше? – волшебница звонко засмеялась. – Я бы предпочла сгинуть от рук алакса, как доблестная хранительница Руны, нежели тут... в грязи, как крыса.

Последнее слово она прямо-таки изничтожила и оживила. Ольна взвизгнула, увидев на потолке огромную жирную крысу-иллюзию.

Тропинка скользнул вниз и снова ушла под воду. Мутную, вязкую. Мыслитель, невзирая на это, опустился в нее по колени и пошел дальше. Его не останавливали перипетии и тернии, они будто бы его влекли. Элин же таковые препятствия были не по душе:

– Мы идем не меньше часа. Ты хоть знаешь, куда мы движемся, или делаешь вид, что знаешь? Мы могли упустить какой-нибудь поворот еще пол лимы назад!

– Здесь только одна дорога, – сухо ответил он.

Ольна нервно перевела взгляд от Эльны к Мыслителю. Вот-вот и между ними бы вспыхнула ссора! Девочка чувствовала, как Эльне тяжело, как она начинает срываться! Ей нужен был привал!

– Может, остановимся? – тихо предложила девочка, сжав зубы.

«Лучше бы промолчала» – выдохнул голосок.

– Остановимся, Ольна?! Давай. Давай мы вернемся в Дарк, ляжем на мягкую зеленую травку в саду, посмотрим на прекрасного Трока в золоте. И поверь, он хорошо запомнится тебе, ведь после того, как ты наглядишься на него, нас

всех тут же отправят на костер! В конце концов бездушные мы будем дружно наблюдать, как наши головы украсят пу-
стые пики у ворот в Септим-град!

– Я, пожалуй, помолчу, – проямлила девочка и опустила голову. Элин лучше было не злить.

Ольна пробежалась глазами по зеленым бугоркам, по се-
рой плесени на потолке и длиннющим корням, спускаю-
щимся сюда с поверхности. Зорманские уголья. Корневища
шли от старой дубравы у берега Агнии. Отсюда, снизу, было
и не сказать, что где-то там, наверху, им сейчас весело и хо-
рошо: их обдувает свежий ветерок, птицы щебечут на вет-
вях, илиус сочиться сквозь серые тучи... А она здесь, в гря-
зи и смраде.

2031, 4 марта

Темнеет. Холодно. Скучно. Страшно.

*Сегодня с восьми утра до девяти вечера я, не покладая
рук, работала в госпитале. Состояние больных с Язвенной
ухудшается. Болезнь перекинулась на легкие. Доктор гово-
рит, если антибиотики не помогут и завтра положение их
станет еще хуже, он будет вынужден... он должен будет...
у него нет иного выхода, кроме как прекратить их страда-
ния...*

*Ночь на улице. Опять что-то бомбят. Мы с Оленфиадой
не выходим из бункера, сидим и смотрим друг-на-друга, что
еще остается?! Света нет, еды нет, связи нет. От мужа*

никаких вестей. Лукас молчит. Ни одной весточки. Тишина. Чувствую безысходность. Все время думаю о больных с Язвенной чумой, они ведь остались в госпитале! Наверху!

Ольна вновь глядела во тьму. Ее изморившиеся глаза перешли на гремучую глину и замерли в диком ужасе: с черной жижи на нее смотрели два огромных жабьих глаза. Один повернулся и скрылся в пучине, другой поплыл вперед, прямо под ноги Мыслителя, коснулся его пяток и тоже ушел на дно. Кем бы не было это существо, лучше было остерегаться его.

– Совсем осатаилась?! – вспыхнула волшебница, почувствовав, с какой силой сжались маленькие девичьи пальцы на ее шее. – Больно! Хочешь, чтобы я тебя сбросила, да? Хочешь здесь остаться? Ну, валяй, я не стану тебя вытаскивать.

– Элин! Там! Там! – забормотала малютка в ответ. – Там глаза!

Элин проследила за дрожащей рукой.

– Ничего. Никаких глаз. Ты глумишься надо мной?

– Клянусь! – всхлипнула Ольна. – Там они были! Я их только что видела. Это была жаба или... нечисть какая-то... Полагаешь, я спятила?

– А как ты думаешь? – и Эльна отвела взгляд от бурой трясины. – Впереди ничего нет. Только темнота. Откуда здесь взяться хоть одному живому существу?!

Элин сверкнула черными глазами и вновь обратилась к Мыслителю:

– Если бы ты только сказал, что я пропаду вот так вот, захлебнувшись в болотной трясине, то я бы осталась там, в замке. Осталась бы, и билась до последнего своего вздоха.

Она завершила свою героическую речь и тут же наткнулась носом на невидимую преграду, ушиблась и упала в грязную муть. Ольна с головой ушла под воду. На удачу, здесь было не глубоко, Ольна тут же всплыла поплавком.

Тупик.

Огненная птица дальше не летела. Что-то темное преграждало им путь, какая-то невидимая завеса. Малютка прикоснулась к ней рукой, и она завибрировала.

– Защитный барьер? – Эльна провела рукой по поверхности. – Как мы его осилим?

Никто не ответил. Девушка в изнеможении опустила руку и свет огненной птицы погас. Так ей и надо. Она осточертела ей. Во мраке единственным светом осталась жемчужина на белом посохе, но и та уж была Элин ненавистна. Девушка швырнула посох Мыслителю, и тот поймал его в воздухе.

– Мы заблудились. Мы не выберемся отсюда, верно? Это бесполезно. Я больше не буду создавать свет.

Она устала. Все тело ныло, мышцы горели, ноги дрожали. Не было сил искать выход, хотелось просто сдаться.

– Свет нам больше и не понадобится, – улыбнулся в ответ

Мыслитель. – Мы пришли.

– Куда? К границе миров?! – и Элин со всей силы ударила ногой блистающую перламутром магию Ра'атхов.

– Это всего лишь иллюзия.

Он протянул посох к невидимой завесе, прикоснулся к ней жемчужным наконечником, и та пала, отворяя светлую тропу на поверхность. Ослепительные лучи илиуса широкими линиями осветили подъемные плиты. Торжественно улыбаясь, Мыслитель пошел навстречу яркому небосклону.

Они оказались у маленькой пещерки, незаметной среди камышей и желтых цветов купальницы. За ней виднелся Септим, так близко подходящий к смертельной громаде гниющих болот, впереди стелились живописные бурлящие озера и впадины водно-болотистых угодий. На расстоянии лим и дальше свирепствовали земли, захваченные властью болот, живущих своей особенной, скрытой от чужих глаз жизнью. Чистое небо, запятнанное тучами лишь над низиной Септим-града, прощалось с миром, и, прощаясь, отгоняло скуку от всеми забытых топей Полудима.

Вечерело.

Черные от смолы и сырости деревья наклонились вниз, глубоко утопая корнями в мутной трясине. Без листьев, без признаков жизни, они извивались в пугающие формы, протягивали свои клешни и щупальца к вздутым островам, пытаясь ухватиться за них, спастись. Зловонная субстанция – то ли река, то ли подвижная грязь, блуждала меж сиротли-

выми лиственницами и черными поганками. Почва гнилая причмокивала и проседала, а, завидев незваных гостей, погрузилась в нарочитый сон. Здешняя жизнь словно бы замерла.

– Не следует тревожить воду, – с легкой тревогой в голосе подметил Мыслитель, и предложил поскорее отыскать твердыню.

«Не тревожить воду? Это еще почему?».

«Мертвые» – ответил голосок.

Малютка тут же вспомнила об утопцах. Уж с ними она точно не хотела бы встретиться.

Мыслитель окинул болота взглядом и указал на маленький моховой островок с одиноко стоящей ольхой. Эльна и Ольна согласительно кивнули. Они проскочили по дорожке из серых камней, заросшей благоухающими кустами вереска. Желтобокие лягушки, завидев их, кинулись в воду. Из-под ног вылетали крохотные птички – кулики, почти незаметные в цвете серой травы.

– Думаю, здесь Хедрик точно искать нас не будет, – заявила Элин. – Гиблое место, а мы с вами безумцы, раз уж решили отправиться сюда. Чистое самоубийство.

– Болота, как болота, – хмыкнул Мыслитель.

– Быть может, но когда-то они унесли жизнь Вирин Септимус. Ей не повезло. Она попала сюда в разгар летнего пекла, а вы же знаете, что происходит на болотах, когда вся эта отравленная вода начинает испаряться... Она задохнулась

и умерла, а ее тело обглодала нечисть! Я не собираюсь последовать за ней. Сегодня день был пасмурным, но это не значит, что завтра он будет таким же. Если Илиус будет печь, нам не осилить топи.

Волшебница шмыгнула носом и по своей давней привычке сорвала листья купальницы и забросила их в рюкзак.

– Не стоит так же забывать, что приближается ночь, а мы на гиблых землях. С заходом илиуса повылазит нечисть. Утопцы, упыри, мары, анчуты и иные неупокоенные души – все они голодны. Нашу кровь они почуют за лиму. Придется сделать крюк. Нужно поскорее идти на запад. Под Зорманом у тракта есть деревушка Верески, там и переночуем.

– Мы теперь знаменитости, Элин, – напомнил Мыслитель. – Могу поспорить, Хедрик уже по всему миру растрюбил о нашем побеге, так что к тракту мы пойдем. Как только илиус скроется, хранители отпустят своих верных сторожевых псов, фандеров, на наши поиски. Вот с кем бы я точно не хотел встретиться, так это с ними. Лучше уж нечисть.

– Тогда готовься отбиваться от сотен незваных гостей.

– Сколько же нечисти и нежити хочет нашей смерти!? – всхлипнула малютка. – Как же нам быть?

– Во-первых, – начал Мыслитель, перебирая пальцами, – нужно перейти на другую сторону болот к отрогам Верных гор. Во-вторых, нам нельзя появляться в градах и селениях, кои под властью алакса. Нужно идти на восток, идти к Дакоте, пока она еще свободна.

– К Дакоте? – вспыхнула волшебница. – Мы будем добираться до нее несколько месяцев! У нас с Ольной нет столько времени! Мы отправимся напрямиком к Галадеф!

– Это безрассудно, Элин, – отмахнулся Мыслитель. Он нежно опустил Святомиру на мягкий мох и выпрямился, – первым же делом Хедрик удвоит стражу на подходах к галадефской границе. Он наверняка знает, зачем мы приходили. Все дороги к башне уже перекрыты.

– И что же ты предлагаешь?!

– Может быть кому интересно мое мнение? – буркнула малютка. Она сняла с себя тяжелую мантию, облепленную глиной, и присела на ближайший сухой пенек. – Я хочу есть и пить. Сегодня мы уж точно не попадем в Галадеф. Как бы мы не желали попасть туда, как бы мы не хотели добраться до башни, от нас, раненных и голодных, проку будет мало.

– Это верно, – согласительно кивнул он. – Разобьем лагерь.

– Здесь?

– Нет, разумеется, нет. Сюда сбрасывают умерших из Септима, вся почва пропитана трупным ядом. Нужно пройти в глубь топей. Там воздух и земля будут чище. Там мы разведем огонь, придем в себя и отдохнем.

Ольна и Мыслитель посмотрели на Эльну, ожидая ее решения.

Ей не хотелось оставаться на болотах, но она не могла не согласиться с тем, что безумно устала. Все ее тело ныло,

голова трещала и расходилась по швам, к тому же, черная магия все еще не отпускала ее глаза – девушка видела мир черно-белым.

«Придется идти в глубь, – безрадостно констатировала та Элин, коя знала: другого выхода нет. – Темная нечисть, фандеры, всеядное болото, готовое погладить нас в любую туну – что может быть лучше?!».

– Не будешь же ты ее все время таскать на себе, – вздохнула волшебница, поглядывая на Святомиру, что за все это время ни разу не приходила в сознание. – Нам еще идти и идти. Приведем ее в чувства. Я сейчас, – девушка скинула с себя грязную мантию, и скрылась за кустами вереска. Ольна осталась наедине с Мыслителем. Он аккуратно снял с бессознательной туфли на высокой шпильке, давая ее ногам покой.

– Она богато одета, – заметила малютка, осматривая красивое платье кровавого цвета. – Она же служила Хедрику, я права? Кто она? Зачем Хедрик решил ее убить?

– Ее зовут Мира, – пролепетал он. – Она очень многое знала, знала то, чего не должна была знать. Познавшие запретное мало живут, в особенности, если служат темному алаксу.

– Она его десница?

– Нет. Мира была пленницей в Дарке. Я дал обещание спасти ее и не мог поступить иначе.

Ольна отодрала со своего лица запекшуюся корочку крови и посмотрела на рыжую девушку.

– Почему же она не сбежала раньше? Она клейменная?

– Нет, – выдохнул Мыслитель. – Она просто не могла. Сколько не пыталась, сколько сил не тратила на побег, ее всегда возвращали обратно.

Резкий запах пронзил легкие. Ольна тут же спрятала нос под воротник. Запахло жгучим чесноком и гнилой плотью, долго пролежавшей на свету. Малютка только хотела спросить, откуда исходит эта ужасная вонь, как увидела Элин. За ней летел большой цветок, похожий на скрюченный тюльпан с пурпурными пятнышками. Не было сомнений – запах шел от него.

– О, нет! – выдохнула малютка, скрючиваясь от тошнотворных порывов. – Это же *Symplocarpus foetidus*, больше известный как лизихитон, – девочка проводила изумленный взгляд Мыслителя и поспешила добавить: – Я прочла это в книге *«Самые зловонные растения Земли»*.

– У нас он известен под названием – Огневик вонючий, – пробурчала волшебница. – Думаю, от этого запаха даже мертвый воскреснет.

Туну Мыслитель колебался, потом все же кивнул в согласии и пропустил девушку к Мире. Элин поднесла цветок к самому носу прорицательницы, и та нахмурилась, замычала и закашляла.

– Нет, не надо, прошу, – хрипло простонала она, медленно приходя в себя.

– Фу-х! Она жива, – прошептала Ольна и бросила на Элин

взгляд, метающий молнии. – Прощу, выкинь этот цветок куда подальше. Меня сейчас вырвет.

Элин магией подняла его и снова скрылась за вереском.

Прорицательница привстала, несколько тун ее взгляд был размытым, несобраным. Ольна с любопытством начала разглядывать веснушки на ее лице, большой стаей захватившие ее нос и щеки.

– Я здесь, мой мир, ничего не бойся, – нежным голосом прошептал Мыслитель, прижимая ее к груди. Малютка открыла рот от удивления. Она бы никогда и не подумала, что грозный и столь серьезный мужчина, каким Мыслитель по ее наблюдению и был, может в одночасье стать нежным и ласковым!

Мира обратила к нему зеленые глаза, медленно прикоснулась пальцами рук к его щетине.

– Я ведь мертва, верно? – пролепетала она, читая по его лицу струны горести. Он смотрел на нее и не мог заговорить, не мог сказать ничего в ответ. – И ты здесь. Со мной. Я хотела, чтобы мы были вместе, но не так, – с ее глаз струйкой побежали слезы. – Мне так жаль, что ты встречаешь меня первым, что ты тоже умер. Прости, это я виновата. Мне так жаль. Мне так жаль...

Голос девушки был хрупким, чуть ли не срывающимся на писк. Ольна вдруг вспомнила тот день, когда мама провожала папу на фронт. Мама разговаривала также.

«Все хорошо, все скоро наладится».

Думала ли она тогда о том, что, быть может, они никогда больше не увидятся? Что повстречаются лишь на том свете?!

Элин, ругаясь в три погибели, выползла из кустов, испачканная в болотистом иле, и грустные мысли Оленфиады Торбиум рассеялись.

– Фандерова топь! Чтоб я еще хоть раз сюда пришла по своей воли!

Выбранная ею дорожка оказалась неудачной: на пол пути назад Элин провалилась в трясину, коя чуть было не затащила ее на самое дно.

– Буду рада, если однажды здесь откроется червоточина и пожрет эту полудимскую отрыжку!

Мира медленно повернулась в сторону волшебницы. Глаза ее еще не видели – их покрывала смутная пелена, но через виру пелена развеялась. Мира вздрогнула, закричала. От ее крика черные крачки по другую сторону бурлящей трясины выпорхнули из своего укрытия и с криком взмыли в небо.

– Сатаилы! Сатаилы!

От удивления Элин замерла на месте. Приметив на себе ее взгляд, Мира тут же схватилась за голову и опустила глаза, а затем увидела маленькую косматую девочку, точь-в-точь такую же грязную и окровавленную, как и пугающее «нечто», вышедшее из кустов, только с человеческими глазами.

– Сатаилы! – она ухватилась руками за зеленый мох, пытаясь встать. – Уйдите прочь! Уйдите! Я не пойду с вами,

чтобы вы мне не сделали! Уйдите!

На нее нахлынула настоящая истерика. Элин пыталась что-то сказать, но не могла вставить и слова, не могла перебить душераздирающие вопли! Ольна в страхе закрыла уши, пытаясь понять, что, собственно, только что произошло, и что Миру так напугало. Мыслитель не смог придумать ничего лучше, кроме как с силой прижать вопящую бедняжку к себе. Она вырывалась. Кричала. Он прижал ее голову к своему плечу, не давая вымолвить больше ни слова. Прошептал на ушко:

– Нет, мой мир, не кричи, они нам не враги. Ничего не бойся. Ты жива. Ты в безопасности, далеко от Дарка. Хедрик больше не найдет тебя и не причинит тебе боль. Ты со мной. Ничего не бойся.

С ее ресниц соскочили слезы. Девушка прижалась к нему, обхватив руками.

– Это правда? Это ты? Ты – настоящий?

– Я настоящий, – выдохнул он, целуя ее в горячий лоб.

Мира понемногу пришла в себя.

– Как я здесь оказалась? Где я? – она огляделась по сторонам. – Что произошло?

– Ты ничего не помнишь?

– Отрывками... все как в тумане... казнь, мой алакс... Он что-то сделал со мной! Или нет? Он что-то говорил... что-то ужасное... что-то о моей семье или...

– Не думай об этом сейчас, мой мир.

– Он отобрал мои глаза...

– Нет, Мира, нет.

– Но я больше не вижу будущего! Он отобрал мой альвион!

– Успокойся, Святомира, пожалуйста!

Еще туны две девушка что-то бормотала и вскрикивала. Ни Ольна, ни Элин не сдвинулись с места, боясь вызвать очередной порыв истерики. Мыслитель покачивал ее на руках, словно бы младенца.

– Кто эти... кто твои друзья? – наконец, спросила она, подымая влажные глаза.

– Нет, нет, нет – отсекла волшебница, подходя ближе. Рыжая красавица в испуге прижалась к груди Мыслителя. – Во-первых, мы ему не друзья. Все, что нас объединяет – сделка. Во-вторых, с чего вдруг нам представляться? Мы тебя не знаем, что, если ты служишь Херику?!

– Гомен правый, Элин! – взревел Мыслитель.

– Не перебивай, – цыкнула она. – Сначала пусть твоя девушка представится, расскажет, почему выглядит так, будто бы все эти годы согревала алаксовую...

– Ты ходишь по краю! – резко вскрикнул он, понимая, к чему волшебница клонит. Элин одним шагом оказалась около Мира и грубо схватила ее за правую руку.

– Что ты делаешь? – сквозь зубы прорычал он. Еще туну и Мыслитель бы взорвался! Эльна не обратила на него никакого внимания. Она магией раскроила шелковый рукав

Миры, оголяя внутреннюю часть ее руки. «Ничего. Клейма алакса нет» – разочарованно вымолвила та Элин, коя в каждом видела слугу темного владыки.

Мира выдернула свою руку из крепкой хватки.

– Ты заключил сделку с ветницей? – испуганно прошептала она, оборачиваясь к нему. Мыслитель покачал головой, крепко обнимая возлюбленную.

– Ах, ветница значит! – Элин возмутилась, закатила глаза, возвысила руки к небу и отошла назад. – Может мне еще табличку в голову вбить, чтоб меня не путали?! Почему каждый, почти каждый, кого я встречаю, считает меня ведьмой?! Я, что, похожа на ту, что заключила сделку с сатаилами!?

Мыслитель и Мира отрицательно покачали головой, Ольга согласительно кивнула.

– Спокойно, Элин, – перебил ее он. – Мира не знает о ма-рунах. Для нее ведьмы и волшебники – одно и то же. Она всего лишь пленница Хедрика, одна из тех, что были приведены им с Земли.

Волшебница охнула. «Мне крайне везет на не перерожденных землянок» – подметила она. «Второй человек с Земли, – процедила та Элин, коя начинала видеть нечто подозрительное в том, что алакс приводит на Эйлис землянок. – Зачем алаксу они нужны?». «У каждого свои сатаилы в голове, – выдохнула та Элин, коя не видела ничего необычного в еще одной похищенной Хедриком. – Тебе нравилось варить зелья и исцелять гардвиков, а ему – похищать невинных

девушек с других мидгардов».

– Землянка?! – воскликнула Ольна, прыгая от восхищения и радости. Святомира не поняла столь резких перемен в лицах, а посему пока решила не обращать на них внимания.

– Волшебница? – переспросила она возлюбленного, и он удовлетворительно кивнул. – Прости, не знала, что в мире остался еще кто-то с таким же даром, как у моего алакса... у Хедрика, – она повернулась к Элин. – Я спутала тебя с са-таилом из-за твоих глаз. Почему они черные?

– Мы сейчас не о моих глазах говорим! – отмахнулась волшебница. – Что ты делала у него? Зачем ему устраивать ради тебя приватную казнь? С чего бы землянке быть настолько особенной? Почему ты была в замке, покуда Ольна, будучи такой же, как ты, прозябала в темнице?!

– Элин, она устала, – остановил ее Мыслитель.

– Нет, Фелиус, – прошептала Мира и взяла его за руку, – она в праве знать.

«Как его зовут?» – удивленно переспросил голосок.

«Кажется, Фелиус» – ответила обескураженная Ольна.

Святомира встала и гордо посмотрела в черные глаза Элин Джейн. Девушка оказалась выше нее, поэтому целительнице пришлось запрокинуть голову. «Сказать, что я чувствую себя неуютно – ничего не сказать» – простонала та Элин, коя в глубине души ненавидела всех, кто мог смотреть на нее свысока.

– Фелиус ничего вам не рассказывал ни обо мне, ни о себе, потому что я попросила его об этом. В Септимае за всеми наблюдают, за всеми следят. Если бы кто узнал наши настоящие имена или цели, кои мы преследовали, всему бы пришел конец. Сейчас мы далеко от Септима, а значит можем говорить открыто.

– Так говори же!

– Я Святомира Мирол, для друзей – просто Мира. И да, я с Земли. Я там родилась, но выросла здесь.

– Хедрик? Он украл тебя? – спросила малютка.

– Я его рабыня, я всегда ей была, сколько себя помню, – ответила она и посмотрела на Элин впритык. – И да, ты права, я действительно «особенная», по крайней мере была таковою до сегодняшнего дня. Я была сильна, покуда...

Она замолчала. Ее дрожащие ладони поспешили прикрыть вырывающийся из глубины отчаянный крик.

– Покуда, что? – потянула нетерпеливая Эльна.

– Покуда он не забрал его... Он отнял у меня то последнее, что давало мне силы. Он отнял у меня...

Она не закончила. Заплакала. Ей было тяжело продолжать, она пыталась, но не могла. Фелиус пригрозил волшебнице взглядом.

– Все прошло, – он прижал сокращающуюся от слез к себе. – Ты со мной. Я тебя не дам в обиду.

– Что он у тебя забрал? – нетерпеливо переспросила Эльна. – Кто ты, сатаил тебя подери?!

– Я ПИФИЯ, – закричала девушка, не выдержав. – ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА, ГАДАЛКА, ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА, ЯСНОВИДЯЩАЯ – называй, как хочешь! Я была таковой раньше. Сейчас нет... Я больше не я.

Элин замерла, впадая в какой-то диковинный транс. Никогда прежде она не встречала пророков, да и вообще всю свою жизнь думала, что пророчества – сшитый на скорую руку обман. Она верила в существование тех, кто читал будущее по небу или червоточинам, верила в то, что альвы когда-то плели грядущее и были его строителями, но не могла принять истину, коя складывалась из тех гардвиков, что могли улавливать струны судеб из снов. Целительница была крайне настроена против магии сновидений. Она считала ее лживой и искаженной, а всех тех, кто мнил себя пророками, видящими грядущее через око снов – самообманщиками.

– Хедрик держал меня взаперти рядом с собой, потому что я нужна была ему, – продолжала Святомира. – Я рассказывала о своих снах, он делал выводы. Если сон был плохим или предвещал что-то плохое, алакс тут же менял все свои планы и шел другим путем, избегая худшего. Это я помогла ему завоевать материк. Я была его лучшим командиром; слепой, безучастной направляющей рукой.

Знаю, что вы сейчас обо мне думаете: что я предательница, что я – убийца, что мне следовало бы умереть сразу же после того, как я переступила Эйлис, но... Я не могла иначе. Я делала это не ради себя, а ради моей семьи. Я хотела,

чтобы она была счастлива, чтобы она жила. Он обещал, что сбережет ее. Он обещал мне заботиться о моих родных...

Элин хотела возразить, но не смогла. Ей вдруг стало жаль незнакомку.

«Ты бы делала тоже самое, если бы на кону стояла жизнь Юлия. Не осуждай ее, она ни в чем не виновата» – приказала та Элин, коя ради любимых была готова на все.

– Почему же ты сейчас не прорицательница? – спросила малютка, не уверенная в том, что вопрос прозвучит уместно.

– Когда-то я видела будущее во снах, но теперь все в прошлом, – ответила Мира и отвернулась. – Хедрик дал мне разбавленный с проклятием делис. Для таких, как я, полученная сыворотка соизмерима с ядом, что убивает не тело, а дар. Дар видеть и предсказывать. Теперь я ануран. Мое третье око похоронили вместе с моим будущим.

– Значит-с, вот почему ты не хотел нас отпускать, – обратилась волшебница к Мыслителю, – мы ведь должны взять ее с собой на Землю, верно?

Мира удивленно посмотрела на Фелиуса, и тот начал искать слова, чтобы все объяснить, но вой дикой стаи фандеров заставил всех позабыть о разговоре. Фелиус молниеносно провел рукой по гладкой поверхности жемчужины на конце посоха, и та засияла, как маяк указывая путь через тернистые берега и топи.

– Идем в глубь болот, – приказал он.

– Но мы еще не все обсудили, – напряженно зашипела вол-

шебница.

– Потом. Идем в глубь болот сейчас же! Не отходите от меня ни на шаг!

– Меня можно и не просить об этом, – испуганно пискнула Ольна, накидывая на голову капюшон. Вой повторился. В сумеречном свете далеких западных берегов девочка разглядела четыре черные фигуры. Гончие империи вышли на охоту.

Воздух затвердел. Неторопливо с вершин холмов да сиротливых сопок с треглавыми вельможами соснами спустился туман и накрыл бескрайний оком Полудимских топей. Меж одинокими деревьями, протягивающими свои когтистые ветви, покрытые заросшим мхом и лишайником, проглядывался сумрак, душное марево, сторонящееся света илиуса, что уходил к закату и оставлял на небе зеленую прореху меж твердыней и небесным куполом.

С уходом дневного светила жизнь на болотах проснулась и ожила. Шумы и голоса заполнили космическую даль до самых дальних берегов Верных гор. Фандеры, если и учуяли их след, вглубь болот не пошли, отстали, так что Ольна вздохнула с облегчением. Она то и дело останавливалась и в восторге наблюдала за копошащимися в воде непонятными колючими зверьками, схожими то ли на крылаток, выбравшихся

из морских глубин и переместившихся сюда, на болота, то ли на рыб-ежей, обзаведшихся парой-тройкой тонких игольчатых лап. В редких случаях за высокими деревьями она замечала пасущихся на пустошах лосей, на ветвистых рогах которых прорастала красная морошка, и, завидев ее любопытный взгляд, лоси лениво разворачивались и уходили прочь, глубже в чащу, растворяясь в тумане. В кустах то и дело появлялись длинные клювы больших темно-бурых выпей, с долговыми острыми лапками, пухлым гусиным тельцем и пугающе длинной шеей, на которой кольцами дремали маленькие болотные змейки. Элин сказала, что эти змейки не опасны.

Время бежало слишком быстро. Через час илиус полностью скрылся за горизонтом, и небо укрылось яркими звездами по всей своей необъятной поверхности. Видимый мир, наполненный живыми существами, беззаботно готовящихся к наступлению ночи, терялся под тенью загадок и тайн. Может быть туман, может быть холодный воздух и непрекращающееся кваканье со всех сторон заставляли воображение рисовать несуществующие, жуткие картины, пробирающие до мурашек: Ольна то и дело замечала на вершинах сопок зеленые огоньки, которые то вспыхивали, как ночные фонари Септим-града ярко и напористо, то угасали, оставляя за собой рассеянный световой след; видела в мутной воде чьи-то головы и горящие глаза, но приглядываясь, понимала, что это всего лишь обросшие мхом булыжники и звезды, отра-

жающиеся на водной глади.

Живой мир за пределами непроницаемых черных пещер пошел Элин на пользу. Ее отпустило. Девушка усмирила внутренний гнев и переключилась на сбор трав. Как целительница, она хотела лишь вылечить свои и чужие раны, а для этого следовало отыскать ингредиенты для целебных настоек и зелий. На полудимских болотах оказалось много плакун-травы, из которой волшебница намеревалась сварить эссенцию Тенебры.

Вскоре перед глазами стали маячить белые огоньки. Ольна прекрасно знала, как выглядят светлячки, и с уверенностью могла сказать, что это не они сейчас дружной стайкой порхают по всему болоту. Нечто другое. Всеми силами огоньки пытались сбить Мыслителя с пути, создавая иллюзию яркого света посоха над каким-нибудь неустойчивым бугорком, готовым в любую туну провалиться в беспросыпную пучину. Увы и ах – у них ничего не выходило. Мыслитель продолжал продвигаться вглубь болот, оставаясь к огонькам безразличным. Между ним и посохом была невидимая, неосязаемая связь. Спутать его свет со светом обманчивым он не мог.

Покачиваясь на пушистых кочках, все четверо продвигались вглубь. Ноги то и дело тревожили воду, но никто не появлялся из ее глубин. «Дурной знак, – подмечала для себя та Элин, коя привыкла встречать на топях какую-нибудь противную темную нечисть. Обычна та нападала сразу,

а не пряталась и не выжидала. – Очень спокойно вокруг. Кажалось бы, чем глубже проникаем в топи, тем ярче должны быть голоса и звуки, но почему-то сейчас они лишь умолкают».

– Такое чувство, что за нами следят, – всхлипнула Ольна, хватаясь за мантию волшебницы. – Вон, посмотри! Там за кроной деревьев кто-то прячется!

– Вполне может быть, – тихо ответил Фелиус. Он обошел высокий тростник, перепрыгнул через глубокую падь на каменный утес маленького островка, затем подал руку Мире. – Здесь везде глаза да уши. Нечисть любит подслушивать, но уж лучше она, чем нежить. Я готов заплатить такую цену.

– Обнадеживает, – заявила Ольна, наполняя голос саркастическими нотками.

Мыслитель осмотрелся по сторонам, посохом притронулся к засохшей иве и постучал по ее стволу. Тут же из-под нее забил источник чистой воды.

– Думаю, это вполне хорошее место.

– Хорошее место для чего? – недовольно спросила волшебница, перекидывая маленькую Ольну на островок. Когда ноги коснулись неподвижного, твердого земного покрова, малютка стала частью его отреченной независимости от Полудимских вод. Тут-то ее не могло затянуть в трясину. Она уселась на холмик, и принялась бегать пальцами по пушистому мху.

– Для ночлега, конечно же, – ответил Фелиус и оборвал несколько довольно крупных сухих веток. Вокруг, меж ухабов и сопок, блуждала тишина, треск разрывающийся под силой человеческих рук древесной плоти разносился далеко по округе. Подготовив все для костра, Мыслитель скинул с себя рубаху и поспешил смыть с тела жгучую прилипшую грязь.

Туман заволок тропу, по которой они добрались сюда, так что теперь вернуться возможности не представлялось. Через редкие деревья лиственницы, еще не покрытые мутной густой пленкой, виднелись чьи-то медленно покачивающиеся тени. Ольна подползла на четвереньках к обрыву островка, сощурила глаза и попыталась разглядеть тех, кому они принадлежали, но грозный туман тут же закрыл собой весь горизонт.

«Кто бы там не бродил, он лишь наблюдает, не отваживается показаться на глаза» – заявил голос уверенным тоном.

«Это ведь и пугает» – фыркнула малютка и отпрянула от края. Тут же переутомленные мышцы дали о себе знать. Руки и ноги заныли. Теперь Ольна с уверенностью могла сказать, что завтра встанет с ужасной мышечной болью во всем теле, – уж с ней-то она была знакома: Лукас три года заставлял ее заниматься гимнастикой, которую кроха терпеть не могла. Дабы не идти на очередной урок и остаться дома, девочка шла на разные хитрости: бывало, понуждала себя работать на износ, дабы затем со спокойной душой жаловать-

сы родителям на свое полное недомогание и не способность встать с кровати.

– Пора развести костер, – бодро предложил Фелиус. Мира уставши села и прижала ноги к груди.

– Вспыхни! – гаркнула волшебница на охапку дров, и та загорелась явственным пламенем. Горячее золотое свечение огня, как маленькое дитя илиуса, замерцало на поляне. Саламандры – краснобокие крошечные ящерицы разбежались кто-куда и спрятались под прутья.

Элин порылась в рюкзаке и выудила оттуда черный котел, залила в него воды из родника.

– Мне так нравится твоя магия, – заметила Мира, прижимаясь к Фелиусу.

– Мне тоже нравится моя магия, – сказала Элин с горстью злорадства. – Не подлизывайся.

Она уселась рядом с влюбленной парочкой и прижала дрожащую от холода Ольну к себе. Тяжелый день подходил к концу. «Верится с трудом» – вздохнула Элин-воительница. Разве не должно было ей сегодня кануть в небытие, уйти также нелепо и рано, как и многие летописцы и мудрецы, покинувшие Дарк с закатом илиуса, но не с закатом собственных сил? Дурные мысли. Дурные мысли приходят с болезнью, а, быть может, дурные мысли и есть болезнь.

Саламандры подросли в огне принялись ползать кругами, создавая диковинный смерч из пламенных язычков.

Еще туну назад тело ломило от усталости, еще туну назад

оно кричало от переизбытка черного астровского проклятия, но Ольна обняла, и все прошло. Иллюзия? Нет, нечто большее. Причина тому вовсе не крылась в том, что дрожащий ребенок придавал ей сил, вовсе нет, а в том, что ребенок сам возвращал к жизни. Ее неуправляемая магия вышла на зов огня. Сама того не подозревая, Ольна лечила. Маленькая чародейка не придавалась анафеме со стороны альвионовского убийцы, она изгоняла его.

«Послушай, если бы ты решила остаться, Ольна, я бы сотворила с тебя гордость всей Руны. У тебя ведь есть дар, почему же ты не хочешь его обуздать?! Почему убегаешь? Дом, семья. Я понимаю. Но помню молвили жрицы Горкаса, что все это временно, что единственное вечное в нашей жизни – бреши, которые мы сами и создаем».

Она не слышала ее внутренних голосов. Ольна ласкалась в объятиях и ей не хотелось ничего: не укрощать свой альвион, не думать о завтрашнем дне, не вспоминать о доме. У нее было то, чего многие бы хотели: в сию виру затишья, без борьбы за собственную жизнь, они бы отдали высокую цену за то, чтобы греться в тепле у костра в обнимку с верным другом. А еще за то, чтобы им принесли яств и кушаний. Ах, как же она хотела есть! Ольна бы съела целого слона, если бы на Эйлисе были слоны и их можно было бы кушать. Но пока никто не предлагал накрыть слоновий стол посреди пустоши, так что кроха терпела.

Далеко за Полудимом сверчки пели колыбельные, и ее ве-

ки тяжелели.

Никто не разговаривал. Тишина сковала округу, и лишь потрескивание ласкающихся на угольках саламандр, да редкие шорохи в воде говорили Ольне, что она все еще не спит, что она все еще по эту сторону мира. Единственным, способным прогнать нахлынувшую дремоту, был страх. Малютка провела глазами по болотам. Мрак становился гуще. Деревья и кусты теряли свой прежний облик, сливаясь с мрачным горизонтом в единое целое. Болотные огоньки плясали тут и там, словно бы упавшие с неба звезды.

Громкое бульканье отвлекло ее внимание. Ольна в страхе посмотрела на болотную гладь, но звуки шли не от нее. Вода в котле закипела. Все четверо очнулись от своих мыслей.

Эльна вытащила четыре большие кружки из Да'ангель.

– Откуда у тебя столько? Ты же не могла знать, что нас будет четверо! – удивленно воскликнула малютка, а потом отмахнулась: – Хотя, можешь не отвечать. Думаю, там еще и праздничный сервант отыщется.

– Не отыщется, – захихикала волшебница. Настроение у нее заметно улучшилось. По крайней мере, теперь Элин смеялась. – Я не таскаю с собой всякое барахло, только самое необходимое.

– А ты много путешествовала до... до того, как империя начала наступать?

– Я много ходила в поисках ингредиентов, Ольна. Есть ведь негласный закон: каждый уважающий себя колдун дол-

жен быть хорошим травником. И я была. Мы с Юлием были. Мы видхами пропадали в диких лесах. На бескрайних просторах мы искали редкие травы и корневища. Юлий был мастером в сем деле. Он знал то, что другим лекарям-колдунам было неизвестно, и знания его передались мне и сколотили имя нашего с ним дома.

Волшебница бросила в котел щепотку трав, собранных у Тисовых берегов. Пар, поваливший в воздух, укрыл всех четверых чудесным запахом мяты, смородины, чабреца и мелисы. Краснобокие саламандры закашляли.

Девушка разлила чай по кружкам.

– Мне первой! – жадно воскликнула малютка и протянула грязные худые ручки.

– Вымыть! – приказала волшебница.

«Уж лучше бы она была грозной недотрогой».

Девочка обиженно надулась, но все же послушалась и отправилась к источнику.

В глубокой ясной лужице малютка увидела свое отражение: грязная оборванка с опухшим лицом. Волосы спутались с комками грязи, щеки почернели в саже, на ресницах застыли снежинки из белого мха. Не щадя чистой воды, девочка начала отмывать себя. Ох, как бы ей еще раз хотелось оказаться в горячей бане «*Хвостатого Мурка*», вдохнуть запах можжевельновых веточек, посидеть на теплых камешках! Но теперь все это осталось лишь приятным воспоминанием. Единственным из Септим-града. Вернутся туда и повторить

приятное уже не суждено.

Скривив лицо от боли, она оторвала запекшуюся корочку черной крови. Ранка от кинжала опять закровоточила. «Все же шрам может остаться» – хмыкнула она, завязала волосы ленточкой и вернулась к огню.

– Твой чай, – ласково пролепетала целительница, протягивая кружку. – Еще раз прости за это, – она прикоснулась холодными пальцами к ее щеке, и от них повеяло каким-то магическим теплом. – Сейчас я сделаю нам Тенебру.

Ольна кивнула, уселась рядом с Мирой и уткнулась носом в горячую кружку. А саламандры в огне все грызли и грызли прутья и ветки. Ольна тут же вспомнила о корзине с едой, припрятанной Эльной в ее безразмерном Да'ангель. Пора было воспользоваться ею по делу. Девочка потянула за серую нить и открыла рюкзак. Из него вырвались травянистые запахи. Ей ни разу в жизни не приходилось иметь дело с волшебными мирами-свалками, и сейчас был ее первый раз. Она просунула руку вовнутрь – странное ощущение пошло от кончиков пальцев. Внутри не было ничего. Бесконечная пустота.

«Искривленное пространство внутри твердого тела – интересно, что бы сказали по этому поводу ученые?».

Следовало ей подумать об этом, как в руке тут же оказалась старая потрепанная книга: «Вернус Гвонт. Управление темными провалами». Ольна отбросила ее.

«Как это работает?».

Ее пальцы нащупали высушенные стебли колючего растения, огромных размеров плюшевого кролика, мягкую ткань – то ли скатерть, то ли шторы, хрустальные флакончики, ложки, вилки, кошель, талисманы, перья, граненные камешки! – в этом бесчисленном разнообразии было столько всего!

«Это бесполезно! Я буду искать ее до скончания веков!».

И словно бы читая мысли, Да'ангель протянул ей деревянную корзину.

«Благодарю, сэра Да'ангель, вы очень любезны!» – залепетала она, представляя скроенный червоточинами мир рыцарем на белом коне. Долго не раздумывая, вытащила корзину на свет.

Следующие пять тун никто не вымолвил ни слово. Все были заняты едой. Полудимские болота замерли, выжидая ночных песен и криков, а саламандры все ползали и ползали по черным уголькам, да испускали черный искрящийся дым. Малютка заморожено смотрела на них и недоумевала, почему вдруг она стала такой прожорливой за последние дни, ведь будучи на Земле, она могла не есть хоть три дня кряду! Сейчас же об этом и подумать было страшно.

«2031, 3 марта

Чертов дождь! Уж второй день льет, как из ведра! Говорят, выпала месячная норма осадков...

Во рту не было ни крошки. В животе сводит. Еды нам сегодня уж точно не привезут, объясняя тем, что продук-

товые машины застряли в бездорожье. Да какая, собственно, разнится до того, где они там застряли?! Мне от этого не тепло, ни холодно. Я хочу есть, ясно?! Сижу и думаю о маминых блинчиках

Я часто ругала ее за то, что она не жалела на них сливочного масла. Блинчики всегда получались у нее уж очень жирными. Моя звездочка уплетала их за обе щеки, а я тревожилась о лишних калориях, глупая! Сейчас бы я не отказалась от маминой стряпни! Где же ты, мама?!

2031, 5 марта

Узнала новости с фронта: наши отступают, а ОНИ все ближе и ближе...

К обеду забежал Григори. Как же он изменился! От того жизнерадостного глупого мальчишки ни осталось и следа. Сказал, что был наверху и видел, как взорвалась бензokolонка. Я отругала его. Куда только смотрят его родители?! Рассказала о Язвенной и приказала больше не выходить на поверхность. Пока взрослые не выяснят, как с ней бороться, он, как и Ольна, не должен выходить на белый свет! Парнишка дал обещание, и следующие три часа мы играли в карты.

Ближе к вечеру пришел мужчина в форме, представился сержантом Дауром Вачевским, попросил все данные об Оленфиаде и наших ближайших родственниках. Я начала расспрашивать его, зачем все это. Минут десять он убеж-

дал меня, что мне не следует задавать лишних вопросов. Моя звездочка пришла на помощь. Ее дару убеждения только позавидуешь! Сержант быстро раскололся и все поведал, взяв с нас слово никому об этом не рассказывать:

Военные готовят списки. Через неделю начнут эвакуацию людей. Чтобы не подымать панику, будут вывозить по тридцать-сорок человек за подход. Отправят из бомбоубежищ к ближайшей станции, где провизионками – либо на южную ветку, либо на восточную. Первым делом увозят здоровых детей до шести лет, после – всех остальных. Оленфиада шестьсот сорок четвертая в очереди.

Ох, Господи, дай мне силы! Моя звездочка запротестовала. Бросать меня она не собирается! Сказала, что если я остаюсь, то и она останется. Я заверила ее, что никогда ее не отпущу и никому не отдам. Закрыв двери и оставив ее в комнате одну, сообщила Дауру адрес Бенди Крокворда и моего брата. Других родственников и друзей у меня не было. Я надеялась, что кто-нибудь из них согласится взять Оленфиаду к себе, покуда все это не закончится. Покуда война не закончится.

Я не могу допустить, чтобы моя звездочка пострадала».

Тогда она действительно верила в то, что мама оставит ее в растерзанном войною городе; в то, что они будут вместе ни смотря ни на что.

«Она ни за что на свете не пойдет на такой шаг, – убеждал

голос. – Она отправит тебя подальше отсюда при первой же возможности, и не потому, что не любит, а, потому что любит больше всего на свете».

«Уйди прочь! – кричала она. – Ты ненастоящий и я не буду тебя слушать! Мы с мамой останемся здесь!».

Тогда Ольна не верила ему, но советчик, как всегда, оказался прав: через две недели после прихода Даура (или шестью днями позднее смерти семьи Гартарков) маленькую Оленфиладу оторвали от маминых рук и увезли в неизвестном ей направлении.

Язычки пламени потянулись к ногам, завихрились, принялись обжигать. Саламандры не с того ни с сего обезумели, и костер разросся до размеров исполинского очага. Ольну выбросило из воспоминаний.

– Туши его! Туши!

Элин взмахнула рукой и утихомирила строптивый огонь, оставив на месте его безумия черное пожарище.

– Чего это он? – заворчала малютка. Элин пожала плечами. Поведение магического огня сложно было предсказать и, уж тем более, растолковать.

Все четверо закончили с ужином. Последняя булочка с маком была доедена и последняя кружка чая – допита.

– Болота Полудима, – начал Фелиус, протягивая руки

к утихомирившемуся огню, – возможно одно из самых опасных мест на Эйлисе. Кто бы мог подумать, что нас забросит сюда, а?

– Я знаю, кто бы мог, – съехидничала волшебница. Фелиус пропустил ее возглас мимо ушей.

– Для нас пока здесь безопасно, однако нужно быть начеку.

– Мы бы здесь и не оказались, выбери ты другой ход, – продолжила возмущаться Эльна.

– Другого у нас не было. Ближайший по прямой переход был в третях лимы под корнями златоцветного дерева в южном саду и вывел бы нас в авангорскую пивную «Свиной хвост», но до него мы бы добирались не меньше десяти тун.

– Ты шутишь, да? – недовольно заворчала она. – Выбирая между болотами, где нас готова сожрать не только топь, но и блудная темная нечисть, и вольным градом Дакоты, до которого, я надеюсь, еще не добралось войско Хедрика, ты выбрал – болота?! Да я бы потратила даже час, только чтобы оказаться подальше отсюда!

Святомира, наблюдавшая за обоими и ощущающая раскаленные порывы воздуха, мечущегося в ожидании нового неудержимого пламени, решила внести в спор свои поправки:

– Что плохого в том, что мы оказались не в вольном граде, а на болотах? Как по мне, здесь безопаснее всего. В Авангоре на нас бы охотились гардвики. Гардвики похуже всякой

нежити, уж поверьте мне.

– Кажется, ты не совсем понимаешь устройство мира, Святомира, – подметила волшебница и хмыкнула на последних двух словах. – Авангор находится под попечительством алакса Дакоты, который, слава Гомену, все еще жив. Он бы не дал нас в обиду.

– Ты не можешь быть уверена наверняка. Я могу. Я точно знаю, что наше появление там принесло бы северу сплошные проблемы. Я бы не хотела, чтобы мирный люд пострадал.

– Ты же больше не провидица, откуда такая уверенность?

– Я ведь долгое время видела перед тем, как ослепла. За несколько видх до вашего прихода, я предсказала свое освобождение. В Авангор нам было нельзя. Мы не настолько ценны Видхи, чтобы ради нас она поставила на колени целые грады. Единственной душой, способной нанести непоправимый вред, была душа Хедрика, и теперь она осталась далеко позади. Мои сны вели меня сюда. Свое будущее я видела до этого момента. Наш путь был предрешен. Нежить не сунется в глубины болота, империи нас не достать, а темная нечисть не будет трогать нас.

– Не будет трогать? Это ты тоже видела в своих снах?

– Нет, но это ведь логично! Мы на земле духа-защитника!

Святомира посмотрела сначала на Элин, потом на Фелиуса. Оба отрицательно покачали головой.

– Я чего-то не понимаю? Разве болотный дух не должен защищать нас и все полудимские земли от порождений

тьмы?

– Уже и не помню, когда духи так делали, – фыркнула волшебница. – Когда-то каждая душа подчинялась Мудрым: гардвики слушались – Пената¹, духи – Дайона². С приходом алакса ни того, не другого не стало, и вся нечисть и гардвики разобшились.

– Что это значит? – спросила Ольна, с трудом вникая в суть разговора.

– Это значит, что болотный дух вряд ли захочет защищать нас, – ответил Фелиус. – Он бережет свой мир от главенствующей нечисти и нежити, которая может навредить обитателям болот, но мы не те и не другие. Мы вообще чужие ему.

– Болотный дух? – заерзала Ольна, подымая глаза к Элин.

– Болотный дух – здешний хозяин, Ольна, – беззаботно ответила волшебница, мешая зеленоватый раствор в котле деревянной палочкой. – Он бережет болота от таких, как Хедрик, так же, как и дриады берегут леса. Когда-то болота по-своему были прекрасны. Болотный был добр, приходил на помощь в трудную туну. Сейчас он зол. Я чувствую ауру болот – она кровотоцит. Каждая частичка ополчилась на нас и на иных гардвиков. Этому не нужно удивляться. Слуги алакса сбрасывают мертвых, отравляя все живое. Поч-

¹ *Пенат* – один из Мудрых, хранитель *гардвиков*, оберегает жизнь каждого, начиная с его рождения и заканчивая смертью;

² *Дайон* – один из Мудрых, хранитель *унтвиков*, следит за нечистью и нежитью, контролирует численность духов – пожирателей.

ва гниет, деревья погибают. Кто бы был рад этому?

С запада подул ветерок. Резко похолодало.

– А вдруг дух решит нас прогнать или еще хуже – убить? – выдохнула малютка и испуганно огляделась по сторонам.

– Не страшитесь, друг! – дружелюбно похлопал Фелиус ее по плечу. – Духи – хранители никогда не убивают. Болотный может спутать нам тропу, наслать болезни, затащить в гнилые пади, но убить – это не про него. Пока вы с нами, он, как и другая нечисть, вас не тронет.

Мыслитель растрепал волосы девочки. Ольна улыбнулась и решила поскорее сменить тему – уж больно ей было не по себе от всей этой темной нечисти:

– Твой посох, Фелиус, он не похож на обычный проводник магии. Во что еще он может обращаться?

«Он не похож на обычный проводник магии, – повторил голосок. – Ты так говоришь, будто бы встречала тысячи проводников и точно знаешь, какой из них можно назвать обычным, а какой – нет».

«А ты так говоришь, будто бы тебе нравится придирааться!».

Ольна цыкнула на него и закрыла голову от чужеродных ей голосов.

– Я могу показать вам, хотите? – предложил Фелиус.

– Хочу! – всплеснула руками малютка.

Мыслитель приподнял посох и два раза ударил им по земле. Под тонкий всплеск искр он превратился в меч.

– Альвийский меч. Может срубить головы десяткам хранителей за раз, если, конечно, ударить с большой силой. Легок, крепок, прочен. Его не нужно натачивать. Он никогда не покроется ржавчиной, – Мыслитель подал меч Ольне. Девочка схватила его рукой и не рассчитала силы – меч с глухим звоном упал на землю. Элин тихо захихикала, колдуя над костром.

– Прости, – прожевала малютка себе под нос.

– Ничего, смотрите, – Фелиус указал пальцем на два крохотных камешка на рукоятке. Один был светло голубой самоцвет, другой – зеленый нефрит. – Коснись большим пальцем сначала одного, потом другого.

Ольна, стгорая от любопытства, сделала, как он сказал: сначала прикоснулась к зеленому нефриту, затем к самоцвету. Меч на долю туны исчез, озарив поляну желтым сиянием, а затем обернулся в прекрасный белый лук. Его рукоять – тонкая и легкая крепко легла в руку. Плечи – крылья небесных созданий, почти прозрачные, ожили и принялись придерживать лук на весу.

– Да, – хохотнул Фелиус, наблюдая за изумленным лицом девчонки, – только вот стрел к нему нет.

– Чего ж не сотворишь? – хмыкнула Эльна.

– Незачем. Не сдружились мы. Лук – очень капризное оружие, редко кого слушается. Меня, к примеру, вообще через раз, но с хорошим лучником он никогда не промахнется, попадет в любую цель, уж поверьте.

– Постой-ка, – перебила его волшебница. – Ты же сказал, нам будет нужен искусный лучник! Если ты не он, то кто тогда?

– У меня есть один хороший стрелок на примете, – ответил Фелиус и подмигнул Мире. Девушка смущенно опустила глаза.

– О, Гомен, только не говори мне, что ты умеешь стрелять! – воскликнула волшебница, Мира сжалась в комочек. – Ты совершенно не производишь впечатления умелого бойца!

«Снова спор, снова словесная перепалка. Как же я от этого устала!» – Ольна выдохнула, натянула тонкую тетиву и отпустила. Тетива вернулась на место, издав с трудом различимый звон.

– Я действительно хорошо стреляю, – убеждала Мира. – В Дарке у меня было много времени, чтобы научиться этому: десять лет – немалый срок.

– Десять лет?! – вспыхнула волшебница. – Не понимаю, как вообще можно было выжить под крышей Дарка в течении десяти лет!? Что ты делала Херику, что он так долго терпел тебя и не сожрал твою душу?!

Мира засмеялась.

– Ничего. Когда-то я была его лучшей советницей. В те времена этого было достаточно, чтобы оставаться живой.

– Ты так спокойно об этом говоришь...

– В твоих глазах я изменница Руны, но прошу, не воспри-

нимай меня такой. Я не знала, что творила. Я знала, что ОН творит...

Ольна опустила лук и заинтересованно поглядела на Миру.

– Может тогда расскажешь нам, как это: жить бок обок с темным владыкой? – попросила она. – Расскажешь свою правду?

– Хорошо, – пожала девушка плечами, – но, боюсь, вы не поймете.

– О, уверяю тебя, мы всеми силами постараемся, – заверила Элин. – Давай же, не тяни злыдня за хвост, рассказывай!

Мира с каким-то скрытым страхом посмотрела на Фелиуса, и тот ели заметно кивнул. Тогда она выдохнула, уселась поудобнее и начала рассказ:

– Алакс стал моим злейшим врагом недавно. Раньше он не был таковым. Раньше я видела его в другом свете.

Я попала на Эйлис еще девочкой, была чуть старше Ольны. Алакс привел меня в свой замок и сказал: «Ты будешь иметь, все, что только захочешь, и делать все, что только пожелаешь, если будешь рассказывать мне о своих снах». Я согласилась.

– Ты так легко продала себя в рабство?!

– Тогда я этого не знала! Да и разве можно было назвать рабством то, что он мне предложил? Я согласилась служить ему, потому что услышала в его словах покрики свободы, пускай даже такой – наивной. Я верила, что попала в мир

светлый, в мир радостный...

На Земле я жила в бедности. Не в той бедности, у которой нет денег на простое пропитание, а в той бедности, в которой тебе не доступны блага большинства. Алакс забрал меня, и тогда все поменялось. Когда я увидела все его богатства – сошла с ума. Знаете, как это бывает, когда получаешь все и сразу? Я знаю. Год, проведенный в роскоши сделал свое: я возомнила себя владычицей – неученая девочка, поверившая в реальность сказок, стала императрицей чужих ей земель. Какая же маленькая наивная девочка – Святомира Мирол! Я говорю об этом открыто, потому что не боюсь признаться в своей глупости. За свое детство я лишилась возможности бояться за свои слова.

Я смаковала материальными благами, полностью лишившись духовных, высших. Но вот, пробежали месяцы эйфории, и я, наконец, открыла глаза. Вскоре поняла, что в Дарке может быть только один владыка, и этому владыке не нужен здравомыслящий подручный. Хедрик расставил все по своим местам. На мое одиннадцатилетие он подарил мне башню Сновидений, которая стала моей темницей на последующие девять лет.

Пока я была там, у меня было все, кроме свободы: шикарные наряды, какие пожелаю, изысканные блюда, какие пожелаю, игрушки, драгоценности... Но имея такое богатство, я все равно была одинока. Ко мне приходили мудрецы, что обучали языку, грамоте, истории и мастерству рисования.

Они не были мне друзьями, ведь они не знали ничего, кроме науки. Ко мне приходили служанки, что заплетали волосы, убирали кровать и ночные горшки. Я пыталась подружиться с ними, но они были немые. Все, как один были бесчувственны и безрадостны. Меня окружали глухие каменные идолы! В какой-то момент я сама начала воспринимать себя такой же, но он, мой алакс, возвращал меня в мир живых.

– Тошно слушать, – вставила волшебница свой гневный комментарий и отвернулась к котлу. Мира продолжила:

– Он был единственным человеком, обладающим чувствами и эмоциями. Как бы это ужасно не звучало, Хедрик был настоящим гардвиком среди поддельных других.

– Потому что других «настоящих» он уничтожил! – зашипела Эльна. На сей раз Фелиус не выдержал и приказал ей помолчать.

– Каждое утро, – продолжила девушка, – каждое утро он приходил ко мне и требовал расплатиться за дарованные мне блага. Его лицо я видела каждый божий день и, наверное, не ждала больше никого так сильно, как его. В каком-то смысле я любила его. Знаю, вы не поймете.

– Что же здесь понимать? – воскликнула волшебница. – Твою любовь к сатаилу? Ты права, никто из нас не поймет! Алакс тот, чья душа давно должна быть в Дэзиме!

– Ты ведь обещала ее выслушать и понять! – вспыхнул Фелиус и бросил на Элин разъяренный взгляд. Элин надулась, как взбешенная курица, но притихла.

– Знаешь, – Мира поглядела в пустоту. – Несмотря на то, что он – тиран, убийца, он в первую очередь человек, там, где-то в глубине души.

«Не знала, что у Хедрика есть душа» – подметила Ольна, играя с луком.

– Мы выросли в разных мирах, Мира, – подытожила Элин. – Ты словно бы с другой реальности. Видно уж тебе хорошенько промыли мозги в твоём Дарке!

– Меня попросили рассказать правду, и я рассказываю!

– Да, да! И я тебя ни в чём не упрекаю! И не буду убеждать тебя в том, что алакс – бездушное чудовище не только в туны милости его, но и в любое другое время.

– Я не говорю, что он святой! Я ведь ещё не закончила! Я ненавижу алакса также сильно, как и ты, но я видела его не только со стороны сатаила, но и со стороны обыкновенного человека.

Ее пустые глаза посмотрели на большой огонек Феюрии на небе.

– Ты не представляешь, как ужасно целыми днями быть взаперти, когда твоим единственным другом может быть лишь старый ворон, прилетающий к окну башни Сновидений! Хедрик заменил мне друга! Я цеплялась за любую возможность быть хоть с кем-то ЖИВЫМ!

– Но ты ведь не всегда была взаперти. Как же ты стрелять научилась? В башне этого не сделать.

– Давным-давно... В те времена все ещё считали, что я

очень дорога владыке и могу позволить себе чуть больше, чем обычная пленница. Я выходила на волю и гуляла по бесчисленным этажам, я приказывала агасфенам учить меня стрелять, владеть холодным оружием. Хранители беспрекословно выполняли мои требования, ведь я была прорицательницей их господина!

– Мне начинает казаться, что мы зря вытащили тебя отсюда, – прокомментировала Элин, добавляя сушенную плакун-траву в котел. – Тебе, должно быть, нравилось жить в Дарке. Разве это не чудно, когда тебя окружают добрые хранители, готовые всегда превратиться в учителей; послушные слуги, выполняющие любые твои капризы? Уверена, тебе нравилась твоя маленькая власть.

– Элин, – через зубы процедил Фелиус, Мира взяла его за руку.

– Нет, Фелиус. Так и было. Сейчас я понимаю, что не должна была быть такой самовлюбленной и эгоистичной, но я выросла в этом и не знала другого, пока не встретила тебя, – горящими глазами она посмотрела на мужчину в черном и поцеловала его в губы.

– Ладно, – всплеснула руками волшебница, – я все понимаю, и не буду судить тебя за твои суждения и поступки. Все-таки это не я прожила под одной крышей с алаксом. Но с чего вдруг ему в один прекрасный день пожелалось избавиться от тебя?

– Должно быть, – Мира замолчала – собиралась с мысля-

ми. – Должно быть я стала ему не нужна. Десять лет пролетели. Он получил то, чего хотел. Власть закрепилась в его руках, а я впервые открыла глаза и поняла, кто он на самом деле.

– О, нет, Мира, давай будем честными, – перебила ее Эльна. – Убери из своего рассказа всю эту лирику!

Мира виновато опустила глаза.

– До того момента он редко подымал на меня руку. Лишь когда на него находили порывы ничем не останавливаемой злобы, он превращался в монстра, но... на протяжении семи лет я знала его только с его лучшей стороны, а потом... Щелчок. Что-то изменилось. Наверное, изменилась я.

Когда мне исполнилось семнадцать, я увидела сон, в котором алакс отправился в Пург и нашел нечто весьма ценное. Эта ценность должна была даровать ему новую жизнь. Я рассказала Хедрику об этом, и в тот же день он поехал в увиденный мною город.

– Слышу глубокую паузу, то есть что-то пошло не по плану? «Ценности» там не оказалось, верно?

– Нет. Никто, кроме меня и еще двух-трех гардвиков в замке об этом не знает. Хедрик сделал все, чтобы того дня не осталось свидетелей. Они бы пошатнули его власть, его бессмертность.

В Пурге на него и его войско напали: двадцать девять магов и шесть ведьм напрочь разбили гвардейцев, а алакса взяли в плен. Напавшие оказались членами «Освобожде-

ния», и им было под силу убить его, но они не сделали этого, совершив ужаснейшую ошибку: они решили подвергнуть его пыткам. Боль пробудила тьму. Черная магия уничтожила повстанцев. Хедрик убил их всех, но вернулся в замок отнюдь не в добром здравии: выяснилось, что кто-то успел проклясть его. Проклятие начало разрушать алакса изнутри. Два долгих месяца он провел в кровати. Лучшие знахари боролись за его жизнь, но они ничего не смогли сделать. Если бы не ветницы, он бы умер.

– Почему все так несправедливо? – вслух заметила Эльна и тут же виновато прикрыла губы ладонью. – Прости, перебила. Продолжай.

– Конечно, я и раньше видела сны, что были обманом, но ни один из них не приводил к таким последствиям. С тех самых пор Хедрик перестал меня слушать. Тот сатаилов сон уничтожил в нем все добро ко мне. Я перестала быть его прорицательницей, я превратилась в его игрушку для битья, – девушка привстала и приподняла низ платья, оголяя голые колени в шрамах. – Вот это, – она указала на первый шрам, – за то, что его войско проиграло под Сириосом, вот это за то, что его чашница подсыпала яд в его кубок, а вот это, – она повернулась к Элин спиной и убрала рыжие волосы. Вдоль ее позвоночника шел длинный рубец, – за то, что я не увидела во сне, как его лучшая ветница покидает Эйлис.

– Святые угодники, – охнула малютка и выронила лук. Столь ярко выраженной жестокости из столь спокойного рас-

сказа они никак не могла ожидать.

– Когда алаксу и это надоело, он решил избавиться от меня, – закончила Мира. – Вот и вся история.

– Я не знала, что он мучил тебя, – убито прошептала Элин. – Прости.

– Тут не за что извиняться, Элин.

Мира вернулась к Фелиусу, и тот прижал ее дрожащую к себе.

– А ты... – Элин прочистила горло. – Ты видела, как я... Чтоб тебя! Он наказывал тебя за меня?

«Ты же не веришь во всю эту чепуху со снами!» – удивилась та Элин, коя была скептически настроена против магии сновидений.

«Но ведь алакс держал ее рядом с собой столько лет!».

«Он был глуп, но вовремя одумался. Сны – это всего лишь сны. Они не могут предсказывать грядущее».

– Что ты имеешь в виду? – уточнила Мира.

– Ты видела, как я пришла в замок и вонзила в Хедрика мой Дэгриль? Видела, как мы с Ольной сбегает с Аладеф до того, как эту случилось?

– Нет. Я не видела вас в своих пророческих снах, если ты об этом.

– Но болота и...

– На болота мы должны были прийти с Фелиусом вдвоем – таково было предсказание. Точка.

– Так значит нас вообще в ваших планах не было?!

– Извини, Элин, я больше не хочу говорить об этом.

– Почему?

– Потому что это больно – вспоминать, какой я была и какой больше никогда не буду. В том пророчестве я продолжала оставаться собой. Видящей.

Мира замолчала и больше не вымолвила ни слова. В полудимские земли прокралось горькое послевкусие недосказанности.

«Думаешь, она что-то скрывает?» – спросила та Элин, коя никогда никому не верила. Настоящая Элин пожала плечами и под укоризненный взгляд Фелиуса продолжила готовку эссенции Тенебры.

Ольна еще несколько тун повертела лук в руках.

«Покрути его в разные стороны» – посоветовал голосок.

Ольна прислушалась к нему, схватилась за рукоятку двумя руками и начала поворачивать одной рукой вперед, другой – назад. Лук в один миг свернулся в брусочек, исписанный рунами и украшенный драгоценными камнями.

«Маленькое белое полено. И что с ним делать? Разве что бросать в голову врага».

– Для чего оно? – спросила девочка.

– Аккуратнее, госпожа, – насторожился Фелиус и поспешил забрать брусочек из детских рук, – это оружие слишком опасно даже для меня. С ним нужно быть осторожнее.

– Покажите, что оно может.

Мыслитель зажал брусок в кулак, и тут же из концов его со скоростью света выскочило два острых клинка, разрезав воздух напополам. От неожиданности Мира подпрыгнула.

– Два врага падут одним ударом, – сказал Мыслитель, касаясь пальцами остря. На зеркальной поверхности проскользнуло его отражение. – Два врага, связанные Видхой и небом, в танце огня прольют кровь друг друга.

– Фелиус! – гневно выпалила Святомира, явно недовольная тем, что ее напугали. – Опять ты говоришь о смертях, об убийствах. Я устала слушать сии речи. Я вымоталась. Прошу...

– Все, что пожелаешь, мой мир, – кивнул Мыслитель и обратил кинжал обратно в посох. – На этом, пожалуй, хватит, госпожа.

Ольна раздосадовано вздохнула и пристроилась рядом с Элин, коя продолжала копошиться в котле.

– Давайте развеем темноту, – предложил он. – Лучший способ для этого – дружественная песнь.

– Вы еще попляшите тут, – съязвила волшебница. – Нельзя вести себя так беспечно!

– Не волнуйся. Нас никто не услышит и не увидит. Я сейчас же выстрою защитный купол.

Он встал, подхватил посох и начал кружить им над головой; прошелся по краю островка, посыпая его искрами. Там, где искры коснулись земли, тут же выросли желтые мухо-

моря.

– Так кто твой избранный? – прошептала Ольна на ушко Мире. – Маг?

– Ну, – девушка пожала плечами, – он говорил, что он – ненастоящий марун. Маги учатся волшебству в коллегиях, тратят силы и усилия на то, чтобы обуздать энергию и направить ее в русло своего проводника – посоха, Фелиус же не учился ни в одной коллегии и никогда энергию не направлял. Он – самоучка. Насколько я знаю, у него и дара читать магию нет, по крови он ануран.

– Плохо же ты его знаешь, – усмехнулась Эльна. – Я что-то не заметила в нем анурана, когда он рылся в моей голове.

– Это он может, – улыбнулась Мира. – Но все же он не марун. Его магия исходит не из него, а из его посоха, который он получил от своего прадедушки. Настоящая реликвия. Думаю, на нем сильные чары.

– Заколдован? Неужели? Эльна говорила, что волшебные палочки, посохи, амулеты и всякие иные штуковины, что служат магу проводником, не могут сами создавать энергию. Без маруна они пусты.

– Может быть, – вздохнула Мира. – Прости, я не знаю. Я просто видела, как трость сама колдует, когда Фелиуса рядом не было. Если бы она была пуста, смогла бы такое про-вернуть?

Мыслитель взмахнул посохом и выпустил в воздух струю белого дыма. Грибной круг замкнулся, и остров накрыл по-

что прозрачный купол магии. Тут и там в мгновение ока прозвучал громозвучный гогот аг. Болотная нечисть, издалека наблюдавшая своими семью полыми глазницами за пришедшими, появлению купола Ра'атхов была не рада. Купол им не понравился.

– Дело сделано! – бодро воскликнул он и вернулся к Мире. Девушка поцеловала его в щечку.

– Твоя защита, безусловно, не прекрасна. Я бы сделала лучше, будь у меня альвиона побольше, – отметила Эльна, водя руками над котлом. – Теперь нам остается надеяться, что нечисть не пойдет табуном. Большой напор этот купол не выдержит.

– Болотные огоньки сюда не залетают и то хорошо, – выпалила Ольна жизнерадостно.

– Опять вы про нечисть! – взывала Мира. – Ну же! Хватит думать о плохом! Мы и так страху натерпелись на несколько столетий вперед. Хватит. Предлагаю думать о хорошем.

Девушка прочистила горло и запела чудесно-тоненьким голоском:

*Чистое небо светит нам в поле,
Оно освещает дорогу на волю.
Морон над небом – дорога ясна,
Я в этом мире совсем не одна.
Яркие звездочки в небе зажглись,
Мы со всем справились, мы не сдались*

Мира сделала глубокую паузу и куплет запела вместе с Фелиусом:

*Пускай сегодня ужасный день,
И что-то делать нам уже лень.
Светлые дни не навсегда,
Но в небе для нас горит звезда.
Она сулит нам счастье вновь,
И может быть вскоре придет любовь!*

Фелиус нежно пригладил волосы у нее на голове.

– Молодцы. Болотная нечисть от вас в восторге, – съехидничала Эльна. – А теперь помолчите и дайте мне закончить Тенебру.

Мыслитель приласкал Миру и укрыл ее своей мантией. Эльна, съезжившись, принялась следить за белым следом от дыма испаряющейся воды, мчащимся дорожкой по черному небу, полному мерцающих звезд. Ах, как же он был похож на Млечный путь! Ах, как же она соскучилась по дому!

– Вею ветром, светом вею, всю любовь свою лелею, излечи нас, исцели нас. Я прошу, повелеваю!

Элин плюнула в котел и цвет жидкости в нем переменялся из зеленого на светло-голубой.

– Готово. Давайте свои кружки. Сейчас мы всех нас исцелим.

В вязкой мгле проплывали сгустки тьмы. Слои белого воздуха бились о прозрачную стену защитного круга, и, сталкиваясь с невидимым препятствием, злобно ползли вверх в поисках любой, даже самой крошечной прорехи. Кое-где все еще сверкали таинственные болотные огоньки, мутно тающие на фоне чистого звездного неба. Одинокие деревья растворялись в сумраке.

Ближе к полуночи туман рассеялся, болота просветлели под тяжестью ясного ночного неба. Вечная Ремени, вырезанная румяным, перламутровым серпом и окруженная своими верными спутниками, смотрела на мир под собой гордо и высокомерно. Стало светло, как днем, но в этом свете сохранилось нечто темное, потустороннее. Мгла будто бы притаилась в звездных огнях. Она выжидала. Следовало бы хоть одной душе ступить ей навстречу, она бы обнажилась, скинула бы с себя притворный костюм из развеселых огоньков и пожрала.

Над головой его промчался филин, стуча крыльями и разгоняя сумрак протяжным криком. Фелиус протер глаза. Он не спал, он остался на этой стороне миров, дабы оберегать тех, что были по другую сторону. Ольна, укрытая грозным телом огромного полупрозрачного пса, ее ведогони, тихо посапывала, ухватившись левой рукой за плечо Миры, пра-

вую же прижав к щеке. Мира спала, спала как младенец. Ее дыхание не нарушало болотной тишины, красное платье спало с плеч, рыжие волосы, казавшиеся при свете костра темно-бурыми, обдувались легким ветерком. Рядом с ней бегала маленькая лань. Ей-то было все равно на ужасы и страхи своей хозяйки. Дух сна резвился и радовался свободе, а большего ему и не надо было.

Мыслитель посмотрел на сторбившуюся Элин. Она сидела, сложив руки на коленях. Трудно было понять, спит ли волшебница или нет, но ее ведогони нигде рядом не было, а значит она, все-таки, не спала. Накинув капюшон на голову, целительница, замерев грозным истуканом, наблюдала за огоньками пламени. В темной тени ее лица он смог разглядеть только ее кроваво-красные губы.

Глаза просили сна. Фелиус еще раз протер их решил занять себя чем-нибудь. Он поднял с земли посох и стал чистить его от болотной грязи, изредка осматриваясь по сторонам.

– Почему ты не спишь? – тихо спросил он, боясь разбудить остальных. – Мое время следить за вашим сном. Ты должна отдохнуть.

Элин медленно повернула голову в его сторону.

– Не забывай, Мыслитель, я тоже была в Дарке вместе с тобой.

Он непонимающе приподнял глаза исподлобья.

– Я видела, как ты сражался. Для человека – весьма непло-

хо.

– Но недостаточно для Освобождения, – вздохнул он.

– Ты ведь ничего ей не рассказал о себе, – волшебница кивнула в сторону Миры, – как и нам.

– С чего ты взяла?

– Она думает, твой посох колдует сам по себе.

Фелиус усмехнулся, но Эльна осталась невозмутимой.

– Мне не нравится, когда от меня что-то скрывают, – еле слышно добавила она.

– Тебе нужно поспать, Элин, – сурово произнес он, бросая на девушку колкие взгляды, – ты должна отдохнуть. Ты прекрасно показала себя сегодня (если не учитывать тот случай с черной магией), мы обязаны тебе. Ольне очень повезло найти такого верного соратника и... друга.

– У нас был договор, Фелиус. Я не могла поступить иначе.

– Да, знаю, но ты могла бы и не сдержать слово. Ты сдержала. Я всем сердцем благодарен тебе за то, что ты помогла вытащить Миру. А сейчас я хочу, чтобы ты выспалась и набралась сил. Завтра нас ждет трудная дорога.

– Мне не спится, – отмахнулась волшебница.

– Почему же?

– Ядовитые розы, – она притронулась к ладоням. – Шипы вошли слишком глубоко.

Она соврала. Дело было вовсе не в розах (эссенция Тенебры вышла безупречной и залечила ее руки, даже не оставив рубцов), дело было в душе. Элин чувствовала тяжкий груз

на ней, и он тянул ее на дно. На дне ждали выжженные Красные земли.

Сегодня она была близка к Хедрику. Снова. Снова судьба даровала ей шанс отомстить за смерти и страдания, а она не воспользовалась этим. Тинк-Кросс – что она сделала ради него? Ничего. Единственное, что Элин сотворила, уж больше походило на детскую шалость, нежели на холодную, хорошо спланированную месть. Облила зал Жатвы кровью бука и сожгла часть Дарка над Линистасом – великое дело!

«Ты должна была остаться и убить его. Ты должна была» – каждую туну твердила Элин-воительница. Хедрик опять ускользнул из ее рук. Алакс остался в темноте ей неизвестный.

«Я бы не смогла, ты же знаешь, я бы не смогла».

Эльна желала лишь одного: увидеть его лицо, посмотреть ему в глаза и понять, почему он так поступает? Почему убивает ни в чем неповинных людей? Неужто все заключается только во всеобъемлющем могуществе?

«Но что такое могущество, Хедрик?».

«Не важно это. Он обезумевший убийца, и этим все сказано».

«Но Мира так не считает...».

«Какое нам дело до Миры?! К сатаилу ее! Ты ведь была близка к нему! Мне бы только посмотреть в его глаза!».

«И убить».

«Да! Убить! Убить!».

В висках закололо.

– Ты лжешь мне, Элин Джейн.

Элин вздрогнула и повернулась к Фелиусу. Фелиус, как ни в чем не бывало, забросил несколько бревнышек в костер.

– Ты опять лазаешь в моей голове? – возмутилась волшебница, но кричать и подымать шума не стала. – Откуда ты научился этому?

Фелиус вздохнул.

– За свою долгую жизнь я смог познать множества наук, не только анурановских.

– Я не чувствую брешей. Мира сказала, ты не маг, но как тогда у тебя получилось обучиться колдовству? Неужели все-таки дело в посохе?

– Да, – кивнул Мыслитель. – Если быть честным, то да. С помощью него я читаю мысли, творю волшебство. Какие именно на нем чары, и сам не знаю.

Она несколько тун помолчала, наблюдая за прыгающими в костре саламандрами.

– Знаешь, я не хочу, чтобы кто-либо лазал в моей голове. Иногда мне хочется побыть наедине с собой, не ставить вечные преграды и блоки для защиты.

Эльна сняла капюшон. Ее черные глаза, наконец, обесцветились, белки вновь стали белыми, а радужка приняла виноградный оттенок.

– Прости, – извинился Мыслитель и подбросил в костер еще одно паленье. – Никак не могу избавиться от этой дур-

ной привычки. Обещаю, что впредь буду держать себя в руках.

Девушка кивнула. Его взгляд упал на Дэгриль.

– Этот кинжал... Где ты взяла, то есть, он же не алаксу принадлежит, верно?

– Нет. Это подарок, – коротко ответила Эльна. – Он пришел со мной еще с Тинк-Кросс. Им я поразила алакса. Теперь это мой талисман. Он знак того, что всех, даже Хедрика, можно убить.

– На нем могущественные чары, вытягивающие жизнь. Ты сама их наложила?

– Нет, – отмахнулась волшебница. – Я на такое неспособна.

Девушка закрыла глаза и увидела перед собой смутный образ темного альва. Она не спросила ни его имени, ни адреса; не узнала с какого мидгарда он прибыл, каково его предназначение в сем мире. Альв-загадка пришел из неоткуда и ушел в никуда, оставив единственным воспоминанием о себе Дэгриль, зачарованный темной магией.

Элин проводила взглядом промчавшуюся над куполом болотную сову и отбросила мысли о странном незнакомце. «Так или иначе кинжал у меня, и не имеет значение, как он мне достался» – решила она.

– Красивый огонь, – подметил Фелиус. Две огненные ящерицы в нем, выпучившие черные угольки-глазки, то появлялись, то исчезали в создаваемых ими блистающих золотой

рябью огненных потоках.

– Только в огне я и мастерица, – буркнула волшебница. Услышав голос хозяйки, саламандры дружно зашипели.

Огненные элементали! Они были беззаботны, не думали ни о чем. Их не волновало то, что случится с их жизнями с восходом, когда костер угаснет насовсем. «Мне бы их заботы» – подумал она.

– Раз уж мы вдвоем не спим, то может расскажешь, кто ты на самом деле? Как нашел нас там, в Септимере? – спросила волшебница, ожидая от загадочного мага-анурана откровения.

– Я, – он немного замялся. – Даже не знаю с чего начать. Думаю, тебе будет не интересно слушать рассказ о моей долгой и муторной жизни.

– Почему же? Ночь длинная.

– Но не такая длинная, как моя жизнь, – усмехнулся Фелиус. – Я вырос не здесь, не в этих краях.

– На Горкасе?

– Нет, я не эйлиец. Родился далеко за Семимирьем в совсем ином мидгарде, таком далеком, что его даже часто забывают указать на звездной карте. Лет в двадцать перешел сюда, на материк.

– Что же заставило тебя перейти?

– Думаю, Видхи, ведь я оказался на Эйлисе совершенно случайно. В те времена я и знать не знал, что жизнь может существовать за пределами моего мира, а потому, оказавшись

здесь, был крайне удивлен.

Всю свою молодость потратил на исследование свитков, материи и времени, потом началась война и моя жизнь поменялась до неузнаваемости. Я покинул свой дом и отправился в дальнее путешествие. Кажется, обошел весь Эйлис вдоль и поперек. Могу поспорить, что в мидгарде не осталось ни одного места, где бы меня не было. Я был на Лиасе, Горкасе и Туме, был в пучинах морей и океанов, я даже украдкой заглядывал в царство Гексиоды и знакомился с небесными альвами.

– Сколько тебе лет, Фелиус? – изумленно спросила волшебница, зная, что только одну Руну любой будет обходить не меньше десяти лет. «В его рассказе что-то не складывается, – подметила та Элин, коя следила за каждым движением и словом Мыслителя. Она ему совсем не доверяла. – Война началась не так давно. Нельзя обойти Эйлис за столь короткий срок! Или он говорит о другой войне?..».

– Много, – ответил он, – очень много. За свою долгую жизнь я никогда не терял времени попусту.

– Так тебе больше ста или меньше?

– Больше, – признался он.

– Не староват ли ты для нее? – бросила волшебница, взглянув на спящую Миру.

– Любви не покоряются века, – ответил он, процитировав знаменитые строки Линды Закс из Норгротского сборника. По выражению его лица стало понятным, что сию тему про-

должать ей не следует.

«Не вмешивайся в их жизнь» – приказала та Элин, коя не хотела знать, по каким причинам довольно зрелый мужчина открыл свое сердце младой девчонке.

– В конце концов я достиг всего, чего хотел, – продолжил он, переключившись на историю своей жизни, – но знаешь, когда достигаешь всего, мир медленно начинает терять свою былую красоту.

– Не знаю. Мне не достичь «всего», Фелиус, – отозвалась она.

– Где-то год назад решил вернуться в Септим, – продолжал он. – Не ведаю, что заставило меня сделать это, может, сама Видхи?!

Я вошел в столицу и ужаснулся: правление алакса изменило ее облик до неузнаваемости. Все, начиная градом и заканчивая гардвиками, очерствело и отправилось к праотцам. Остаться в мертвом граде я был не намерен, решил уйти окольными путями, но не ушел. На пути она встретила меня, – он сделал паузу и посмотрел на Миру влюбленным взглядом, – и она сказала мне: «Борись!». Через месяц после нашей встречи, я стал членом противоборствующего братства, уйти так и не смог. Септим захватил меня своей жизнью, а Мира захватила мою. Ночью я стал вести тайную войну за Руну, а днем – за ее сердце.

– Он – мятежник и повстанец, она – верная десница империи, – прокомментировала Элин, – две совершенно разные

стези сплелись воедино – звучит, словно бы название очередного романа Лармин Реватты, – до невозможного нелепо! Что же вас смогло объединить?!

– Будущее, Элин, наше общее будущее, которое Мира видела во снах.

– Не боялся стать марионеткой в руках алакса? Ты ведь ее совсем не знал...

– Не боялся, Элин. В жизни бывают моменты, когда понимаешь, вот он – твой единственный человек на всем белом свете. Такого человека нельзя упускать, но время шло, и она начинала являться мне все реже и реже. В последнюю нашу встречу у Дарка, она, вся в слезах, сказала, что это ее последний день со мной: алакс должен был запереть ее в башне, а через две видхи – казнить. Так она предсказала.

Я не мог допустить этого. Я был в отчаянье, и тогда Видхи снова осветила мне путь. Во «*Вражеской*» я вызвался перехватить посланников алакса, повинувшись ее приказу. Под ее светом я убил каменного слугу и нашел при нем письмо – письмо алаксу из Аладеф с пометкой «*Срочно*». Тогда-то я узнал о вас.

«Что-то не сходится!» – недовольно фыркнула та Элин, коя следила за каждым его словом.

– Но ведь там не было сказано, что мы явимся в Септим! – возразила Эльна. – Почему ты решил, что мы пойдем в столицу?

– Интуиция, – загадочно ответил Мыслитель. Волшебни-

ца нахмурила брови. «Он лжет, – уверенно заявила та, что умела читать правду по выражению лиц. Хоть Фелиус и пытался скрыть себя под маской, она прекрасно различала ложь от истины. – Он увиливает от ответа!».

– Я был уверен, что вы придете, – продолжал он. – Моих сил не хватило бы, чтобы противостоять Дарку, но с беглецами Аладеф у меня бы все получилось. Увидев твое имя в письме, я понял, что это мой шанс.

– Ты ждал нас с Ольной, но как нашел? Опять «интуиция»?

– Нет. Смекалка. Права на ошибку я не имел. Знал, что вы бы не смогли осилить Западные скалы – слишком опасно для двух изнеможенных тюрьмой. Пешком вы бы не пошли. Оставалось только одно – реки. С моим даром чтения мыслей я без проблем выяснил расписания прибытия кораблей, идущих с западных земель Руны. Оставалось только ждать.

– Думаю, вычислить нас было не сложно, – грустно заметила Эльна.

– Да. Я проследил за вами до «Мурка», потом пошел за тобой до лавки Дигрета. Дальше ты знаешь.

– Слюна люпа на моих сапогах – старик-чистильщик?

– Это было слишком просто.

Эльна прикусила губу.

– Так, значит, Мира должна быть с нами, когда мы отправимся в Галадеф?

– Там ее дом и там ей будет безопаснее. Алакс не оставит

ее, пока не добьется своего, – Фелиус посмотрел на Элин серьезным взглядом. Его пальцы сжались в кулак. – Не думал, что решусь попросить тебя об этом, но, если вдруг со мной что-либо случится, ты позаботишься о ней?

– Да, – не задумываясь, согласилась она. С таким сильным и живучим человеком, как Фелиус, не могло ничего произойти, он был несокрушим, как скала!

Резкий брызг воды отвлек от разговора обоих. Фелиус обернулся и прижал палец к губам, давая понять Эльне, что нужна полная тишина.

Кто-то приближался к куполу, кто-то двигался по воде. Круги разбегались в разные стороны, сталкивались с почвой и поглощались. «Сюда может идти кто-угодно, – испуганно пролепетала та Элин, коя была готова к самому худшему, – начиная от безобидного болотного духа и заканчивая парой тройкой фандеров».

Она заметила быстрое движение Фелиуса: правой рукой он схватил белый посох, выпрямил опорную ногу, чтобы в случае чего мгновенно вскочить. Волшебница тут же подумала о Дэгриль, что был у нее на поясе. «Дело – дрянь, если это фандер» – успела подумать она.

Играя круглыми колечками зеленых водорослей, насаженных на два длинных уса, к берегу подплыл водяной – маленький человечек, еле достигающий роста годовалого ребенка, с огромным животом и коротенькими ручками с тремя пальцами-перепонками.

– Вот сатаил, – выдохнула Эльна. – Обыкновенная нечисть.

Она расслабилась, а дух тем временем крикнул что-то себе под нос и запрыгнул на берег. В воздух ударил зловонный запах стухшей рыбы.

– Ну и вонь! – заворчала она.

Дух с интересом принялся рассматривать невидимую преграду, выстроенную Фелиусом. Бородка его, состоящая из живых щупалец-отростков, вцепилась присосками в грибной круг. Возможно раньше он всегда ходил по этому островку, островок был его излюбленным местом, но теперь его перекрывала загадочная стена.

– Что он здесь делает? – удивилась волшебница. – Водяной – житель озер, не болот.

– В мире творится такая неразбериха, Элин, – выдохнул Фелиус. – Мидгارد на пороге Слияния, Руна охвачена огнем, Мудрые мертвы и светом правит тьма! Когда мрак переходит в наступление, слабые и беззащитные вынуждены бежать. Водяной бы никогда не покинул свои воды, если бы ими не завладела темная нечисть или нежить.

Зелеными руками дух начал водить по воздуху. Водяной не видел и не слышал тех, кто находился за магическим барьером, однако чувствовал, что внутри него кто-то есть. Втянув большущий живот и протерев все семь пустых глаз, он убедился, что пройти по островку не получится и перешел к решительным действиям: нырнул в трясины, порылся

на дне и нашел подходящий по размеру валун, вынырнул, отошел на пару шагов и кинул его в купол. Невидимая преграда завибрировала, заиграла серебром. Камень, словно бы пружинистый, отлетел и упал обратно в воду.

Неудавшаяся попытка духа ничему не научила.

– Какой же он бестолковый! – заворчала Эльна. – Неудивительно, что большинство из его сородичей вымерло в Эру Перевоплощений, а место главенствующего вида заняли ундины.

С разных сторон топи слышался веселый треск. На представление начали собираться болотные жители. Через пару тун у стены столпилась кучка противных аг, десятков высоких и статных девушек-ночниц, сотканых из туманного вихря, сотня блудичек – крохотных летающих созданий с жабьей мордашкой и яркими пестрыми крылышками. Шум и гоготание заполнили всю округу.

– Прошу же вас, – воскликнул шепотом Фелиус, – уйдите! Вы разбудите моих друзей!

– Звуки под куполом не пройдут наружу, забыл? – усмехнулась волшебница и встала, подошла к кромке берега и толкнула сапогом пузатого водяного обратно в воду (несчастный! Он ведь с таким трудом забрался на сушу!). Водяной плюхнулся в трясину и под веселый хохот болотных обитателей вынырнул, облепленный грязью. Глаза его налились свинцом. Элин скрестила руки на груди. Водяной не на шутку разозлился.

– Только не надо яриться, – угрюмо и монотонно попрощал Фелиус, обращаясь к духу. – Я понимаю, тебе скучно весь день сидеть на болотах, но не нужно ставить здесь и сейчас драматический спектакль!

– ОН ТЕ-БЯ НЕ СЛЫ-ШИТ, – по слогам повторила Эльна. – Может выйти и всех разогнать?

– Не смей, – отсек Мыслитель. – Нельзя выдавать себя.

– По-твоему неоткуда взявшаяся магия Ра’атхов в безлюдных топях нас не выдает? – съязвила девушка.

Где-то неподалеку раздался волчий вой. Эльна и Фелиус притихли, болотная живность насторожилась и метнулась к кустам да травянистым бугоркам.

– Это еще что было? – зашипела целительница. Через вилу на сухую ветку зачахнувшей ольхи на соседнем марше приземлилась пятнистая болотная сова.

– Подражательница, – выдохнул Фелиус. Никакие волки на болота не забредали, то лишь обыкновенная птица, пародирующая чужие голоса. Болотная публика тоже это поняла, повывлазила из укрытий и снова весело загалдела.

Водяной открыл шквальный огонь, состоящий из болотного мусора, веток, камешков и несчастных лягушачьих мальков. Стена смиренная заколыхалась, отбивая его нелепые снаряды обратно. Пару раз камешки ударили водяного по его лысому лбу (дух поморщился), пару раз – по его лапам и рыбьему хвосту (дух завопил да по-лягушачьи заквакал). После каждого неудачного раза он становился все свирепее

и свирепее, злился, гундел себе под нос разные пакости и все больше и больше получал сдачи от Ра'атховской стены.

– Сатаилов ты уродец! – забранилась Эльна. Ночницы жалостливо скривили лица, светлячки-блудички собрались в одну большую кучку света, водяной насупился, поднял левую ручку, и все замолчали. На болотах наступила долгожданная тишина.

– Ты уверена, что они нас не слышат? – насторожился Фелиус.

– Ты ведь накладывал чары, – напряглась она. – Тебе ли не знать лучше?

Испуганно переглянувшись, блудички тут же попрыгали в воду и спрятались за камышами. Ночницы превратились в туманные облака, а жабы-аги обернулись листьями кувшинок. Водяной, немного покачавшись, отпрянул от стены и скрылся под водой. Вокруг не осталось ни одной живой души.

– Они сбежали...

– Как известно, низшие духи-хранители бегут только в одном случае, – в ее руках заблестали искры и загудели электрические разряды.

– Если завидят духов-пожирателей, – закончил за нее Фелиус и подхватил посох.

Послышался оглушительный удар, будто бы что-то огромное упало в воду. Элин подошла к границе защитной стены, прислонилась к ней и отправила светящийся шар бороздить

непроглядную дальнюю тьму.

– Где-же оно? – шепотом спросил Фелиус, пытаясь разглядеть в темноте то, что спугнуло нечисть.

– Небеса нам улыбаются, Фелиус, – произнесла она голосом, переисполненным страшным холодом. – Анчуты явились.

У кромки берега пошли круги. Из-под воды вылезла крохотная волосатая головка младенца. Ухватившись за выступ длинными острыми коготками, нечисть запрыгнула на берег, показавшись во весь рост. Перед двумя явилось маленькое сморщенное существо с лицом человеческого младенца, рыбьим тельцем и тремя тонкими, колючими ножками, как у водомерок. Узкие кровавые глаза вцепились в защитный барьер. Не было сомнений – младенец видит магическую защиту.

– Анчута, – вымолвил Мыслитель и осмотрел жуткое создание с ног до головы, – нечисть-пожиратель. Обладает чудесным нюхом и ее не проведешь защитной магией. Пьет кровь и наслаждается страданиями жертвы, не давая умереть той сразу. В слюне – обездвиживающий яд.

– Вернус Гвонт, да? – подметила Эльна. – Спасибо, что процитировал «Болота и его обитатели». Цитаты нам никак не помогут.

Нечисть внезапно подпрыгнула, да так высоко, что Элин и Фелиусу пришлось задрать голову. Острые, как кинжалы, когти явно нацелились на лицо волшебницы.

– Ах ты ж мерзкое чучело! – Элин отклонилась назад, а анчута столкнулась с барьером и упала. – Они ведь никогда не охотятся в одиночку, верно?

Как же она хотела ошибаться, как же хотела, чтобы явившаяся к ним была одна в своем роде! Но тут вода забурлила, словно кипяток в котле, зашуршали камыши, и далекая тьма отступила, оголяя переполненные нечистью берега. В дали погасли болотные огоньки, морон скрылся за гонимыми ветром серыми тучами. Заиграли блестящие плавнички. Из всех видимых концов топей показались маленькие детские головки. Болота породили на свет чудища, которых еще не видал свет.

Дети всегда были счастьем, но сейчас и Фелиус, и Эльна были готовы отдать все, только чтобы не видеть их перекошенные лица. Насупив свои крошечные носики, анчуты единой стаей начали подплывать к одинокому островку. Он манил их к себе, как маяк. Зеленые ручки полезли по хрустальной стене. Барьер завибрировал. Вся стая высунула длинные языки и наточила когти.

– Может они пройдут мимо? – безнадежно выдохнула волшебница. Коготки вцепились в белую магию. Купол заходил ходуном, желтые мухоморы на земле засветились зеленым.

– Просыпайтесь! – закричал Фелиус. – У нас незваные го-

сти!

Мира сонно протерла глаза. Ольна высунула голову из капюшона.

– Ну что еще? – недоумевая, спросила малютка.

– Анчуты, – сквозь зубы ответила Элин. Ольна непонимающе сморщилась, отвела взгляд от волшебницы и взвизгнула, увидев уродливых созданий. Забравшись на берег, анчуты начали выстраивать из своих тел огромного великана. Эльна ударила разрядом света в десяток злобных младенцев, и те посыпались наземь со страшным воплем. Острый, режущий звук прошел сквозь барьер, раздирая изнутри. Крик нечисти был похож на плач сотен детей, сплетенных воедино, в тонкую нить, продетую через иглу.

Все четверо закрыли уши.

– Лучше не трогай их, Эльна! – закричала Ольна. Анчуты замолкли и снова принялись бомбардировать барьер.

– Но они сломают стену! – завопила волшебница, поднимая нескольких уродцев и отправляя их в свободный полет. Нечисть закружилась под звездами, не чувствуя силы притяжения. Фелиус посохом откинул еще тройку с острова. Снова раздался жуткий крик, и Ольна с Мирой упали наземь, пытаясь заглушить всем телом боль и звон в ушах.

– Они поплотятся, – через зубы процедила Элин, возвращая своим глазам невыносимо черный цвет. – Мелкие твари! Сейчас вы все...

– Не убивай их! – закричал Мыслитель и схватил ру-

ку волшебницы до того, как она успела бросить в нечисть шар, полный темной энергии. – Мы не будем никого убивать, Элин! Это не нежить. Они живые. Эйлис и так страдает от смертей. Хватит! Будем их обезвреживать, не убивая.

– Ладно, – волшебница вырвала руку из его хватки и взглядом откинула десяток в почерневшую воду. Нечисть завопила. Девушка скривила лицо от боли.

– Больно! – закричала Ольна. – Больно! Они очень громко кричат! Пусть замолчат! Я больше не могу!

Она почувствовала пульсирующую кровь в висках. Струйкой красная жидкость побежала из ушей. Малютка полностью оглохла на одно ухо.

Волшебница подхватила сложенные у костра сухие ветки и подожгла их магией.

– Держите! – Эльна подала получившиеся факелы Ольне и Мире. – Не дайте им укусить вас.

– Они съедят нас?!

– Для начала – просто усыпят.

Одна из тварей прыгнула на самый верх и чуть было не пробила огромную брешь. От испуга Мира взвизгнула и нечисть ответила ей стоном сотен младенцев. Элин откинула анчуту куда-то в темноту.

Крик. Крик. КРИК. Глаза налились кровью. Ольна упала, хватаясь за землю руками.

– Она не выдержит! Не трогайте их! Давайте просто будем ждать, – в надежде заревела Мира, прижимая к себе девоч-

ку. – Может, барьер выдержит, мы дождемся первых лучей илиуса и будем спасены!

Элин зверски рассмеялась:

– Сейчас полночь, до восхода не меньше четырех часов. За это время от нас останутся только кости. Закройте чем-нибудь уши, нам придется отбиваться!

И – ХРЯСЬ! Звон заставил всех содрогнуться. Анчуты зубами прогрызли корни, на которых держался остров. Неустойчивая почва провалилась, забирая с собой треть грибного круга. Вместе с ним ушла и часть защитного купола, а оставшаяся тут же потускнела.

Кровавые глаза устремились к четверке. Жуткий вопль и атака начались. Сотня нежити хлынула со всех сторон. Жадно анчуты начали просовывать в брешу магического барьера свои тонкие ручки, разламывая преграду на кусочки. Пару раз волшебница использовала магию огня, опалила целый десяток. Горящие тела кинулись спасаться в воду. По всему болоту поднялись столбы дыма. Это не на долго отпугнуло остальных, однако уже через туну нечисть опять полезла из всех щелей.

Пламя. Свет. Огонь. Свет. Волшебство начинало давить – его было слишком много. «Ты убьешь себя! Хватит колдовать!» – закричала та Элин, коя чувствовала, как хозяйка магии истощилась и боролась из последних сил. «Зачем ты потратила столько энергии в Дарке! Сейчас бы она нам пригодилась!» – ругала Элин-воительница.

Анчут стало столько, что Фелиус с трудом мог загребать кучи их тяжелых тел! Они цеплялись когтями за посох, царапали его гладкую поверхность, вгрызались зубами и ползли, ползли, ползли! Одна злобная тварь схватилась за голые ноги Миры, прокусила кожу насквозь. Девушка ударила анчуту факелом по сморщенному лицу. Анчута взвизгнула и упала опаленная. Остальные не растерялись. Трое прыгнули на руки рыжей девушки и выбили факел. Если бы не Фелиус, который вовремя пришел на помощь, то нечисть достигла бы своей цели.

Мира схватила еще одно горящее полено, обжигая руки языками саламандр. Ударила нечисть. По болотам вновь раздался жуткий вопль.

Ольна упала навзничь, не чувствуя головы. Краски смешались, и не осталось ничего, кроме убивающего крика, от которого хотелось зарыться в землю, прожечь себя. Еще туна и малютка потеряла сознание.

«Ольна! Они сейчас раздерут ее!» – закричала та Элин, коя вовремя заметила, как девочка упала. Волшебница бросилась к ней на помощь, но не успела: несколько анчут запрыгнули малютке на голову и спину. И вот же они: вгрызаются в ее теплую шею, пьют кровь и разрывают на куски... в ее ужасных мыслях! Нечисть судорожно поспешила обратиться подальше от маленькой девочки. Духи стали обходить Ольну стороной.

Виру Эльна стояла, не в силах найти объяснения случив-

шемуся. «Обереги! – вдруг вспомнила она, подцепив взглядом медвежью лапу на своей груди. – Они защищают нас!». «Тебя и Ольну, – поправила Элин-воительница. – У Миры и Фелиуса оберегов нет! Тебе нужно их спасти, иначе анчуты загрызут обоих!». «А можешь подождать, когда нечисть их убьет, – предложила мгла. – Зачем тебе двойная обуза?! Заберешь ключ от Галадеф и вместе с Ольной уйдешь. Свою часть сделки ты уже выполнила, так что тебя больше ничего не держит. Ты не обязана защищать Мыслителя и его возлюбленную». «Я не брошу их» – через зубы процедила волшебница и кинула в нападающих тварей шар с молниями. Магия пролетела над головами нечисти, ударила пол дюжины током и врезалась в сухую ольху на соседнем острове. Дерево вспыхнуло синем пламенем до кроны. По влажной почве тут же прошлись голубые искры, словно выступившие вены. Та часть анчут, что стояла близко к вспыхнувшему дереву, тут же попадала замертво. «Прости, Фелиус, у меня сегодня день такой: я всех убиваю» – грустно выдохнула волшебница.

– Хедрику искать нас долго не пристанет, – засмеялась она. – Таковую бойню видно даже из Дарка!

Послышался грохот бьющегося стекла. Фелиус и Эльна обернулись. Левая стена обрушилась, магия пала и анчуты градом посыпались вовнутрь. Одна нечисть прыжком преодолела барьер и оказалась на плечах Миры, вцепилась острыми зубами в ее шею. Девушка в криках агонии упала. Стая

голодных анчут кинулась на павшую, но Фелиус раскидал их в разные стороны.

– Встаньте за мной! – приказала Элин. Мира подхватила бессознательную Ольну, прижалась к Мыслителю. Волшебница взмахнула руками. – *Dilirium khartuses!*

Золотой шар укрыл всех четверых. Анчуты кинулись на него.

В первую туну Элин держалась. Сжав зубы, позабыв о истощении, держалась. Когда нечисть когтями принялась раздирать купол, волшебница ощутила, как разрывают ее саму. Каждый удар, каждый прыжок на дилириум отражался на ее ладонях!

Их было слишком много. Силы были не равны.

– Я не смогу его держать! Я не могу! – завизжала волшебница и отпустила руки. Магия иссякла. Девушку с силой отбросило назад. Остатки золотого сияния растворились в воздухе и исчезли. Фелиус остался один на поле боя.

На мгновение его взгляд упал на полуживую Миру, которую раздирало несметное количество анчут. Он осуществил несколько безрезультатных попыток добраться до нее, а затем упал, опрокинутый градом нечисти. Анчуты вцепились в его спину. Для их острых зубов не существовало преграды.

Волшебнице даже не дали встать, прижав к зеленому мху. Ее глаза соприкоснулись с выбившейся из рубашки медвежьей лапой из зеленого изумруда. Нечисть не трогала ее, просто не обращала внимания. Одна тварь все же решила

укусить, вцепилась в пальцы рук, но невидимая магия откинула ее в сторону.

Из последних сил волшебница подняла глаза к Ольне. Девочку не было видно – весь остров был укрыт многочисленными телами пожирателей. «Что, если она мертва?!» – вдруг проскользнула пугающая мысль в голове. «Для прожорливых анчут кровь маленькой девочки слаще всей крови на свете, – злорадно произнесла та Элин, коя знала цену человеческого сосуда. – Одно неудачное движение и анчута зацепит своей лапкой амулет, сорвет его и тогда Ольна останется без защиты. Нечисть загрызет ее». «Нет. Все будет хорошо» – успокоила та Элин, коя всем сердцем надеялась на счастливый исход сей истории. Наивная маленькая девочка!

Толпы устремились к Фелиусу и Мире, ногами втаптывая Эльну в гнилую, черную грязь. Встать она не могла. Ее новых друзей раздирали заживо и помочь у нее не было сил. Нужно было умереть с неизбежностью.

«Вот и все. Больше ничего не осталось» – безжизненно констатировала та Элин, коя уже видела перед собой лик смерти. Как бы она хотела подумать о чем-нибудь хорошем, о чем-нибудь, что согрело бы ее душу перед кончиной, но в голову лезла лишь одна, до боли уморительная констатация факта: будущее восстания – многообещающая волшебница, знаменитость Септима, лежит растоптанная полчищем нечисти в грязной земле и умирает в ней. Умирает в том, откуда вышла на свет.

– ВОН ИЗ МОИХ ТОПЕЙ!

«Кто-то кричал? Вы слышали, кто-то кричал! Или это всего лишь мое воображение?!».

Голос послышался издалека. Анчуты замерли в недоумении, огляделись по сторонам, неготовые прислушаться к приказу.

– УБИРАЙТЕСЬ!

Голос был сильным, пугающим. Голос шел из неоткуда.

Из пустоты родился ветер. Деревья нервно задрожали. Вода забурлила, выделяя в воздух пузырьки болотного газа. С криком ужаса нечисть кинулась в рассыпную.

Сначала они бежали через нее вперед, теперь – назад. Маленькие ножки снова втапывали Элин в грязь. Часть уродцев бросилась в воду, скрываясь под болотным илом, часть залезла на деревья, скребя когтями, оставшаяся половина побежала, сломя голову, к далеким серым туманам.

Острая боль пронзила левую щеку – кто-то из нечисти задел ее ногтем. Элин не закричала. Не было сил. Она закрыла глаза и отключилась. Как надолго – она не знала. Время стало лишь отголоском жизни.

Сейчас она ничего не видела, ничего не слышала, находилась в какой-то бесконечной пустоте. Вокруг был яркий свет и ничего больше. К горлу подступила тошнота. Чувства притупились. Она будто бы ослепла, но, моргнув, избавилась

от белой пленки перед глазами – пленка пала, сменяясь серыми горизонтами титанических гигантов-гор.

Илиус уходил за закат, теряясь в потоке темно-сиреневых туч. Тучи эти не грозились дождем, нет, они были лишь облаками-путешественниками, порхающими бабочками на перешейке между остывающим плодом – землей, и пестрящим ярко-оранжевым деревом жизни – илиусом.

Когда она бежала, гравий под ногами слегка похрустывал, похрустывал так, словно бы состоял из снежных мостиков, которые она без зазрения совести рушила. Постояй-ка, может то был и не гравий вовсе? Может, взаправду снег? Нужно вспомнить.

Она бежала на спуск. Потом остановилась. Белые снежинки – теперь Элин увидела их. Они были тут и там, опускались ей на плечи, садились на голову, засыпали заледеневшие овражки да ложбинки. Она взгляделась в пустоту и снег стал гуще, так и не дав ей понять, куда завела хрустящая тропа; подняла глаза к небу, желая найти источник этого коварного волшебства, но нашла лишь кривых, горбатых существ с перекошенными лицами. Уродцы. Удивительно, но она их не боялась. Ей было их жаль.

Снежинки все падали. В опустевшую голову вдруг пришла полыхающая правотой мысль: **сейчас двадцать первое число орiona**. Откуда сия дата? Элин не знала.

Снежинки все падали и падали и им не было конца. Они яв-

лялись из неоткуда, из самой вечности, а она стояла на скале, совсем близко к глубокой долине между двумя берегами, и не замечала этого. Что внизу – Элин не видела. Что наверху – Элин печалило. Все остальное было неведомо.

– Как я здесь оказалась? Что я здесь делаю? – спросила она, но никто не ответил. Вокруг продолжали шуметь сосны и биться о каменные стены дикие воды.

– Элин!

Ее имя произнесли четко и ясно. Голос показался ей знакомым. Друг? Враг? Мудрец? Безумец? Послушный раб или великий властелин? Нужно было узнать. Внезапно захотелось обернуться, захотелось увидеть того, кто назвал ее по имени. Эльна слегка повернула голову, потеряла равновесие и полетела вниз. Что-то толкнуло ее в пустоту.

С трудом волшебница открыла глаза. Она лежала, уткнувшись носом в холодный мох, наполовину втоптанная в землю. Видимые болота опустели, из анчут не осталось ни одной. Костер погас. Горящее дерево на соседнем островке еще туну полыхало, а потом скинуло с себя саламандр и обратилось в пепел. Тоже погасло. Единственным пучком света остался морон в зените.

– Мира? Ольна? Элин? – закричал кто-то безжизненным голосом. Кровь билась в ушах, горло пересохло. – Кто-нибудь? Вы слышите меня?

– Я... я здесь. Жива, – ответила волшебница, заставила

себя приподняться.

– Слава Гомену! – с облегчением отозвался он. – Я не могу встать, Элин.

Все его тело горело от боли и укусов нечисти, горло переполнялось кровью.

– Я сейчас, – простонала волшебница и попыталась встать. Не смогла. Упала. Второй раз ей все-таки удалось подняться и, шатаясь, она направилась к Фелиусу.

Фелиус оказался неподалеку: лежал на животе, неестественно свернув голову на бок. Черное пальто его алело каплями крови, спина была изрезана глубокими порезами и укусами.

– Давай, – Элин аккуратно перевернула его на спину. – Подожди, я сейчас тебя подлатаю, – волшебница кинулась искать рюкзак.

– Я ничего не вижу, – прошептал он, потирая глаза. – Либо ослеп, либо здесь стало слишком темно.

На ощупь Фелиус подобрал свой посох и раздул пламя белой жемчужины в сердцевине. Поляна озарилась мертвым светом, и волшебница увидела то, что заставило ее задержать дыхание на несколько вир и ощутить остановку сердца: перерытый траншеями, растерзанный и залитый кровью остров в телах посреди темноты. Бесчисленное множество бессознательных анчут лежали здесь, подняв ручки вверх и глотая тяжелый воздух, пропитанный запахом гари. Ни Миры, ни Ольны нигде не было видно.

– Да'ангель?! – выкрикнула волшебница, и рюкзак выскочил из-под маленьких тел и влетел ей в руки. – Тенебра! – прошептала она, магией подзывая эссенцию из глубин рюкзака. Хрустальный флакон оказался у нее в руках.

– Давай его сюда, – простонал он.

– Хорошо, что я всегда готовлю на запас, – подметила она, – иначе ты бы сейчас продолжал лежать, истекая кровью.

– Прошу, без нотаций и хвалебных речей!

Она открыла крышечку и сделала глоток. Рана на щеке затянулась. Эльна передала флакон Фелиусу.

– Мира... Что с ней?

Волшебница отрицательно покачала головой.

– Ольна?

– Наверное, они под телами нечисти. Нужно найти их.

Фелиус встал. Тенебра помогла и ему стало немного лучше.

Волшебница легким движением руки раскидала анчут в стороны. На берегу остались лежать два с трудом различных тела.

От чудного красного платья Миры не осталось и следа. Зубы анчут коснулись ее гладкой кожи везде, где только смогли достать. Рыжие волосы слиплись воедино, босые ноги полыхали. Черная аура билась из нее неиссякаемым фонтаном!

Ольна лежала рядом, сжавшись в клубок, грязная и... целехонькая. «Она в порядке, – вздохнула целительница с об-

легчением, – на ней нет ни одного укуса».

– Мира! – Фелиус бросился к девушке, хватая ее за руки. – Ее сердце! Оно не бьется.

– Она на грани жизни и смерти, – возвышенно изрекла Эльна, подала Фелиусу еще один флакон с Тенеброй, сняла с себя мантию и укрыла ею почти оголенное тело прорицательницы.

Капли эссенции коснулись спящих губ. Кровь перестала сочиться из ран.

«Она выживет?».

«Не знаю».

– Я должна помочь Ольне.

Фелиус ели заметно кивнул. Элин подошла к малютке, прикосновением горячих рук привела ее в чувства.

– Неужто я все еще жива? – спросила та, только и успев открыть глаза.

– Ты опечалена этим? – усмехнулась Эльна и подала малютке руку.

– Я удивлена, – ответила девочка, принимая поддержку. Встала. – Это же он спас всех нас, Эльна? Кто он такой?

– О ком ты? – нахмурилась целительница. Ольна показала ей за спину. Не понимая, о ком идет речь, Эльна испуганно повернула голову. Некто в завесе стоял на крошечном камешке, прячась за кустами пушицы. Три жабьих глаза в одном лице смотрели на нее и не моргали.

– Я вижу тебя, – передала девушка губами.

– Ах уж эти проказники-то! – пожаловался маленький зеленый старичок тоненьким писклявым голоском. Не поверилось, что это он туну назад кричал неистовой бурей. – Взяли привычку обижать путников-то! Ну я им покажу! Ну я им задам в следующий раз!

Будучи рассекреченным, дух вышел к свету. Худенький, низенький карлик. Ручки с гусиными перепонками, ножки длинные, птичьи. Короткие усы его, покрытые мхом, походили на щупальца спрута, шевелились. Голова напоминала тростинку, на макушке которой проросла копна то ли волос, то ли спутанных водорослей, из которой местные птицы свили гнездо. Одежды на нем не было никакой, ногату прикрывала маленькая, испачканная в иле котомка.

– Вы же болотный дух, покровитель всего и вся обитающего здесь, верно? – решила спросить Ольна, и старичок согласительно кивнул.

– Я, – он поклонился, поджав лапки. – Под час опасный пришел к вам на спасение – так-оно получается.

Болотник забрался на берег и подошел к Мире. Мыслитель машинально сжал посох, готовый применить его, если потребуется.

– Еще чуть-чуть и анчуты бы нас разорвали, – пожаловалась Ольна, наблюдая за действиями духа.

– Да, моя вина, – сказал он и провел рукой по лбу бездыханной девушке. Мира вдруг очнулась и громко набрала воздух ртом.

– Во славу илиуса! – воскликнул Фелиус и прижал бедняжку к себе. Она начала тяжело дышать, она не понимала, что происходит. – Откуда здесь столько анчут?! Я был здесь два года назад, но такого количества не встречал!

– Моя проказа. Я-то перестал обходить болота, боязно стало очень, – принялся объяснять дух. – Приходят-то сюда мертвые, сбрасывают в мои воды чуждое, почему зря рубят деревья, жгут топи... Я-то ничего сделать с этим не могу, посеми и следить за нечистью перестал, думаю: пусть лучше она мертвых порубит, нежели те меня.

– Вы успели вовремя, – заметила малютка. Болотный кивнул.

– Я-то сегодня решил прогуляться под мороном. Иду, значит, слышу, как кто-то чужой бродит. Вас я не сразу заметил, а когда заметил, решил проследить. Вижу-то: деревья полыхают, водяные мои под кочками прячутся. Но я-то на помощь прийти не спешил. Думаю, дайка гляну, как себя мои гости поведут. Ведь разные люди-то бывают. Некоторые бьют мечом почему зря, кровью землю окропляют. Таких я не люблю, – он бросил осуждающий взгляд на волшебницу. Девушка поспешила сделать вид, что очень занята и ничего не видит и не слышит.

– Спасибо, – прошептала Мира, возвращая себе голос. Она не видела говорящего, а посеми благодарила пустоту. – Спасибо вам огромное! Без вас мы были бы мертвы!

– Да что уж там! – отмахнулся болотник. – Это забота

моя такая. Теперь-то можете спать ложиться. Никто вас более тронуть не посмеет, я-то ручаюсь.

– После такого вряд ли уснешь, – буркнула Ольна.

– Уснешь, уснешь, – захихикал болотный. – Зубки вас-то покусали? Покусали. А значит-с через туны усыпит вас яд анчутский, усыпит на долгие ночи.

– Усыпит?! Что вы такое говорите? – охнула малютка и судорожно начала осматривать себя для выявления укусов и царапин.

– Не волнуйтесь, – успокоил дух. – Будет-то крепкий сон. От него здоровье только прибавится, да и анчутки за своих начнут принимать.

– Вот, сатаил! – выдохнула Элин, поворачиваясь к Фелиусу и Мире. – Нас отключит на несколько суток – это меньшее, уснем на пол пути из топей. Фелиус, у нас в распоряжении нет столько времени. Даже если нечисть нас не тронет, слуги Хедрика найдут. Мы станем для них готовым блюдом, поданным с изыском и без всяких почестей. Нужно что-то делать!

– Мы не успеем выбраться, согласен, если только не найдем того, кто укажет нам кратчайший путь, – невозмутимо сказал Мыслитель и посмотрел на болотного. Дух, не попрощавшись, в припрыжку покидал островок.

– Постойте! – закричала волшебница, останавливая его. – Я не в праве просить у вас, но...

– Вам что-то нужно? – болотный обернулся и в его гла-

зах заблистали огоньки. Эльна прекрасно знала, что духи-защитники не будут помогать без даров, однако у нее не было ничего, что можно было бы преподнести ему в качестве дара.

– Боюсь, вы единственное существо на всех болотах, способное нам помочь, – продолжила за нее Мира.

– К несчастью, нам нечего вам дать, – добавила догадливая Эльна. – Мы вынуждены просить вас помочь безвозмездно.

– Смирясь вашей милости, молим указать нам дорожку, тропу, что угодно, что выведет нас из болот, – закончила волшебница и легонько склонила голову.

«Как же мерзко! Как же низко!» – донесся возмущенный возглас воительницы с потоков сознания. Как же больно для нее было осознавать себя зависимой от столь маленького, нелепого существа! Вот он, подлинный повелитель мира, – безликий в темноте, неприглядный, сумасбродный, безымянный карлик, чьи руки приложены ко всему тому, что мог вынести Полудим, и ко всему тому, чего он вынести не мог. Ни Морон, ни Хедрик, ни Видхи в данный момент не решили их судьбу. Карлик решал.

«Давай же, соглашайся! Пожалуйста!».

Болотный переступил с ноги на ногу. Наступила томительная туна ожидания, и в течении этой туны внутри группы скитателей зарождалась искра отчаянья.

«Не лишайте меня веры возвратиться домой! – взмолилась малютка. – Мне нужно туда! На Землю! Мама меня

ждет! Я знаю, вы скрываете короткий путь. Я чувствую его! Вот же он, где-то здесь, рядом! Неужели вы будете столь бесчеловечным, что не покажите его нам и оставите погибать?!».

«Он не человек, – отозвался голосок, – он всего лишь дух болот – сгусток нечаянных мыслей, раздумий и печалей всех тех тысяч гардвиков, которые когда-то блуждали и тонули здесь».

И вдруг его влажные глазки повернулись в сторону Ольны и намертво вцепились в нее, проглотили. Девочка почувствовала себя крайне неудобно.

«Зачем он смотрит на меня?! – жалостно потянула она. – Что ему нужно?! Неужели он хочет, чтобы я стала его даром?!».

«Он тебя слышит, – ответил голосок, – говори потише».

«Но я ведь и не говорю! Я молчу!!!».

«А я все равно вас слышу» – слышались слова из незнакомой мелодии в голове. Ольна подпрыгнула, а затем впала в ступор. Элин покосилась на нее, как на умалишенную. Она-то ничего не слышала. Никто из ее команды ничего не слышал.

«Кто здесь?!».

Болотный дух подмигнул вживую.

«Здравствуйте, Арил!» – прозвучал он в голове.

«Как вы меня назвали?» – охнула девочка.

«О, Арил, дитя света наше! Я знал, что вы придете. Мой

род ждал вас тысячи лет. Я с радостью помогу вам. Для меня – это честь».

«Ждали меня? Что это значит?!»

Болотный не ответил и перевел взгляд на Элин.

– Вижу вы народ добрый, честный, куда попасть-то хотите? – спросил он беззаботно.

– Дакота, как можно дальше от Септима, – ответил Фелиус.

– Я знаю кратчайшую тропу к светлому лесу, – болотник сорвал с земли тростинку и указал ею на северо-восток. – С удовольствием вас по ней проведу.

– Благослови вас Ремени, спасибо вам, вы спасли нас!

Подхватив свою котомку и вытащив из нее два камешка-кременя, дух поджог тростинку, обратив ее в факел, заметный для ануранов, и бодрым шагом пошел по кочкам навстречу сиянию Гельвейса. Не сказав ни слова и взявшись за руки, Мира и Фелиус последовали за ним.

– Не верю, что он согласился, – прожевала волшебница и глянула на Ольну. – Пошли быстрее. Духи – ветренные создания, в любую туну он может перехотеть нам помогать.

Она перекинула Да'ангель через плечо и пошла за тройкой. Глубоко вздохнув, малютка посеменила за ней.

Болотный дух в голове – такого еще не видали! Был ли смысл в их молчаливом разговоре? Был ли сам разговор? Быть может, ей все это привиделось? Остаточная реакция на крики анчут? В голове сумбурно переплелись вопросы:

«Арил? Что это значит?! Какая-то местная знаменитость? Достопримечательность? Причем тут я?».

Советчик держал немое молчание. Ольне никто не отвечал.

«Бессмыслица какая-то, – в конце концов решила она. – Если он взаправду говорил со мной, то, вероятней всего, с кем-то меня перепутал».

Укусы чесались, глаза слипались, стопы горели. Мыслитель несколько раз падал и проваливался в трясины – его лишь чудом успевали из нее доставать. Прорицательница в пустую перебирала ногами, не различая дороги. Эльна, которая получила в битве всего лишь один укус, тоже начинала терять с сим опустошенным утренним Полудимом кровную связь. Тенебра более не помогала от анчутского яда.

Над болотами поднялся зеленоватый туман и развеялся, испугавшись красноокой оторочки пламени. Светало. Когда мчишься на перегонки с миром грез, нельзя упускать время из виду. Когда мчишься на перегонки с миром грез, каждая вира на счету.

Фелиус первым сошел с дистанции: он закрыл глаза, чтобы моргнуть, но замешкал и провалился в глубокий сон. Если бы не Мира, коя держала его за руку, он бы упал в воду и остался бы в ней навеки.

– Нужно сделать повозку, – сонно пробормотала она, придерживая Мыслителя на суше.

– Это моя забота! – встрепнулся болотный, хлопнул в ладоши и призвал на помощь четырех жабоподобных прислужников.

– Аги! – недовольно вскрикнула волшебница. – Как они нам помогут? Они же путают тропы!

– Это – в свободное время, – хихикнул старичок, – а так-то они помогают мне очищать болота от валежника от всякого.

Он повернулся к огромным жабам с выпученными глазами и указал на спящего. Аги на мгновение исчезли под водой и через виру выплыли с большими носилками.

– Ну что ж, пошли за мной, народ людской да болотный! – прикрикнул дух, когда аги забрали Фелиуса. Мира нагнулась, чтобы поцеловать спящего в лоб, но, коснувшись губами его бледной кожи, сама впала в дрему. Аги забрали и ее. Мира сошла с дистанции второй.

Скоро болотные впадины сменились миниатюрными озерцами, камышовые заросли переросли в пушистые кусты голубики, еще не поспевшей, но уже наливающейся краскою. Маленькие малахитовые кочки переменились огромными живыми островками, полными сумеречных огоньков. Полудимские топи отступали, их словно бы гнал прочь восходящий илиус – бесстрастный оранжевый поток.

Когда земля под ногами перестала бурлить, дух болот остановился.

– Пришли, людской народ, – заявил он, – дальше уж не мои владения.

Она ничего не видела, не слышала – Элин пришлось поверить ему на слово. Элин еле держалась на ногах.

– Спасибо вам, – поклонилась она и изнеможенная села рядом со спящими. – Если бы не вы...

– Знаю, знаю, – болотник похлопал себя по зеленому брюшку. Аги опустили носилки. – Вы больше-то не тревожьтесь, все-то у вас теперь будет, если не хорошо, то не смертельно плохо – уж точно. Укусы анчут-то вас не потревожат более, заживут через пару дней.

– Что же нам делать теперь? – простонала малютка. – Мира и Фелиус спят, а мы с Элин далеко их не утащим.

– Отдыхайте, дитя, и не думайте об оном. Я передам вас в надежные руки, а те донесут вас до южных берегов Пролота. Оттуда и до альвийского града не далеко.

– Нам не нужно в град, мы идем в Галадеф, – неразборчиво пробормотала Элин, громко зевнула и упала рядом с Мирой. Элин сошла с дистанции третьей. Ольна осталась бодрствующая одна.

«Спроси его, – послышался голосок советчика. – Спроси о том, что хочешь узнать!».

– Там в топях, вы сказали, что я – Арил, – начала малютка в открытую, не боясь, что ее услышат чужие уши, – но что это значит?

– Вы все узнаете со временем, дитя, – ответил старче, –

а пока ложитесь, да не о чем не думайте.

– Но меня ведь не кусали, я не усну. Расскажите мне, пожалуйста!

Болотный свел тонкие бровки-палочки, щелкнул пальцем и в один миг переместился на носилки.

– Так и быть, – кивнул он, – присядьте-ка рядом!

Ольна радостная присела рядом с духом. Удивительно, но сейчас от него пахло не рыбой и тиной, а мокрой глиной и дождем – малютке понравилось такое сочетание.

– Я признаюсь вам на ушко, – прошептал он тихо, будто боясь, что кто-то может его услышать. Малютка согласительно кивнула и нагнулась к болотному.

– *Мечты сбываются во снах*, – промурлыкал он, щекоча усами. Ольна ничего не поняла.

– Простите? – потянула она и тут же ощутила небывалую легкость. Голова как-то странно опустела, тело стало мягкое, непослушное, веки налились свинцом и, опустив их однажды, она не смогла их после поднять. Может быть во сне или еще наяву, она увидела, как волшебные чары подняли ее в воздух и аккуратно опустили около Эльны, как черные древесные тени защитников леса подошли к носилкам, как подняли их над своими головами и приблизили к небу. Пейзаж хмурого болотного горизонта сменился блеском зеленой листвы.

Вот и все. Конец Полудимской истории.

Ольна знала, что болотный дух еще туну покрутиться

у границы болот, побродит меж кустарников и смуглявой травы, потом обернется вокруг своей оси и исчезнет, оставляя в воздухе мутную дымку из молока. Но до того, как его тело превратится в сгустки белого пара, а воздух испещрится серебром, он прокричит властным голосом, пробуждая на застуженных болотах весенний ветерок:

– Иногда даже на самые сложные вопросы можно найти ответы, вернувшись назад, в свое прошлое.

Мы еще увидимся с вами, Арил, а пока спите. Спите, дитя света, да придут с вами новые приключения!

Глава третья. Вековой град

Чужой град. Чужие жизни окружали меня в нем, и я дышал его невидимой силой. Где здесь добро? Зло? В чем разница? Все слилось. Тьма окутывала его, протягивала костлявые пальцы к жизням тех, кто не знал злобы, а те, кто стоили смерти, продолжали жить.

Кастиль Трок

«Искания молодого альва», ЭП

– Сейчас перевал. Через часов пять-шесть выйдем на марши, а от них до Пелагиата часа три пути, – заявил он. Оказался прав. Уже через пять часов лес начал редеть, тополя и дубы попадались все реже и реже, сменяемые кустарниками смородины, малины и барбариса. Вдалеке замаячили лужайки, полные цветов и клевера. Запах стал неопишимо сладкий, и Ольна еще раз задумалась о том, что при свете илиуса здесь порхает сотня разноцветных бабочек, численность которых превосходит даже число звезд на небе.

«А ведь все могло закончиться иначе» – вздохнула она, вспоминая, как оказалась здесь. После событий на болотах под Септимом прошло ни много ни мало девять дней, хотя Ольна могла и сбиться со счета.

В то утро она проснулась первой.

Где-то вдали цвел ландыш. Нет, не цвел, безумствовал. Терпким ароматом его заполнялись ложбинки и борозды, яруги и овраги, балки и яры, каждая выемка и каждая пустая вымоина. Заросшие алчной крапивой да тучным лопухом низменные безводные русла и теснины, желая перебить извергающиеся потоки сладкой вездесущей благовонии, кутались да ныряли в туман. Здесь же, на поверхности, оставались никем не тронутые и крайне недовольные своей участью сопроводителей ландышевых невидимых войск ели, березы и тополя.

Этот дикий цветок стал первым, разбудившим ее. Не или-ус, не голод или жажда, а именно он, цветок. Ландыш поработил ее легкие, да так, что не стало им от него спасения, и когда казалось, что уже все потеряно, на помощь пришел теплый ветерок. Не открывая глаз, Ольна почувствовала, как он сбивает ландыш духом чего-то знакомого, родного. Она ведь и не видела, что совсем рядом, почти у самого ее носа, стелились кустарники полыни, обыкновенной Земной полыни, которую после она узнает по запаху.

«Соберем с полей полынь, и помянем навших...»

«Неужели они все мертвы?» – послышался испуганный голосок. Ольна вздрогнула, он ведь прозвучал совсем близко!

«Жестоко и беспощадно!» – всхлипнул кто-то второй.

«Мы должны действовать!» – закричал кто-то третий.

«Нет, еще рано!».

«Сколько же еще должно умереть, чтобы мы вернулись, скажи же!» – взвыл первый. Знакомая интонация. На этот раз Ольна узнала ее и поняла, что слышит не чужие незнакомые голоса, а один единственный – голос ее советчика, ее собственный внутренний голос.

«Совсем спятила, – пробубнила она, – уже спорю сама с собой и даже не понимаю, о чем спорю-то! Тронутая – одним словом».

Сия мысль впиалась черным пятном в чудный сон, что снился ей тунами ранее, и полностью развеял его. Чернота лишь нагнетала обстановку, больше оставаться в ней не было сил, и девочка открыла глаза. Листва радостно зашуршала, приветствуя маленькую гостью. Серые облака на мгновение расступились, давая илиусу возможность ослепить едва проснувшуюся. Ольна сморщилась и села.

Перед глазами предстала картина давно забытой сказки: хрустально чистый лес, в котором правили три цвета – коричневый-гиацинтовый, желтый-янтарный и зеленый-малахитовый. Розовые лепестки сирени, захватившей южную часть сказочной страны, осыпались и, подхваченные летним ветерком, неслись сюда. Листва забавно билась, создавая причудливую мелодию, смешивающуюся с пением птиц, криками птенцов и веселым тресканием бельчат. Деревья стояли далеко друг-от-друга, открывая обширные пространства для цветущих лужаек. Деревья шептались, скрывая тенями лиловый небосвод и плывущие по нему серые облака.

Куда же вы бежите, облака? Остановитесь, посмотрите вниз, тут ведь такая красота!

Ольна лежала на мягкой траве. Кроме бездушной полыни, ее окружало еще и полчище одуванчиков, несметное количество которых уходило далеко за невидимый горизонт. Пестрящие лепестки лютиков ютились рядом, смешанные с зеленой кущей дикой клубники. Где-то в дали шуршала река – малютка услышала знакомый плеск воды, ударяющейся о влажные берега. Жадный до свободы мчался оттуда пух тополей и белой крепью покрывал мохнатые ели. Наверное, там, впереди, были еще и золотоцветные деревья, потому как золотоцветные искорки пролетали мимо, подхватываемые бурными потоками ветра. Ольна проследила за ними. Искорки то ли сами по себе, то ли под действием ее взгляда, неестественно взмыли вверх, завихрились и растворились в лиловой синеве неба, которое нынче заволакивалось легкими дождевыми тучами. Конечно, дождь не был готов обрушиться сегодня, он лишь набирал свою силу, готовясь к грядущему бою.

Жутко захотелось пить. Горло пересохло. Ольна встала. Анчуты, кровь, искры пламени и крики – она вспомнила все в мельчайших подробностях.

«Арил! Мой род ждал вас тысячи лет» – промелькнули слова болотного в голове.

– Вот хитрый лис! – заворчала она, припоминая, как дух напустил на нее какое-то сонное заклятие. – Он усыпил ме-

ня! Что же он сказал?

«Колдовство. Наговор».

– *«Мечты сбываются во снах»!* Интересно...

Малютка задумалась и проводила печальным взглядом двух огромных бабочек, ускользнувших из ее рук и скрывшихся за листвой.

– Сколько дней прошло после той ночи? У меня вся спина болит, затекла. И кости ломит. Похоже, нас усыпило не меньше, чем на три дня! Эльна будет не в духе, когда придет в себя.

Она поглядела по сторонам, ища своих друзей. Элин дремала, облокотившись на белый камень, укрывшийся мхом. Да'ангель был у нее за спиной, Дэгриль – все еще на поясе. Рыжая сова восседала на плече и поглядывала сверху-вниз, высокомерная, заносчивая. Мира и Фелиус лежали неподалеку, укрывшись мантиями и хрустальными капельками росы. От укусов нечисти на них не осталось ни единого напоминания.

Прорицательница спала, ее дыхание было тихим, неслышным, как и его дыхание. На левую руку она облокотилась, а правой держала его черные волосы. Его пальцы замерли у ее губ. Их ноги переплелись вместе, как единое целое. Даже их ведогони – худой, бешеный, голодный волк и маленькая беззащитная лань – казалось бы, разные уровни пищевой цепочки, – хищник и жертва, прижимались к друг-другу, ласкали друг друга и, как бы невероятно не звучало сие,

сливались единым биением сердца.

Девочка почувствовала на душе странное спокойствие. Завтра снова дорога, снова бой, снова боль, но лишь завтра. Сейчас, в этот самый миг, она здесь стоит – живая в беспечном спокойствии.

«Что может быть лучше этого?» – спросила она.

«Вкусная похлебка» – ответил голосок.

Река была слишком далеко, но Ольна слышала журчание воды где-то поблизости. Где-то рядом из-под земли бил источник, и, манимая его всплесками, она пошла на звук.

Илиус пробивался сквозь тучи и зеленые травянистые бугры с востока, рассеивался на отдельные пучки золотого света. С каждым ее шагом лес оживал. Малютка знала, что весь Эйлис – мир волшебства, и именно эта зеленая роща показалась ей сердцем его магии. Даже самое незначительное движение вызывало бурю голосов лесных птиц. Воздух с трудом вмещал в себя все эти звуки: громкие и тихие, радостные и тоскливые.

Впереди показалась маленькая ложбинка, усыпанная белыми цветами. Столько цветов Ольне не доводилось видеть в жизни! Она сделала один шаг в их пучину и утонула. Бутоны, почувствовав ее приближение, расступились в разные стороны и пропустили дальше. Дальше под корнями древнего дуба бил серебряный источник чистой воды.

По всему телу прошел приятный холодок. Капли соскальзывали с губ, скатывались вниз. Напившись вдоволь, Ольна

попыталась разглядеть свое отражение в лужице. Болотный ил въелся глубоко в лицо, в волосы, в кожу.

Послышались шаги. Протяжные, древесные. Малютка обернулась. Позади нее стояла высокая (настолько высокая, что доставала кроны деревьев) статная девушка, сотканная из прутьев, хвои и цветов. У дриады не было ни глаз, ни рта, ни единых черт лица. Все ее тело состояло из дерева, руки и ноги были сотворены из тонких прутиков молодой вербы. Она, как и большинство духов, была нагая.

Рядом пробежала стайка лесных оленей. Ольна смогла различить каждую статную частичку их бурых голов и тоненьких ножек. Они ее не боялись, вовсе не обращали внимания. С ветвей спустились птицы с разноцветным оперением, закружились вокруг духа, даруя песню. Позади нее ступали маленькие бельчата с рыжими пушистыми хвостиками и забавными мордашками. Малютка вдруг почувствовала себя совершенно пустой, ведь для сего мира она не знала ничего. Он жил до нее и будет жить, уйди она. Разве справедливо это? Но кто она, чтобы знать ответ!

Дунул легкий ветерок с запада, запах ландышей снова пришел в здешние края. «Любимые мамины цветы» – вдруг вспомнила малютка и закрыла глаза. Эти цветы клали на могилы умерших...

«2031, 10 марта

Кто я есть без воспоминаний? Как доказать себе, что

раньше я существовала здесь, что моя жизнь из прошлого существовала? Где мой альбом?

Первая фотография на первой странице с подписью: «Январь 2029 год. Рождество».

Мы только заехали в наш новый дом, кое-где все еще стоят нераспакованные коробки. Я с Лукасом, мамой и Олен-фиадой стоим в обнимку в не по размеру огромных свитерах и улыбаемся во весь рот, словно поехавшие. Бенди тогда крикнул: «Сделайте лица посчастливее! Что ж вы, как будто в мавзолее место купили! Улыбнитесь, черт подери!». Я цыкнула на него, нечего тут при ребенке ругаться! Ольна засмеялась. Потом Лукас. Потом и всех остальных захлестнуло этой волной.

Вот здесь, у маленького камина в углу, мы украшали рождественскую елку. Ольна носилась, как неугомная. Лет до четырех она верила в доброго дедушку с сахарной бородкой, а потом... перестала. Я же верила в него до тринадцати лет. Жалко, моя звездочка не пошла в меня. Лукас! Она, как и он, не полагается на чудеса. Дух рождества в ней умер рано. Господи, мне иногда хочется, чтобы она была обычным ребенком, чтобы верила в чудесников, играла в детские игрушки часами напролет, а не пропадала за книгами с утра до ночи!

Вторая фотография. Подпись: «Февраль 2029 год. Поездка на море».

Ольна стоит, уткнувшись носом в огромную резиновую утку, где-то на заднем плане мелькаю я по пояс в соленой воде. Бенди Крокворд и Лукас выгружают из машины палатку и рыболовные снасти. *Вальмарф... Вальмар... Зараза!* Сын Крокворда фотографирует нас на свой телефон.

На ту поездку у нас денег не было, но Бенди заверил, что оплатит все. Он убедил нас, что сейчас на Южном побережье жара и не следует бояться февральского холода. За час мы собрали свои вещи, оставили маму за главную, а бедняге Тавви (он, провозжая нас, бежал за машиной немалых двадцать минут!) дали задание охранять дом.

Третья фотография сделана в апреле 2029. Ольна сфотографировала нас, пока мы не видели, маме фотография понравилась, и она решила ее оставить.

«Сладость за радость».

Я и мама сидим на кухне и заедаем горе корзиной сладкого мармелада. Мама корчит гримасу, отлепляя кусочек сладкого, прилипшего к ее щеке, я сижу хмурая – часом ранее узнала, что меня снова выгнали с работы.

До первого брака я подрабатывала детским писателем. Признаю, писать рассказы у меня получалось неплохо (критики так считали, я же воспринимала свои труды, как обратное месиво сказок, переданных на новый лад). Потом я забросила это, стала домохозяйкой. Когда встретила Лукаса, решила вернуться к старому делу, да вот только к тому времени во мне никто не нуждался. Я сменила, кажется,

тридцать с лишним профессий всего за один год, но ни в одной не добилась успеха. Сейчас стала медсестрой. Посмотрим, что из этого выйдет.

Четвертый снимок. Мама и Вэн во все том же апреле двадцать девятого стоят у клумбы с цветами. Мой брат, как всегда, прикрывает пол лица кепкой, боясь засветиться на фотографии во всей «красе». Сам все понимает. Трудно поверить, что ему сорок, ведь выглядит он на шестьдесят! А всему виной его дурацкая работа! С шестнадцати лет он проработал на заводе по выплавке металлов. За двадцать четыре года тяжелейший физический труд превратил самоотверженного трудоголика в старика. Боже, он выглядит старше мамы!!!

Фотографий еще много, но рассказать тебе, дневник, о каждой я не смогу, прости. Нет времени. Сон валит с ног, пожалуй, придется остановиться. Завтра постараюсь написать что-нибудь еще, но ничего не обещаю. Завтра день в госпитале».

Ольна проглотила ком, застрявшей в горле. Снова воспоминания. Кто их только сюда позвал?!

Малютка просидела в растерянности несколько тун, потом принялась счищать с себя комки вьевшейся грязи. Закончив с водными процедурами, вернулась в лагерь спящих.

– Эльна, – позвала она, встав над волшебницей грозным

истуканом, мокрая с головы до пят. День выдался жарким, так что кроха не боялась простыть. – Просыпайся!

Элин недовольно сморщила нос.

– Отстань, – выдавила она неразборчиво. – Иди... съешь что-нибудь... и прошу, оставь меня.

Ольна не сдвинулась с места, нахохлилась, словно бы ку-ропатка. Фелиус и Мира улыбочиво переглянулись, их будить во всяком случае ей не пришлось, проснулись сами.

– Эльна, мы больше не болотах и...

Сказать больше девочка не успела. Эльна, как ужаленная, вскочила с места, горящими глазами разрывая все в пух и прах. Затем она выкрикнула пару слов, которые малютка не смогла разобрать, но могла бы поклясться, что они были ругательными.

– Давно мы? – закричала она. – Сколько? Сколько времени прошло?

– Не знаю, – Ольна пожала плечами. – Я ведь тоже спала. Проснулась час назад.

– О, Гомен! Что, если мы потеряли неделю? А если – две?!

– Вряд ли, – потянул вечно-спокойный Фелиус. Элин повернулась к нему, как готовящаяся к броску кобра.

– Это еще почему? – зашипела она.

– У нас с собой прекрасные часы, – он указал взглядом на Ольну. – Говорящий действует пять дней. Если бы прошло больше, наша чудесная госпожа уже бы не понимала нас.

Столь логичный ответ сбил ее с толку. Виры Элин просто-

яла в растерянности, а затем сменила гнев на милость.

– Что ж, хорошо. Очень хорошо. Мы на берегах Пролота? – как ни в чем не бывало продолжила она.

– Да, – кивнул Мыслитель, – на порогах Южных Златоцветных садов. Наверху – Пролот, слева – альвийский Сирил. Дух, да пошлет Ремени ему благодать, перенес нас в земли Дакоты.

– Вот сатаил! – жалобно протянула девушка. – Слишком далеко...

– Слишком далеко? – подхватила Мира удивленная. – До Сирила два дня пути!

– Мы оказались на севере, – гаркнула волшебница, – а нам нужно на юг!

Она встала, прислушалась к журчанию воды и пошагала в сторону источника.

– В любом случае мы потеряли уйму времени. Нам нужно спешить. Сейчас я вернусь, и мы решим, что будем делать дальше.

Она скрылась за видимым лесным горизонтом и более не появлялась.

Илиус восходил к зениту, небо хмурилось, оживляя невыносимую духоту. Дикий Пролот в шести тунах отсюда усмирлял нещадный зной, но дальше своего русла он выйти не мог,

а поэтому, сдерживал жару только в доступных ему пределах. На пригоршне светлого леса у границы меж Полудимских болот и Златоцветных садов завелся огнедышащий дух – эдакая огромная невидимая элементарь, подогревающая воздух в невидимом котле на невидимом костре. Не с проста все это.

Небеса разломаются. Начнется наступление их мирно, складно, спустятся вниз они желанными полюбовниками, окропят землю холодной водою: сначала мягко, осторожно, ласково, а затем напористо, грубо, безжалостно. Скоро там, над Фортуносом, рванет дождь, грянут раскаты грома и молний. Но только там. Тучи гонит на восток. Сюда они уже не вернутся.

В животе кто-то недовольно завыл, заурчал и зафыркал. С этим что-то нужно было делать. Ольна присела на зеленую лужайку и принялась собирать лесные ягоды. Сейчас ей было все равно, что в здешних местах они еще не успели. В голод любая ягодка была сладка.

– Куда отправимся теперь?

Ольна обернулась. Элин возвратилась с родника. Девушка причесала бурые волосы, захватив их в конский хвост, отмыла лицо от грязи, вычистила сапоги. Низ белой рубашки она завязала на поясе, обнажив тонкую талию – так было менее жарко.

– Мы в светлом лесу в дали от империи, – благодушно ответила Мира. Золотые искры, парящие в воздухе, осыпали ее

голову и плечи. – Здесь безопасно, нам ничего не угрожает.

– Тоже самое ты говорила и про Полудимские топи. Ты уж прости меня, Мира, но со вчерашнего дня вера в провидцев и их предсказания более мною не движет.

– Я сожалею, что все так вышло. Если бы я только знала...

– Но ты не знала. Давай закончим на этом наш разговор.

– Фелиус сказал, что востоке есть альвийский град, – молниеносно вмешалась малютка, чувствуя, что запахло раздором.

– Не хочу показаться грубой, – отмахнулась волшебница, – но, даже если бы мы и стремились попасть к гардвикам, на кой нам их альвийский град?! Сирил не относится к великим градам. Зеркала ему не предоставили.

– Великим? Почему великим?

– Потому что в них хранятся зеркала! Раньше гоменские были в каждом из них: в Норгроте, в Отгаре, Ольтекроне, Дакоте, Пелагиате и прочих, прочих, прочих! Когда же Хедрик захватил власть в Септимае, он приказал собрать все творения, обуздавшие червоточины, с захваченных земель и скрыть их в башне Галадеф, – пояснила она. Ольна почесала затылок.

– Так вот, в Сирил нам дорога закрыта, – продолжила Эльна. – Нам закрыта дорога во все города. Неизвестно, как в них там обстоят дела. Пока мы спали карту мира могли тысячу раз перекроить. Может быть вольного Сирила уже и не существует!

– Сомневаюсь, – отсекла Мира. – Хедрика не интересуют грады без зеркал.

– Как и нас, – кинула Эльна. – Но мы не пойдем туда, даже если бы зеркало там было. Оно стало бы для нас ловушкой.

– Еще вчера тебя это не пугало!

– Еще вчера я и думать не смела, что придется отбиваться от легиона нечисти! Я растратила всю себя в борьбе с анчутами, больше защитить никого не смогу. Раз уж так получилось, что никто из здесь собравшихся не захватил с собой карманного балеона и должного навыка подчинять червоточины, придется идти пешком, обходя всякие поселения, и чем скорее мы выйдем, тем лучше.

– К чему такая спешка, Элин? – удивленно спросил Мыслитель. – Дарк далеко, алакс до нас не доберется.

– Слияние, Фелиус! Оно у нас на носу. Ты же прекрасно понимаешь, что, чем ближе Феюрия, тем сильнее ОН становится. Если мы не успеем достигнуть Земли до пиковой фазы, потом уже и не получится.

– До Слияния еще больше полугода! – отозвалась обиженная Мира.

– Однако это не мешает марунам становится сильнее уже сейчас! – фыркнула Эльна.

– Нам нужен отдых, Элин. Все мы устали.

– Устали спать? Бедолаги, – истощая горькую долю наигранной драмы кинула она. – Ох, ну если так, то давайте пойдем в Сирил, завалимся в таверну и целыми днями будем

плясать, распевать альвийское вино и убажывать сатирок! Если вы с Фелиусом избрали такой путь, то я вас не держу, мы с Ольной прекрасно справимся вдвоем. Хорошего стрелка я могу и сама найти, – она повернулась к Фелиусу и протянула ему руку с распахнутой ладонью. – Дай нам ключ от башни, и мы пойдем.

– Спокойно, Элин, – остановил ее он. – Давай не будем принимать поспешных решений. Я предлагаю поступить рассудительно и благоразумно. Послушай меня.

Ольна подумала, что Элин снова взорвется, но она не взорвалась, лишь нахмурилась и села, облокотившись на усыпанное пухом и златоцветным блеском дерево.

– Что ты предлагаешь? – спросила она.

– Я предлагаю поступить так, как говорит Мира.

– Кто бы сомневался?! – выплонула она. – А ведь еще вчера ты и сам говорил, что нам лучше бы избегать городов!

Фелиус погрозился на нее взглядом и продолжил говорить голосом на тон выше:

– Я предлагаю поступить так, как говорит Мира, потому что сейчас мы **ОБЯЗАНЫ** отправиться к гардвикам, а не идти в отшельничестве наперекор им, Видхи и восстанию. Нам нужно попасть в град. Найди мы коней, добраться до башни стало бы куда легче. Мы сбегали с Септима, не готовясь к долгому походу. У нас нет ни провизии, ни одежды, ни сумы, ни оружия, ни какой-либо защиты против нечисти. В этот раз нам повезло встретить духа-защитника, но, уве-

ряю, в следующий раз так не повезет.

– Следующего раза не будет, – перебила его волшебница. Ольна забросила в рот еще несколько ягод, с интересом и настороженностью наблюдая за словесной перепалкой между этими двумя, – потому что в следующий раз мы не пойдем навстречу опасности, повинувшись словам девчонки с Земли, решившей предсказывать чье-то будущее. Оглядишься вокруг – Илион месяц! Пищу и лекарства мы как-нибудь найдем, на пастбищах у Азгурна полно диких имдомпских скакунов, которых реально приручить. Не вижу препятствий.

– Во-первых, до Азгурна еще нужно добраться. Мы на пороге Фортуноса, до границы Галадеф, если идти сломя голову без сна и отдыха, не меньше шести видх через горы, леса и равнины. Затем – Алые пади. Без проводника их не осилить. Я просто не хочу, чтобы от твоей беспечности пострадала юная госпожа, – при этих словах все обратили взгляды на Ольну, и девочка скорчила рожицу.

– Я защищу ее, – хладнокровно бросила Эльна.

– Во-вторых, – продолжил Мыслитель, – никто не отменял внутримидгарские переходы.

– Внутримидгарские переходы? – потянула Ольна. – Что-то вроде переходов в Дарке?

– Зеркала, – пояснил он. Ольна окончательно запуталась.

– Никак не пойму, вы же сказали, что они все в Галадеф!

– Только те, что принадлежат империи.

– Так, если у Дакоты есть свои зеркала, зачем нам проби-

раться в запретные, в Галадеф?! Почему бы просто не пойти в ближайший великий град и без проблем переместиться на Землю?!

– Нет, Ольна, – вздохнула Мира. – Зеркала, разбросанные по свету, лишь отголоски истинного зеркала Переходов, что скрыто в Галадеф. Есть одно зеркало, способное перемещать души меж мидгардами, и сотни других зеркал, что являются его отголосками. Одно зеркало – сердце всех порталов, главное и неделимое. Без него нам не перейти на Землю. Оставшиеся внутримидгарские переходы могут переместить нас внутри одного мидгарда, но не дальше.

– Ах, вот оно что! Сразу бы так и сказали! Чего ж вы тогда спорите-то?! Мы должны попасть в вольный великий град и все на этом. Оттуда и перенесемся в башню.

– Не в башню. К защитному куполу, – поправила Элин. – И про этот способ передвижения я уже озвучила свою точку зрения! Загвоздка кроется в том, что нам неизвестно, какой из градов вольный, а какой уже часть империи! Я не собираюсь переступить купол, чтобы оказаться в лапах тосгардов.

– Пелагиат, – вдруг сказал Фелиус и встал.

– Что «Пелагиат»?

– Град на востоке за Глубоководным краем. Пелагиат. Он не часть империи. Я уверен.

– Почему ты уверен, Фелиус? – окликнула Мира. Все еще хромяя, Мыслитель двинулся через лесные кочки на север, раздвигая собой застывший в воздухе золотоцветный пух.

– Потому что он за Амгмой и Пролотом. Нежити не осилить две реки.

– Но им осилить Фортунос! – закричала Эльна ему в спину.

– На это уйдут месяца, – фыркнул он.

– И мы отправляемся туда сейчас? – удивилась малютка столь поспешному решению Мыслителя.

– А как же! Элин не хочет терять ни туны, поэтому мы идем в Сирил, пополняем запасы и берем лошадей, а затем едим в Пелагиат. Доберемся до него до того, как Феят обретет полную силу, и переместимся без препятствий.

– С чего ради ты приплел сюда Феят? – возмутилась Элин. Он не ответил, сделав вид, что не услышал ее. «Снова что-то не договаривает!» – фыркнула та Элин, коя уже начинала выходить из себя от его вечных недоговорок, секретов и тайн.

– Постой же, Фелиус! – спохватилась Мира и кинулась за ним вслед. – Что тебя сподвигло так спонтанно решиться на это?! Мы даже не успели ничего обсудить!

– Нечего тут обсуждать. В Пелагиате когда-то жил мой давний друг, – ответил Мыслитель. – Я надеюсь, что он все еще там. Он поможет нам добраться до башни.

– Но что, если града на берегу Фортуноса, уже нет? – крикнула Элин. – Что, если мы придем на развалины?!

Фелиус остановился. Золотые искры, блуждающие по ветру, ударили его по спине.

– Тогда мы обязаны там побывать и... проститься с душа-

ми павших.

Мыслитель оказался прав. Уже через пять часов пути лес начал редеть, тополя и дубы попадались все реже и реже, сменяемые кустарниками смородины, малины и барбариса. Ольна, восседая на косматом чубаром пони, восхищенно провожала взглядами раскидистые пряди невиданных деревьев, листья которых были настолько огромны, что спрятали бы от дождя сотни человек. Через пару тун и они исчезли, сменившись широкими просторами полей и озер.

Хрустальная вода манила к себе, стала бы зеркалом для ярких илиуских лучей, однако сегодня илиус скрылся за тучами. Малютка подумала, что будь сегодня ясная погода, она бы не смогла оторваться от красот здешних мест. Ничто, даже приближение алакса, не смогло бы заставить ее покинуть эти безмятежные просторы, где небо отделялось от земли четкой полосой, где жизнь была отражением в водной глади.

На зеленых островках у пологих берегов на задних лапках стояли серые зайцы, совершенно безразличные к приближающимся. Кажется, они приходили сюда ежедневно, успели вытоптать хорошо различимую тропинку. Луга с озерами стали их пастбищем на следующие два с половиной месяца лета. А потом пришли бы холода, и ушастые скрылись бы

в желтых красках осеннего леса.

Они даже не расступались. Лошади грозно заржали, но зайцы не сдвинулись с места. Фелиус попытался распугнуть их посохом, но наглые комки серого пуха не сделали и шагу в сторону. Некоторые даже умудрились вцепиться в белую трость зубами! Пришлось объехать их стороной.

Вскоре озерца, как и лес остались позади, четверка выехала на обширные луга, покрытые цветущей лавандой. Тут мимо то и дело пролетали дриады, состоящие из лепестков лавандовых цветов. Запах стоял неопишимо сладкий, и Ольна еще раз задумалась о том, что при свете илиуса здесь порхает сотня разноцветных бабочек, численность которых превосходит даже число звезд на небе.

Еще через час Фелиус остановился и слез с лошади.

– Дальше ехать нельзя. Пора отправлять их обратно.

Скакуны, которых они одолжили в Сирил-граде, должны были возвращаться домой. Путь, длиною в пол видхи, утомил их, поэтому скакать обратно прямо сейчас они не захотели и остались на лугу. Четверка двинулась вперед без них.

Прошел еще час.

– Здесь, – вдруг сказала Эльна, когда они вышли на вершину сопки.

– Что? – спросила малютка, абсолютно ничего не наблюдая. Как бы она не старалась высмотреть что-нибудь интересное, дальше трех лим видела одни лишь бескрайние лавандовые просторы.

– Подойдите сюда, – подозвала всех волшебница. – Мы на пороге Пелагиата. Магия Ра’атхов пропустит нас, но перешагнуть через нее мы должны вместе.

Четверка выстроилась в цепь и взялась за руки.

– Скажешь что-нибудь напоследок? – спросила она Фелиуса равнодушно.

– Дорогие путники, – громко и четко объявил он, – добро пожаловать в вековой град!

Они шагнули вперед, и Ольна увидела перед собой легкую материю, саван, прикрывающий колоссальное дакотское творение. Защитный купол пал, оставшись позади, и перед ней предстал Пелагиат во всем своем великолепии.

Не осталось сомнений – альвы были великим народом, во всем стремящимся превзойти людей. Септим даже не мог представить себе красоту Пелагиата, столь изысканную и утонченную, равную к покровительству над самим Создателем.

Все было соткано из серого песчаника: и дорожки, петляющие из одного конца града в другой, и мосты, превратившиеся в тонкие нити, протянутые от каждой пики башен, и широкие скверы, с четко вырисовывающимися контурами колоннад. Здесь все было окрашено только в два цвета – в черное и белое.

Окна каждого прямоугольного дома круглыми пятнами вырезались на серых стенах. В граде не было ничего, что

не имело бы круглую, или конусовидную форму, и Ольна вдруг поняла, на что был похож Пелагиат – на гнездо термитов, только в тысячекратно увеличенном размере. Бесчисленное число узких башен с острыми пиками вместо крыш устремлялись к самому небу, проходили сквозь него, и растворялись под покровом серых туч. Никто не видел, где они заканчивались, где тот предел, которого они достигали, и достигали ли они предела Создателя.

Ольна зорко оглядела высокую цитадель, возвышавшуюся на утесе. Стены ее были столь тонки и хрупки, что казалось, от одного лишь порыва ветра она обрушится вниз. Широкие аллеи уходили то резко вниз, то стремительно вверх, отчего кружилась голова. Острые крыши-пики царапали небо своим блеском.

А дальше – море. Там, где проглядывался смутный горизонт, по ту сторону которого вальяжно лежал непроходимый Эвингер длиной в четверть мидгарда, виднелось белое море. Как молоко, как снежные реки, оно бурлило и выливалось на песчаную поверхность. Над морем кричали стаи буревестников, садились на мачты крошечных лодочек и огромных трехмачтовых шхун. Они слегка покачивались на волнах, что ласкали ровный берег, но не вырывались на свободу, радуясь своей, ограниченной берегом, стихии.

Девочка моргнула, не чувствуя высохших глаз. Элин поглядела на побледневшее от восторга лицо малышки и громко засмеялась.

Они вошли через ворота, треугольной шапкой накрывающие главную дорогу. Два стражника, высоких альва (они были на две головы выше самого Фелиуса) одетых в золотоцветную броню, столь ярко выделяющуюся на фоне всей черно-белой меланхолии, с уважением опустили головы, приветствуя путников. Все четверо ответили кивком.

Вооружены. Два черных меча на поясе блюстителей порядка бросились в глаза. «Выковано прекрасно» – подметила Элин-воительница, знающая толк в оружии.

Фелиус вступил на мощенную дорогу – раздалось мелодичное эхо. Оно шло из всех сторон града, но не сводило с ума, было лишь легким журчанием родников, к которому быстро привыкаешь. Это пели камни, как только подошва сапог касалась их поверхности. Ольна в восторге захлопала в ладоши, начала прыгать по камешкам, каждый из которых напевал свой, особенный мотив.

Им стоило лишь переступить границу Пелагиата, как тот очнулся в своей прелести живых. Град был создан не альвами, а для альвов. Он был черно-белым для того, чтобы живущие в нем были цветными. Альвы, одетые в длинные рясы всех цветов, добродушно приветствовали новых гостей.

Здесь все было по-другому. Септим – столица Руны, был убит и подавлен. Ни прекрасные золотоцветные сады, ни широкие фасады домов и бескрайние набережные делали его таким. Сами гардвики делали. Может быть жители Пелагиата и боялись не проснуться однажды утром, но они умели хо-

рошо скрывать это, не теряли духа несмотря на то, что остались теми последними, кого не тронули темные силы.

Невероятная молодость всего настораживала. Может быть сам Септим, поросший нечистью и злобой, старил всех и вся, а может сами альвы никогда не принимали старость?

– Куда мы пойдем, Фелиус? – спросила Мира, испуганно озираясь по сторонам. Она впервые в жизни видела такой огромный вольный град.

– Идем к Каскадным площадям, – ответил он. – Оттуда мы быстро доберемся к «Зеркальному рассвету». Семья моего друга живет там, надеюсь, и он с ней будет.

– Я чувствую себя карликом, – несвязно простонала малютка, коя оказалась ниже ростом даже четырехлетних альвийских детей, играющих с круглым златоцветным плодом поодаль дороги!

В Септима Ольне не доводилось видеть лица прохожих, скрывающихся под масками и капюшонами. Здесь каждый был открыт. Малютка не с того не с сего ощутила себя ужасно ничтожной. Все альвы были высоки, красивы, чисты и опрятны. Она – мала, низка, худа; каждое ее движение возбуждало ужасную болотную вонь, принесенную с полудимских земель, и не заглушаемую даже чудесными духами молодых женщин, проходящих мимо.

«Как только Элин смогла избавиться от этого запаха» – недовольно фыркнула малютка, завистливо поглядывая на Эльну. Из всей четверки только она смогла привести

себя в порядок, отличаясь от других жителей лишь ростом и слегка уставшим видом.

«Эльна – волшебница, – объяснил нудно голос. – Ей дано выглядеть прекрасно даже в самые ужасные моменты ее жизни».

«А я – неуклюжая чародейка. Моя доля выглядеть нелепо всегда».

Малютка грустно выдохнула и накинула капюшон на голову, чтобы не показывать, как горят ее щеки от стыда.

– Они боятся, – прошептала Элин, рассматривая жителей.

– Не похоже, Эльна, – прошептала кроха, борясь с желанием провалиться сквозь землю. – Посмотри на их веселые лица!

– Хоть это и не Септим, маски на лицах остались. Я вижу ауру. Она смешена со страхом перед неминуемой гибелью.

В словах Элин может быть и была правда, но Ольна не могла подтвердить этого. Ауру видеть она не умела, а альвы не казались ей опечаленными, по крайней мере сейчас. Женщины и дети радостно украшали дома яркими бумажными фонариками, окрашенными в цвета радуги, мужчины поднимали над дорогами шатры из полупрозрачных розовых тканей. Недовольные сиффы, что несуразно застревали в них, шумели и пускали во всех стороны маленькие смерчи.

Как странно было видеть чудную смесь нечисти с гардвиками! В Пелагиате взору ни разу не попадались темные пережитки слияния, лишь толпы домовых, вышедших на по-

рог домов без дверей и окон; невидимые народы сильф, бесчисленное множество которых ютилось в воздухе; ведогони, кружившиеся над уснувшими и принимающие облик странных животных и птиц.

Илиус ушел прочь, оставляя землю одну в седой темноте. Время близилось к девяти вечера, но спать никто не собирался, а тех, кто все же поддался этому соблазну, будили. Град не готовился ко сну, он оживал, и в этом было нечто великолепное.

Звезды скрылись под слоем туч, но Пелагиат не исчезал без их света. Цвели милии, горели яркие фонарики, запущенные магией в небо. Неслышный теплый ветер с моря доносил танцевальные ритмы и веселые возгласы. Воздух не наполнялся привычной прибрежному городу запахом тины и морской воды, он пьянил ароматами вин, горячего хлеба, изысканных блюд и златоцветных плодов.

– Похоже, сегодня какой-то праздник, – заметила Мира. – На башнях зажигают огни.

– Чествования Девы-Ремины, – сказал Мыслитель, заворачивая к центральной площади. – Здесь большая часть – евмениды, евменидианцы. Веруют в то, что Дева-Ремени когда-то создала вездесущий мир этой ночью. Сегодня для них уходит старый год и наступает новый.

– Сегодня двадцать четвертое илиона!? – вспыхнула волшебница. – Фандер подери, Фелиус, до Слияния осталось совсем немного!

– Сегодня двадцать третье, – поправил он. – Альвы празднуют за день до создания мира. И до Слияния еще далеко, Элин. Хватит считать виры.

Чем ближе они подходили к Каскадным площадям, тем громче играла музыка и тем больше народу становилось вокруг. Огромные бочки альвийского вина были выкачены и поставлены у стен и оград. Широкие бульвары начинали наполняться столами и стульями. Еду еще не подавали, но зоркий глаз Ольны заметил пару телег, в которых мирно покоились шоколадные плитки, сыры, золотые плоды, пирожные, бочонки с медом и чаны с супами. В животе кто-то ожил и начал вырываться, требуя всего и сразу.

«Будет некрасиво, если я накинусь на еду без приглашения. Нужно отвлечься!» – подумала малютка, чувствуя внутри себя всепожирающую пустоту, и перевела взгляд к площадям. Огромные потоки вод спускались к ним с вершин, играя всеми цветами радуги. Столь сочная картина мира сводила голову с ума.

«Народу столько, что не протолкнуться» – завыл голосок.

«Не бойся, прорвемся» – уверенно заявила малютка и бодрым шагом пошла вперед, распугивая зевак своей болотной вонью.

Впереди, на самой высокой площадке, была выстроена круглая сцена. Силени и фавны играли на флейтах, приплясывая и отбивая копытцами чудный мотив. На фоне альвов они казались детьми.

Музыка была настолько заводная, что Фелиус не удержался, подхватил Миру за ее тонкую талию, и они закружились в танце среди иных влюбленных пар. Грязные, уставшие, чумазые. Все замерли и принялись смотреть на них. Потрясенная и немного обескураженная Мира не испугалась чужих глаз, не отпрянула. Она засмеялась, и ее смех прозвучал звонком сотен родников, изливающихся выше, на каскадах.

– Мы пришли сюда не развлекаться! – через зубы процедила волшебница, но влюбленные ее уже не слышали. Волшебница поставила руки в боки.

– Ну же, Эльна, – молящими глазами Эльна впиалась в подружку, прыгая на одной ноге. – Нельзя быть такой серьезной все время! Так сложилось, что мы, ведомые судьбой, попали в этот чудный город в день праздника и Нового года! Если ты немного расслабишься, ничего плохого не случится. Давай, потанцуй со мной!

– Это не наш праздник, – отсекла девушка. – Нас никто не звал. К тому же, чего это ты радуешься? Ты же узнала о существовании Девы-Ремени только сейчас!

– Ну и что, – отмахнулась малютка. – Если все альвы верят в нее, то и я тоже буду. Разве это плохо? – Эльна подхватила Эльну за руку, только хотела начать танцевать, как музыка оборвалась.

– Уф, вот и потанцевали!

Фавны и силени сошли со сцены, вместо них появилась юная красавица альвийка, одетая в полупрозрачное белое

платье, больше напоминающее рыболовную сеть. Ее тонкие пальцы коснулись струн изящного музыкального инструмента, исписанного рунами, слегка напоминающего земную арфу. Ее бледная кожа и волосы сплетались воедино, одни только губы и голубые глаза выделялись на белом яркими пятнами.

Ее пальцы пробежались по первым трем струнам – в воздух ринулись неземные звуки. Она запела чудесным голосом. Конечно, это был не голос полевых или лесных дриад. Он был обычным, но именно таким Ольна и хотела его слышать:

*Любовь и надежда всегда нас спасает,
А если вокруг разбиты сердца,
Их вместе сплотить она помогает,
Дева-Ремень – вот имя Творца.
Она создала дивный мир своим взглядом,
Ему нет края, не видно конца.
Она всегда с нами, она всегда рядом.
Отпразднуем ж дети рожденье Творца!*

Все смотрели на поющую альвийку восхищенными взглядами, однако волшебнице она не понравилась. Нет, пела она превосходно, выглядела изящно, но дело было не в этом. Эти звуки... Эти гардвики... Точно такими же они были в Тинк-Кросс за день до того, как фандеры привели в ущелье Рубиуса Керивиса. Каждое звучание струн заставляло ее вспоми-

нать о тех последних днях, прожитых в Тинк-Кросс. Душу разрывало. Она надеялась, что ей удалось позабыть и умереться, но оказалось, что она ошибалась.

Нет. Мне не страшно. То лишь страшный сон. Очнусь – останется прибрежный звон...

Целительница отвернулась, подняла голову к небу, пытается сдержать глупые слезы. Звезд на небосклоне не было. Одни лишь цветные фонари. Эльна опустила глаза и увидела блистающую синеву бесчисленных мантий. На мгновение ей показалось, что это хор альвов с золотыми флейтами, однако ей хватило туны, чтобы понять, что альвы в мантиях вовсе не входят в состав хора, а флейты в их руках – вовсе не флейты. Молодые альвы, их было около трехсот, может больше (в темноте не разглядеть), были бравыми войнами с луками и стрелами. Они прокрадывались тайно под тенью домов, пытаясь не привлекать к себе особого внимания. Им это удавалось. Все взгляды были устремлены к поющей на сцене, поэтому никто их и не замечал.

Войско. Армия. Армия исчезла за подворотней, скрывшись из глаз.

– Они готовятся, – выдохнула волшебница. Ее никто не услышал, даже сильфы, танцующие над головой. – Они ждут прихода алакса.

Музыка, что лилась медленно, заиграла быстрым темпом. Альвы ринулись танцевать. Ольна прижалась к волшебнице, боясь, как бы ее не зашибли.

– Ты что-то сказала? – сморщилась малютка, подымая глаза к девушке.

– Как ты думаешь, Ольна, – Элин говорила не слишком громко, чтобы другие не услышали ее, – откуда у альвов оружие?

– Выковали, – пожав плечами, ответила малютка, – это ведь не сложно, наверное...

– Это не рунская работа, – отсекала волшебница. Девушка опустила глаза на Дэгриль. – В наших землях нет искусных кузнецов, что смогли бы сделать хороший клинок. К тому же, металл, из которого были сделаны мечи у тех стражников, не серебро, и тем более, не железо. Сия работа – дело рук темных альвов с Инки, и не думаю, что они хранили ее здесь с Эры Тетрианского Вторжения.

Ольна вдруг поняла ход мыслей подружки.

– Ты хочешь сказать, что в Пелагиате знают, как пробраться в Галадеф? Знают, как обойти защитный купол, открыть башню без ключа и перейти в другой мир?

– Зеркало Переходов тут не причем, – отсекала волшебница. – На оружие нет рун, защищающих от временного разрушения при перемещении.

– Тогда как такое возможно? – спросила малютка, пропустив объяснения мимо ушей. Музыка остановилась, и ей пришлось замолчать. Она прекрасно понимала, что этот разговор не стоит доносить до чужих ушей.

– Поговорим об этом в другой раз, – бросила волшебни-

ца. Альвы расступились, освобождая площадь. Элин и Ольна остались позади.

– Там сейчас что-то начнется! – горя любопытством, сказала малютка. – Отсюда мне ничего не видно! Пошли, Эльна! Пойдем посмотрим!

– Я ненавижу смотреть на чьи-либо выступления, – отмахнулась волшебница. – Все, несущие слово перед большим количеством ушей, либо слишком самоуверенны, либо эгоистичны. Не хочу видеть таких, мне вполне хватает выступлений алакса. Если хочешь – иди. Я буду здесь.

Ольна надула щеки, но переубеждать волшебницу не стала, аккуратно протолкалась к Мире и встала около нее. Загадочный разговор с Эльной сам собой вылетел из головы. Сейчас ее меньше всего интересовало, откуда у здешних жителей взялось оружие.

Ольне хотелось есть, но жадное любопытство не давало возможности оторвать взгляда от сцены. Некоторое время на ней никого не было, а потом появился мужчина. По толпе пробежал шорох. Кем бы он не был, все альвы прекрасно с ним были знакомы.

– Он здесь! Он будет говорить! – промолвил кто-то за спиной.

– Ох, Дева – Ремени, как же он хорош! – зашептались молодые девушки, которым от силы было лет семнадцать.

– Почему же его сердце еще никому не принадлежит!? – жалостливо запели иные.

Когда альвов было много, малютка не могла сконцентрироваться на ком-то одном, глаза разбегались в пучине их безмятежной красоты. Теперь же альв был один, свет фонариков, порхавших над головой, озарял только его, и Ольна смогла тщательно разглядеть дивного гардвика. Он был одет в черный фрак с изумрудными пуговицами, из левого кармана выглядывала темно-синяя роза. В руке он держал серебряный кубок, исписанный образами животных.

«Этот альв уж точно не певец!» – решила малютка, осматривая его крепкое телосложение. Она разобрала каждую его деталь, а потом перешла к лицу. Не было ничего удивительного в том, что мужчина был красив. К этому малютка уже привыкла. Ему было от силы лет тридцать. Длинные волосы достигали плеч, кожа отдавала звездной синевой. Нос тонкий, уши острые. Широкие скулы скрывались под легкой небритостью, черные глаза горели ясностью и неповторимостью, затягивали в себя любой свет, были бездною.

Он улыбнулся, и Ольне стало не по себе. В этой улыбке было что-то пугающее и манящие одновременно. Женщины, что стояли рядом, обомлели и нервно захихикали, смущенные опуская глаза. Малютка бросила на них удивленный взгляд. Было видно, что все они питали сильную слабость к вышедшему на сцену. Ольна на мгновение подумала, что, будь она чуток постарше, то тоже бы влюбилась в него.

– Добрый вечер, – начал он. Его голос прозвучал властно и притягательно, заставляя замолчать даже тех, кто был

на другом конце площади. – Я приветствую вас, друзья, жители и гости нашего прекрасного града у берегов Эвингера!

Сегодня мы чествуем Деву-Ремени – нашу покровительницу и наставницу. Она была с нами тысячи лет, каждый день присматривая за сим миром. Она не давала нашим землям и семьям погибнуть, дарила нам любовь и счастье, каким бы искрометным оно не было. Мы чувствуем ее взгляд на себе каждую туну, она присматривает, и будет присматривать за нами еще многие тысячелетия. Вечно.

Несмотря на то, что для Руны настали тяжелые времена, завтра она снова возродит наш мир и начнет все заново.

Сегодня тот вечер, когда мы должны забыть все свои обиды и страхи, простить тех, на кого мы в обиде, и попросить прощения у тех, кого мы обидели. Пусть наши сердца будут едины в эту ночь! Я верю, что Дева-Ремени будет с нами и единственное, что прольется в новом году, будут реки альвийского вина!

Так давайте ж веселится, пока она с нами, пока морон возрождает свои силы на небосклоне, пока илиус озаряет землю своим светом!

– ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДЕВА-РЕМЕНИ! – воскликнула толпа, и кубки вина ударились с громким звоном. Серый альв спустился со сцены. Опять заиграла музыка, фонарики заплясали на звездном небосклоне.

– Не знал, что ты так красноречив! – сказал Фелиус, подходя к прекрасному незнакомцу. Альв обернулся, и на его

лице расплылась та самая непревзойденная улыбка, так сильно трепещущая сердца юных красавиц.

Эти двое были знакомы. «Вот о каком друге говорил Мыслитель!» – промелькнуло в голове.

– Финиган! – радостно воскликнул альв и кинулся в распростертые объятия Фелиуса. Толпа проводила их удивленными взглядами. – Сколько лет, Фелиус! Выглядишь так, будто бы только что прибыл из Астро!

– Можно и так сказать, – пожал плечами Мыслитель.

– Я думал, что не увижу тебя больше. Когда ты отплывал от берегов Рудного, был ...семнадцатый?...

– Восемнадцатый, – поправил Фелиус.

– Восемнадцатый год! Ох, Ремени, сколько времени утекло! Мы тогда еще не думали о войне, вот сатаил, как же все так быстро поменялось!?

Ладно, у нас еще будет время поностальгировать о давних временах. Рассказывай, что привело тебя сегодня к нашим берегам?

Фелиус перевел взгляд на Миру.

– Знакомься, Торон, мой свет в ночи – моя Святомира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.